

Хабаровское региональное отделение Российского союза писателей

Притяжение-ДВ

Литературно-исторический альманах

Выпуск 3(14)

Лето-2020

Москва 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
П 77

*Коллективный сборник авторов-дальневосточников,
членов Хабаровского РО РСП*

Редакционная коллегия:

*Пысина Галина Александровна,
Разумов Георгий Львович,
Крадожен-Мазурова Елена Михайловна,
Суслова Ольга Сергеевна*

П 77 **Притяжение-ДВ.:** Литературно-исторический
альманах. Выпуск 3(14). Лето-2020. – М.: Изда-
тельство «Спутник +», 2020. – 290 с.

ISBN 978-5-9973-5775-7

В честь Дня России, а также Дня города Комсомольска-на-Амуре (ему летом 2020 года исполнилось 88 лет), обращивая взгляд на историю возникновения литературного творчества на Дальнем Востоке, правление Хабаровского РО РСП приняло решение о публикации очерков о писателях-дальневосточниках.

Обратная связь:

Сайт <https://habrorsp.nethouse.ru/page/1321646>

ВКонтакте <https://vk.com/habrorsp>

Адрес электронной почты: habrorsp@yandex.ru

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5775-7

© Коллектив авторов, 2020

Содержание, № 3(14) Лето-2020

Предисловие	7
<i>Галина Пысина</i>	8
ХабРО Российского союза писателей	
По материалам альманаха прошлых лет	
Писатель Н.Д. Наволочкин	
<i>Н.Д. Наволочкин</i>	20
Дневник памяти (выдержки)	
<i>Ольга Суслова</i>	22
Николай Наволочкин	
Петр Комаров – поэт-дальневосточник	
<i>Сергей Бойченко</i>	36
Отцовский подвиг	
<i>Изольда Казанова</i>	44
Борис Андреевич Машук	
<i>Антонина Кухтина</i>	49
Масловский писатель-натуралист	
<i>Федор Масловский</i>	57
Незабываемое детство	
Родом из детства	
Память детства	
<i>Лидия Смирнова</i>	90
«Эпизоды из жизни мальчика Грани»	
<i>Надежда Суркова</i>	97
О поэте Н.Кабушкине	
Три письма поэту Н.Морозову	
Если б вы знали... Письмо первое	
Почитала и почувствовала. Письмо второе	
Читаю, восхищаюсь, переживаю. Письмо третье	
<i>Галина Пысина</i>	120
Истоки	
Юбилей Лито «Муза при свечах».	
<i>Лилия Стрельцова</i>	141
Памяти В.Ф. Захарова	
<i>Виталий Захаров</i>	144
Это была моя молодость	

<i>Галина Пысина</i>	151
А.А. Вахов – дальневосточный писатель	
Семен Бытовой	
Вера Григорьевна Калашникова	
<i>Вера Калашникова</i>	160
Возвращение в детство	
<i>Галина Пысина</i>	163
А. Таенкова и ее журнал «Золотой Ригмёнок»	
Всеволод Сысоев	
<i>Лидия Люся</i>	178
Знакомство с В. П. Сысоевым	
<i>Татьяна Гладышева</i>	181
В.П. Сысоев	
<i>Елена Крадожён-Мазурова</i>	182
Мой Георгий Пермяков	
Легче писать о мёртвом поэте?!	
Река Поэзии Капитана Игоря Царёва	
Поэты-дальневосточники на службе Слову	
<i>Владислав Юзефов (1931-2005)</i>	219
Несбывшаяся мечта Николая Задорнова	
<i>Сергей Курьян</i>	225
Малиновый чай	
<i>Стихи в прозе</i>	
<i>Елена Перевалова</i>	226
Городу Комсомольску-на-Амуре	
Я проведу ревизию мечтам	
У любви голубые глаза	
<i>Надежда Суркова</i>	230
Уже дыхание лета ощущаю	
Сегодня к нам вернулось лето	
Начало лета	
<i>Ольга Суслова</i>	233
Летний День	
Летний дождь	
Голубым дождём разливалось лето	
<i>Антонина Кухтина</i>	233
Наши дети	
Не бойся жить!	
Ликуй, моя радость	

<i>Татьяна Модестова</i>	237
Июньский полдень	
Здравствуй август, здравствуй грусть	
Дождливый день	
<i>Раиса Андреева</i>	238
Июньский дождь	
В старом парке	
Сонет №1	
<i>Алла Сенавина</i>	241
Известно всё о близком человеке	
В твоей я жизни ничего не значу	
Тебя я не забыла	
<i>Людмила Скрипченко</i>	244
На краю Востока Дальнего	
Береза белая	
Восход. Закат	
<i>Галина Пысина</i>	246
Кончается лето	
Приходит август	
Писателю Н.Наволочкину	
<i>Ольга Бунина</i>	248
Святому Луке Крымскому	
Подражание Шекспиру. Сонет	
Ноктюрн	
<i>Изольда Казанова</i>	251
Мотивы амурских народов в хокку	
<i>Юрий Евстифеев</i>	253
Бульвары	
Тень	
Мечтай	
<i>Игорь Оринов</i>	256
Любовь – есть творчество души	
Любовь – Всё этим Сказано	
О детстве в Питере, Друзья, замолвлю Слово!	
<i>Георгий Разумов</i>	260
От июля...	
Как я лето люблю	
Всего полчаса	

<i>Борис Марков</i>	261
Еврейский музыкант	
Нереиде	
Длинная июньская ночь	
<i>Игорь Мосин</i>	264
Зеркала	
Я ненавижу тусклый свет	
Надежда	
<i>Галина Усова</i>	267
Как цветёт ошалело калина	
Распахну-ка я окна	
Я очарована...	
<i>Нина Шаповалова</i>	269
Тумнин	
Тигриный ус	
Сизиман. Бухта	
Тишина	
Это весенний Тумнин	
<i>Рафик Исмагилов</i>	271
Река Урил	
Река Алаун	
Река Альдикон	
Эпилог	275
Библиографическая справка	277

Предисловие

12 июня установлен праздник для новой страны – День России. Раньше в начальные дни лета по всем селам отмечали День «березки» – окончание посевных и посадочных работ, это был большой и важный праздник, особенно, в селах, в совхозах и колхозах. 12 июня приобрела Россия независимость и провозгласила Декларацию о независимости – во времена раннего правления первого Президента России. Но история России – тысячелетняя и неразрывная, кто бы ни возглавлял нашу родину. И все писатели во все времена и века писали – о своей любви к родине.

Хабаровское лето-2020 запомнится не только своей испепеляющей июльской жарой – это дело обычное, не только предчувствием беспрецедентного распространения ковидной инфекции, но и тем, что этот далекий восточный, забытый многими город, вдруг заставил о себе говорить очень многих и во многих точках не только страны, но мира. Хабаровск является литературной столицей Дальнего Востока. Во многом это обусловлено появлением именно в Хабаровске в далеких 30-х годах прошлого века писательского объединения дальневосточных авторов. Напомним, что Хабаровск того времени – административный центр Дальневосточного края, то есть всего Дальнего Востока. Первым руководителем Союза писателей всей страны в те же 30-е годы стал дальневосточный писатель А.Фадеев, автор книг «Разгром» (о гражданской войне на Дальнем Востоке), «Молодая гвардия» (о подвиге краснодонцев в годы Великой Отечественной войны). Жизнь А.Фадеева оборвалась в 1956 году. [1]

В честь Дня России, а также Дня города Комсомольска-на-Амуре (ему летом 2020 года исполнилось 88 лет), оборачивая взгляд на историю возникновения литературного творчества на Дальнем Востоке, правление Хабаровского РО РСП приняло решение о публикации очерков о писателях-дальневосточниках.

Галина Пысина

ХабРО Российского союза писателей

Хабаровское региональное отделение Российского союза писателей учреждено 7 ноября 2016 года, офис располагается в Доме литераторов краевого центра.

Земли Хабаровского края – это и есть то самое Приамурье, о котором писали М.Пришвин и П.Комаров, Р.Казакова и Н.Задорнов, А. Вахов и П. Халов, А.Окладников и А.Деревянко и многие-многие другие писатели и ученые. Это те земли, за присоединение которых к России бился Е.Хабаров (в XVII веке) и Г.Невельской (в XIX веке).

Границы Хабаровского края на востоке омываются морями Великого Тихого океана. По территории края ранее проходили Охотский и Аяно-Майский сухопутные тракты (XVII-XIXвв), через которые осуществлялась связь, в том числе и почтовая, не только с северными районами страны, но и с Русской Америкой (Аляской) и США. На западе наш край граничит с Амурской областью, Республикой Саха (Якутия), на севере – с Магаданской областью, на юге с Приморским краем. Часть южной границы Хабаровского края является государственной границей с Китайской народной республикой.

Мы – при Амуре, Приамурье. Через всю территорию края протекает великая судоходная река Амур с притоками. Проходят горные хребты: Становой, Баджальский, Кондёр, Джугджур, Дусе-Алинь, Сихотэ-Алинь. В 2001 году Сихотэ-Алинский заповедник включен в перечень Всемирного наследия ЮНЕСКО, как природный объект, став в России 14 объектом со статусом Всемирного наследия. На территории Хабаровского края находятся исключительные по красоте и климатическим условия знаменитые Шантарские острова. В Хабаровском крае национальными поселениями проживают нанайцы, негидальцы, орочи, удэгейцы, эвенки, эвены, нивхи, обычаи и культура которых находятся под особой охраной государства и общества, сохраняются и передаются из поколения в поколение.

Здесь находится город президентского внимания: Комсомольск-на-Амуре, из которого ушел на войну знаменитый А.Маресев, Почетный житель этого города, летчик – герой повести Б.Полевого «Повесть о настоящем человеке». Именно комсомольчане и военнослужащие руками удерживали с помощью натянутого тента нагонную волну в 2013 году во время самого крупного осеннего наводнения на реке Амур.

В Хабаровске имеются представительства КНР, Японии, Беларуси. Активную работу осуществляют землячества народов России, стран СНГ и стран бывшего Союза ССР. Хабаровск исторически с момента своего основания (1858) является Дальневосточным центром, до 1938 года был столицей Дальневосточного края. После отделения от Дальневосточного края в отдельный субъект территории Приморского края, правопреемником Дальневосточного края стал Хабаровский край (с 20 октября 1938 года). В состав

Хабаровского края входили Магаданская, Амурская, Сахалинская, Камчатская области, ЕАО, Чукотский и Корякский автономные округа.

По мере развития дальневосточной территории из нашего края выделились в отдельные субъекты Амурская область (центр г.Благовещенск), Камчатский край (центр г.Петропавловск-Камчатский), Магаданская область (центр г.Магадан), Чукотский округ (центр г.Анадырь), Сахалинская область (центр г.Южно-Сахалинск), ЕАО (центр г.Биробиджан).

В настоящий момент город Хабаровск – не административный центр Дальневосточного Федерального округа (с 14 декабря 2019г), но центр Хабаровского края с населением более 600 тыс. чел. (самый крупный город на всем Дальнем Востоке). Он сосредотачивает пересечение воздушных, железнодорожных, автомобильных и водных путей дальневосточного региона. Остается культурным центром Дальнего Востока, где имеется единственная в своем роде Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ), фонды которой сформированы изначально российским императором Николаем II. В городе есть университеты и академии; музеи и выставочные залы, образовательные учреждения культуры и искусства, значимые для всего дальневосточного региона. В Хабаровском крае издается литературный журнал «Дальний Восток», журналы «Словесница искусств», «История. Культура. Приамурье», научно-популярные и научные издания, во множественном количестве глянцевого журнала, такие как «Грань ДВ» «Лучший город» и др., сохраняются исторические и культурные памятники, национальное и литературное наследие. Имеются несколько театров: Драматический театр, Театр Музыкальной комедии,

Театр юного зрителя, Детский кукольный театр, Театр Пантомимы; несколько домов ветеранов с широким спектром для развития творческих способностей ветеранов и участия их в общественной жизни города, культурных центров для детей и молодежи, (в пригороде центр «Созвездие»), где сосредоточены различные студии и клубы по интересам. Значимая клубная работа проводится ДВГНБ. В городах края и в краевом центре организованы, и функционируют литературные объединения и клубы.

Хабаровск называют европейским городом на Дальнем Востоке.

В Хабаровском крае жили и работали многие известные писатели и поэты: В.Арсеньев, Вс.Иванов, М.Пришвин, А.Фадеев, П.Комаров, Н.Задорнов, Р.Казакова, Б.Полевой, А.Гайдар и многие другие. Произведения дальневосточных писателей и поэтов являются культурной составляющей региона. Их имена хорошо известны: Ю.Шестакова, С.Феокистов, А.Самар, Н.Наволочкин, В.Клипель, В.Афанасьев, С.Смоляков, А.Максимов, А.Грачёв, В.Сысоев, А.Пассар, П.Халов, Г.Ходжер, А.Вальдю, В.Ажаев, А.Вахов, Д.Нагишкин, В.Захаров, А.Федотов, М.Асламов, Л.Миланич, Е.Кохан и многие другие.

Региональным отделением РСП проводятся собрания и творческие встречи, издаются книги, налажены творческие контакты со школами, училищами и вузами с целью просвещения молодежи и приобщения молодых авторов к литературе. Так, региональное отделение активно участвует в литературных мероприятиях при ДВГНБ. Региональное отделение участвует в организации и проведении Хабаровских Царевских чтений «Царев. Хабаровск Россия» (проводятся с 2015г), является учредителем и

организатором конкурса одного стихотворения «гражданская лирика», памяти Евг.Евтушенко (проводится с 2017г), участвует во многих значимых литературных мероприятиях края и города, других субъектов страны и Дальнего Востока, в том числе, совместно с ветеранами, в студенческих и школьных аудиториях, работает в жюри литературных конкурсов.

Наши авторы – лауреаты и финалисты различных литературных конкурсов в стране, в регионе и за рубежом. Члены регионального отделения участвуют в общегородских и общекраевых торжественных и культурных мероприятиях, посвященных памятным датам.

В настоящее время создан сайта Хабаровского РО РСП, сайт активен. На регулярной основе издается альманах «Притяжение-ДВ» – коллективный сборник творческих работ, стихотворений, прозы, публицистики современных дальневосточных авторов, в том числе из числа молодежи. Наша цель: объединить всех авторов литературных сообществ города и края на одной литературной основе.

В Хабаровске и крае, в Приамурье (это земли, расположенные вдоль великой и могучей реки Амур), в Приморье (это земли расположенные вдоль берегов Великого Тихого океана, которые в настоящее время составляют территорию Приморского края с центром в г.Владивостоке), на дальневосточном Севере и на острове Сахалин побывали такие известные ученые, писатели, географы, путешественники, как И. Москвитин, С.Шелковников, С. Дежнев, В.Беринг, В.Атласов, В.Поярков, Е.Хабаров и др (XVII век), Г.И. Невельской (с 1849), Н.К. Бошняк (1849), М.И. Венюков (1857), И.А.Гончаров (с 1854), Н.М.Пржевальский ((1867), А.Ф.Миддендорф (в 1844г), К.И.Максимович (с

1854), А.И.Воейков (1866), Р.К.Маак (1855), Л.И. Шренк (1894), К.Д.Глинка (1908), А.Ф.Будищев (1858), А.Н.Криштофович (1913), В.Л.Комаров (1895), А.П.Чехов (с 1990), В.А.Ивашкевич (1909), Ф.Нансен (1913), А.А.Строгий (1918), В.К.Арсеньев (с 1908), Г.А.Федосеев (с 1948), Н.И. Прохоров (1909), П.И.Колосов (советское время) и многие другие. И каждый из них не только оставил свой след на дальневосточной земле, но и пополнил науку и искусство страны важными научными исследованиями и произведениями искусства.

Хабаровский край привлекал и продолжает привлекать к себе внимание активной части россиян различных национальностей. ХабРО РСП старается соответствовать высокому званию именно профессионального писательского объединения.

По материалам альманахов прошлых лет

(о Николае Наволочкине)

5 сентября 2018г. на доме 39 по ул. К.Маркса в Хабаровске открылась мемориальная доска памяти советскому и российскому писателю члену Союза писателей России, Заслуженному работнику культуры РСФСР, Почётному гражданину г.Хабаровска Н.Д.Наволочкину. Инициаторы увековечивания памяти писателя – Хабаровское отделение Всесоюзного общества охраны памятников искусства и культуры и, в первую очередь, Л.А.Ишаева, как активный заместитель председателя этого Общества. В мероприятии наряду с официальными лицами края и города участвовала дочь писателя Светлана Николаевна Медведева и общественный деятель села Николаевка Лилия Петровна Барбышева. От ХабРО Российского союза

писателей в этом торжественном мероприятии, посвященном знаменательному событию, принимала участие член Российского союза писателей Елена Михайловна Крадожён-Мазурова.

Сам момент открытия памятной доски проходил под проливным дождем, что по народной примете является знаком положительным.

По прошествии нескольких лет приходится читать некоторые критические заметки от современных хабаровских авторов о творчестве Н.Д.Наволочкина, жизнь которого – символ добра, света, радости, любви к своим землякам и детям.

Николай Дмитриевич Наволочкин родился в с.Николаевка Еврейской автономной области Хабаровского края 5 января 1923 года. Он никогда не забывал свои истоки, свои корни и регулярно проводил встречи с читателями на своей родине в с.Николаевка ЕАО.

С 1977 по 1987 годы Н.Д.Наволочкин возглавлял редакцию литературно-художественного журнала «Дальний Восток». Имя Н.Д. Наволочкина присвоено Хабаровской краевой детской библиотеке (Хабаровск, ул.Ленинградская) и Николаевской библиотеки (с. Николаевка, ЕАО).

Скончался Николай Дмитриевич в г.Хабаровске 20 сентября 2013 года. В этот период ЕАО – самостоятельный субъект Федерации и культурные связи между родиной Н.Д.Наволочкина и центром Хабаровского края несколько ослабли. Однако известно, что в с.Николаевка ЕАО традиционно проходят литературные чтения, начало которым положил писатель Н.Д.Наволочкин. В Николаевских чтениях принимают участие и некоторые хабаровские авторы.

Писатель Н.Д. Наволочкин

Биография писателя Н.Д.Наволочкина – богатая. Достаточно упомянуть, что в годы Великой Отечественной войны он был призван в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА). Ему довелось участвовать в битве на Курской дуге. За проявленный героизм Н.Д.Наволочкин награжден Орденом Красной Звезды. Со своей дивизией он прошёл до Польши, награжден также медалью «За боевые заслуги», другими наградами. Он освобождал свою страну и страны Европы от фашизма. Под конец войны был ранен и День Победы встретил в госпитале города Новосибирска. После выздоровления вернулся в Хабаровск, где окончил Хабаровский педагогический институт.

В 1953 году вышла первая книга Н.Д.Наволочкина – сборник стихотворений *«Дорогие мои земляки»*. В 1954 году издан сборник стихотворений *«На Амуре»*, и в том же 1954 году Н.Д.Наволочкин становится членом Союза писателей СССР. Но самые первые стихи писателя опубликованы еще в 1940 году, когда он был учеником 10 класса Николаевской средней школы.

Книги писателя: *«Шли радисты»*, *«Жди ракету»*, *«Забытая история»*, *«Амурские вёрсты»*, *«Главное дело капитана Дьяченко»*, *«После дождичка в среду. Были небыли поселка Н.»*

Писатель имеет правительственные награды не только за героизм в период войны, но и за ратный труд в мирное время. В 1967 года его наградили Орденом «Знак Почёта», имеется у него награда и «За освоение целинных земель» (медаль) и многие другие медали, в том числе государства Польши.

В 2008 году от губернатора края В.И. Ишаева Н.Д.Наволочкин получил почётный знак Правительства края «За заслуги». А ещё раньше 22 мая 1995 года он стал Почётным жителем города Хабаровска. Н.Д.Наволочкин – лауреат премии Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства.

Он написал и издал около 30 книг для детей, некоторые из них переиздавались несколько раз. Н.Д.Наволочкин – автор романов и повестей на историческую и военную тематику. Его роман *«Амурские версты»* об освоении Дальнего Востока многократно с 1974 года переиздавался, последний раз в 2007 году. Произведения писателя включены в школьные издания для внеклассного чтения по дальневосточной литературе.

В 2018 году писателю исполнилось бы 95 лет. А за пять лет до этого к 90-летнему юбилею создан небольшой фильм *«Край замечательных людей. Н.Д.Наволочкин»*. Этот фильм можно скачать и посмотреть в интернете.

Педагог средней общеобразовательной школы с.Георгиевка Е.А.Пилецкая подготовила презентацию о творчестве писателя, которая представлена учащимся школы и хранится на одном из творческих ресурсов интернета. На сайте библиотеки имени Н.Д.Наволочкина содержится раздел, посвященный писателю, и в нем подразделы «Наш Н.Д.Наволочкин», «Летопись наших встреч», «Репортажи». «Статьи о Н.Д.Наволочкине», «Экспозиция «Дом-музей», и др.

При изучении творчества дальневосточных писателей педагоги большинства, даже самых отдалённых школ края, обязательно знакомят ребят с творчеством Николая Дмитриевича. С героями его

детских сказок и рассказов дальневосточные школьники знакомы с раннего возраста.

О Николаевских чтениях в интернете мало информации. Но на портале Проза ру существует страничка автора «У Камина». Здесь мы нашли интересные строки, совсем небольшой объем информации о проведении примерно в 2012 году Николаевских чтений с участием Николая Дмитриевича Наволочкина:

«Рабочий поселок Николаевка был основан в 1896 году на седьмом километре шоссейной дороги. В 1896 году несколько переселенцев из центральных областей России приехали жить в эти края, основавшись в начале у озера Круглое, а затем переехав жить на крутой берег залива реки Тунгуска (об этом рассказал один из старейших жителей нашего посёлка Николай Дмитриевич Наволочкин. Запись 1979 года)

...Спустя некоторое время встал вопрос о названии образованного села. Дальневосточный писатель Николай Дмитриевич Наволочкин так описывает это событие в своей книге «Забытая история» словами своего героя:

«Как-то под вечер прислали за мной мальчишку.

– Идите, – говорит он, – дядя Николай к кузне на сход зовут.

Прихожу, а там мужики сидят, рядят, как деревню назвать. Кто говорит:

– Давайте Берёзовкой назовем. Берёз здесь много.

Другой кричит:

– Тунгуской! Река у нас здесь – Тунгуска.

А потом кто-то предложил:

– Давайте подсчитаем, чьих имён больше, по тому имени и назовём.

Решили так сделать. А когда подсчитали: Матвей – один, Никита – один, Ивана два оказалось, Василия тоже, а Николая вместе со мной – три! На Николаевке и сошлись. Послали бумагу в волость, там согласились, ещё и похвалили нас: «Правильно, мол, мужики, что в честь государя деревню свою назвали». Так и стала с тех пор деревня называться Николаевкой».

Известные люди в разные годы писали о Н.Д. Наволочкине:

«Николай Дмитриевич Наволочкин – не просто человек, который понимал и любил детей, он – писатель и человек, которого понимают и любят дети. И это для писателя – большое счастье, самая великая радость: его слово – живёт. Живёт в душах людей. И совершает огромную созидательную – животворящую работу», – *Н.Кабушкин, член Союза писателей России.*

«Николай Дмитриевич всегда трепетно относился к молодым авторам, всячески поддерживал их, помогал развивать настоящий талант. Многих рекомендовал в союз писателей, и никто из них ни разу не подвел своего учителя и наставника», – *Е.Черникова, «Хабаровские вести» (2013)*

«Добрый свет таланта», – назвали свою статью о писателе *Е.Кузнецова* и *О.Ракова* в журналах «Культура и наука Дальнего Востока» и «Словесница искусств» (2018);

«..увековечена память прекрасного человека и писателя, фронтовика, нашего земляка Николая Дмитриевича Наволочкина. Он всегда помнил о своих корнях, о людях, среди которых вырос. И его отношении к ним возвращается сторицей», – *Г.Седова (слова приурочены к моменту принятия решения о*

присвоении Николаевской библиотеки имени Наволочкина).

«Пригласил дед Голенищев инопланетян (случайно познакомился на Феклином озере) побывать у них в поселке Н., да и озадачился. Что же это, теперь и в космосе будут знать, что кума Ефросинья гонит самогон; выпивохи Генка, Гошка и Гаврюха баклуши бьют; трактор с лесоперевалки угнали, а начальство и в ус не дует; вертолетчик Славка каждый день букеты с неба прямо во двор пигалице Люське швыряет, а машина-то государственная...» (Н.Наволочкин *«После дождичка... в среду»*).

Добродушные, легковверные, незадачливые люди, такие близкие и понятные, поступки их вызывают и смех, и сочувствие. Грустно-правдивые рассказы юмористической повести *«После дождичка... в среду»* согреты блестящим талантом писателя, его духовной кротостью и безмерной любовью к людям, поэтому эти бесхитростные истории и волнуют сердце, трогают до слез, заставляют задуматься о нашем житье-бытье» – Л. Рунова

Издательский дом «Приамурские ведомости» выпустил в свет долгожданную книгу знаменитого дальневосточного писателя Николая Дмитриевича Наволочкина *«После дождичка... в среду»*. К всеобщей радости, в преддверии 90-летия Николая Дмитриевича издательскому дому «Приамурские ведомости» при поддержке министерства культуры Хабаровского края и писателя Михаила Николаевича Задорнова удалось переиздать эту замечательную книгу. Иллюстрировал книгу знаменитый дальневосточный художник Виталий Михайлович Лебедев. Издание выпущено в подарочной серии «Литературное наследие Приамурья» тиражом в

2500 экземпляров (*информация имеется в общем доступе на просторах Интернета*)...

Полпред В.Ишаев направил поздравление почетному гражданину Хабаровска, Заслуженному деятелю культуры Российской Федерации Николаю Наволочкину с 90-летием (2013): *«Уважаемый Николай Дмитриевич, выражаю Вам искреннюю признательность за преданность Дальнему Востоку, большой личный вклад в развитие литературы, формирование духовно-нравственных основ в воспитании граждан России. Примите самые теплые пожелания здоровья, благополучия и успехов в реализации новых творческих планов».* [2]

«Рассказ «Дневник памяти» Н.Наволочкина интересен воспоминаниями мудрого, доброго, наблюдательного, сердечно щедрого человека, большая часть жизни которого пришлось на нелегкий, переполненный событиями двадцатый век. Друзья юности – ребята фронтового радиовзвода, с которыми автор прошел дорогами войны от Ельца до Польши. Раздумья о творчестве, портреты дорогих сердцу писателей, друзей... Каждая строчка дневника согрета теплом души автора». (*Цитата из общедоступного ресурса Интернета*).

Н.Д. Наволочкин

Дневник памяти (*выдержки*)

Так началась война

Собираясь на выпускной вечер, решил отгладить брюки. Для этого надо было раскопегарить тяжеленный чугунный утюг, внутри которого тлели угли. В самый ответственный момент в дом влетел друг Борис и с порога закричал: «Ты радио слушал? Немцы напали,

война». Мы прибежали к поселковому клубу, когда там уже собрался народ. Шёл восьмой час вечера, и вдруг из репродуктора, который висел на столбе, сквозь помехи прорвался какой-то марш. А потом голос Левитана сообщил, что сегодня, в четыре часа утра... без объявления войны...бомбили Киев...

Выпускной всё-таки состоялся, но на нём мне и трём однокашникам вручили повестки на фронт.

Чему не учат в школе

Юность моя пришлась на предвоенные годы. И мы знали, что война неизбежна, потому все к ней готовились. В школе нас научили обращаться с винтовкой и гранатой. Сдавали нормы на значки «Ворошиловский стрелок», «Готов к труду и обороне». Девочки занимались на санитарных курсах. Я не знал, что на фронте придётся служить радистом, иначе бы непременно изучил азбуку Морзе. В учебной роте мы стучали на телеграфных ключах каждый день почти до отбоя. На фронт я попал только в конце 1942 года, меня зачислили в 148-ю отдельную роту связи. Первое настоящее боевое крещение получил через два месяца. Здесь только-только начал образовываться Курский выступ, известный более, как Курская дуга. Но основное сражение на ней развернется позже.

А пока командир отправил меня с напарником наладить связь с Качатовкой, там базировался третий полк, где во время боя погибли радисты. До места мы добрались уже в сумерках, сразу же развернули станцию, и уже через минуту слышали голос дивизионного радиста. Через сутки в деревню вошли немцы, и нашим пришлось отойти. А мы с напарником остались в погребе, не бросать же рацию. В наушниках требовали и требовали командира. Пришлось ответить,

что никого нет, а во дворе чужие «коробки». Взглянул на карту, добавил – возле буквы «К» у последнего дома.

– Вас поняли, – ответил мне незнакомый голос и совсем не по уставному добавил, – укройтесь, сынки, сейчас дадим огонька.

Ольга Суслова

Николай Наволочкин

«Надо жить в ногу со временем, беречь время, наполнять его добрыми делами. Всё проходит, а память о добрых делах остаётся». Н.Д. Наволочкин

Николай Дмитриевич Наволочкин родился 5 января 1923 г. в пос. Николаевка Смидовичского района Еврейской автономной области в семье рабочего Тунгусского лесозавода. Этот посёлок стоит на правом берегу реки Тунгуска, которая является притоком Амура, и находится в двадцати семи километрах от Хабаровска.

Село Николаевка, Тунгусской волости, было основано в 1896 году по указанию властей Хабаровска для лесозаготовок. Располагалось оно в 13-ти километрах от волостного центра села Покровка – сейчас это современный посёлок Приамурский.

В 1896 г. в Николаевке поселилось 3 семьи. Согласно одной из версий, село названо по имени трех первых поселенцев, которых звали Николаями. К 1900 году здесь прописалось до 40 семей новоселов.

Что удивительно, флора местности реликтовая – растёт дикий пион, прекрасно себя чувствуют в озере лотосы, а берег Тунгуски украшают красная смородина, дикая груша и боярышник.

В Николаевке прошли детство и юность будущего писателя, здесь проявилась тяга к поэтическому творчеству. Первое стихотворение «*Старая и новая школа*» автора-пятиклассника было опубликовано в газете «*Знамя пионера*».

Николай окончил школу в 1940 году, а в 1941 году был призван в армию. В запасном полку он прошел курсы радистов, участвовал в Курской битве, форсировал реки – Десну, Сожу, Днепр, Западный Буг, освобождал Белоруссию. В марте 1943 года, во время боя в селе Кочетовка Курской области, радист Николай Наволочкин вызвал огонь по танкам, ворвавшимся во двор дома, где находилась рация, и подбил один из них. За проявленный героизм в сражении был награждён Орденом Красной Звезды. Со своей дивизией дошел до Польши. Был ранен. День Победы встретил в Новосибирске.

В годы войны Н.Наволочкин внимательно присматривался к фронтовой жизни, хотя и мало представлял, в каком виде и когда удастся применить наблюдения и впечатления тех грозных лет. Стихи он продолжал писать в армейскую и в окружную газету, там его и печатали.

На войне думалось о многом: о предстоящем сражении, о боевом товарище, смертельно раненом или убитом, и часто о доме:

*Много вёрст прошли мы по дорогам,
По болотам, сёлам и лесам.
У родного не были порога
Много дней, ты знаешь сам.
Но когда-нибудь, встречая вечер,
Тихий майский вечер без войны,
Вспомним мы суровый свист картечи,*

*Боевые схватки, марши, встречи,
Эту ночь и бледный свет луны.*

После войны Н.Наволочкин окончил исторический факультет Хабаровского пединститута.

С 1951 года работал в Хабаровском книжном издательстве редактором. Наряду с основной работой Н.Д.Наволочкин являлся членом редколлегии журнала «Дальний Восток», членом Хабаровского отделения Союза советских писателей, печататься начал с 1952 года. Первый сборник стихов Н.Д.Наволочкина вышел в 1953 году. В нём рассказывалось о буднях тружеников села, о сплаве леса, о студентах и учителях, о Герое Советского Союза Евгении Дикопольцеве.

Главное место в творчестве писателя занимают стихи, рассказы, повести для детей. Они учат ребят быть честными и правдивыми, хорошо учиться, готовить себя к будущей активной жизни. Все эти книги, каким был и сам Н.Наволочкин – добрые и весёлые. Многие образы героев в детских книгах взяты из наблюдений повседневной жизни, а также из рассказов и сказок своей матери. В 1954 году выходит первая книжка для детей *«На Амуре»*.

Одна из книг писателя *«Бор-бос поднимает паруса»*. Это весёлая повесть о пионерском лете, любознательных ребятах и крепкой дружбе.

Петя Азбукин – герой ещё одной повести Наволочкина *«Жили-были»*. Петя очень расстраивался из-за того, что он родился 29 февраля, так как 29 февраля бывает один раз в четыре года.

Андрейка – путешественник – ещё одна повесть Н.Д.Наволочкина. Иначе она называется *«Три дня из жизни Андрейки Крылова»*. Живёт Андрейка в г.Николаевске-на-Амуре, он его коренной житель, с ним

приключилась необыкновенная история – путешествие в Ташкент.

Талант писателя расцветал, в свет вышли стихи, сказки, рассказы, повести. Среди них: «Зайка-художник», «Песенка о друзьях» «Как Алёнка поила телёнка», «Путешествие зайца Антошки», «Как лечили Деда Мороза», «Знакомые кота Егора», «Полудница Акуля» – добрые, смешные, умные повести.

Как Алёнка поила телёнка

*Утром девочка Алёнка
Повела поить телёнка.
Стал телёнок у корытца –
Отказался пить водицу.
«Ладно, – думает Алёнка,
– Я напьюсь вместо телёнка».*

Алёна и Трезор

*– Разнесчастный ты, Трезор,
Всё без толку лаешь.
Но зато ты до сих пор
Азбуки не знаешь.
Поучить тебя могу,
Говори, Трезорка: «У-у»,
Повторяй за мною: «Б-э»...
А Трезор ни бэ ни мэ.
Видно, думать нет охоты,
Отвернулся и молчит.
Очень трудная работа
Непонятливых учить.*

Рассказ про сороку

*На ворота села боком
Белобокая сорока.
Взял Андрей скорей тетрадь
И решил рассказ писать.
Написал он: «Села боком
Белобокая сорока...»
Всем хорошее начало,
Да сорока подкачала:
– Фыр-р! – на столб, потом на крышу,
– Как же тут рассказ напишешь?*

Такие тёплые детские стихи мог написать только светлый человек. Книжки нравились маленьким читателям, и автор пришёл к выводу, что может он полнее, интереснее рассказать детям о своем крае, об окружающей жизни, о мыслях, которые ищут выхода и должны быть высказаны с помощью прозы.

Но в его литературном наследии не только книги для детей. Жизненный опыт, воспоминания о войне дали возможность обратиться к военной теме. *«Шли радисты»* (1964) – это повесть о боевых товарищах, таких же радистах, каким он сам. В ней нет четко очерченного сюжета, она скорее хроникальна, состоит как бы из отдельных звеньев-новелл и охватывает период войны с февраля 1943г. по июль 1944 г. Военным годам посвящена и другая повесть *«Жди ракету»* (1968, 1973).

Увлечение писателя коллекционированием денежных знаков, имевших обращение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны и Дальневосточной Республики, привело к созданию книги-исследования *«Дело о полутора миллионах»* (1969, 1982).

В 1953 году были опубликованы стихи о дальневосточниках, рыбаках, бакенщиках, о военных годах, личном восприятии Родины. Они составили первую его книгу *«Дорогие мои земляки»*.

Истории освоения Дальнего Востока посвящены *«Амурские версты»*, *«13-й линейный батальон и его командир»* и др. Одна из последних его исторических книг – это историческое повествование о Я.В.Дьяченко и его участии в основании и строительстве г.Хабаровска.

Нашлось в его литературной палитре место и фантастике – герой книги дед Голенищев, который познакомился с инопланетянами. Книга, написана в стиле деревенского юмора.

Грустно-правдивые рассказы юмористической повести *«После дождичка...в среду»* согреты блестящим талантом писателя, его духовной кротостью и безмерной любовью к людям, поэтому эти бесхитростные истории и волнуют сердце, трогают до слез, заставляют задуматься о нашем житье-бытье.

За свою жизнь Николай Наволочкин написал более 30 книг и заслужил немало наград:

Орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией» «Братство брони» («Братство по оружию», Польша), медаль «За доблестный труд», медаль «За освоение целинных земель», почетный знак Правительства Хабаровского края «За заслуги» имени Н.Н.Муравьева-Амурского (2008), «Почетный гражданин города Хабаровска» (22 мая 1995 года). Также был награжден премией Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства (за книгу «По особым поручениям», 1997) В 2007 году Собрание депутатов Смидовичского района приняло решение о присвоении

библиотеке пос. Николаевка имени писателя. Распоряжением Правительства Хабаровского края №28130-р от 8 июня 2012 г. имя Н.Д.Наволочкина присвоено государственному бюджетному учреждению культуры «Хабаровская краевая детская библиотека». Вся жизнь Николая Дмитриевича связана с Дальним Востоком и все, что создал писатель за свою долгую жизнь, – это посвящение родной земле. Своё стихотворение я посвятила Светлой памяти Николая Наволочкина:

*Течёт Тунгуска, а над ней рассвет
Купается в туманной дымке.
Ещё лучами воздух не согрет,
Намокли от росы ботинки.*

*Задумался тальник в воде седой –
Скрывает тайны «молчаливый».
Не гнёт он ветви над рекой,
Стоит стеной непроходимой.*

*Свежо, легко – проснётся скоро день,
И будет Николай в работе...
Вот появилась от берёзы тень,
И строчки первые в блокноте.
Рассказы, повести, стихи, роман,
О жизни ведают нелёгкой –
Войны Гражданской жуткий ураган
Завис у партизанской Сопки.*

*Перо распутает клубок дорог,
Вздохнёт гряда воспоминаний.
Насыщен подвигом его Восток –
Переселенцев испытаний.*

*В год роковой, в тот сорок первый год,
Радистом стал в стрелковой роте.
У Николая славный был поход –
Он гнал врага на каждом вздохе.*

*Его герои славные бойцы,
Не понаслышке, рядом были.
И парни, девушки, да и отцы –
И жизнь, как он, они любили.
А дети сказки и рассказы ждут –
Герои увлекают в мир прекрасный.
И книжки все, до корочки, прочтут
В морозный день и летний, ясный.*

*Течёт Тунгуска – быстрая река,
Писателя знакомы тайны –
А по утрам берёт её тоска,
Они близки ей, не случайны.*

Российский советский писатель и поэт Н.Д.Наволочкин ушёл из жизни 20 сентября 2013 году. Его книги не знают ни возрастных, ни временных границ. Они питают душу своим добрым и негасимым светом.

Петр Комаров – поэт-дальневосточник

Среди поэтов, связавших своё творчество с Дальним Востоком, первое место по праву принадлежит Петру Степановичу Комарову. Страстный гуманизм и патриотизм, присущий поэту, органически сливается в произведениях с его тонким эмоциональным и романтическим восприятием природы.

Пётр Комаров родился 12(25) июля 1911 года в деревне Боево Крестецкого уезда Новгородской губернии. Поначалу семья переехала в один из промышленных районов Петрограда, затем в 1918 году на Дальний Восток, в село Поповка Мазановского района Амурской области. Уже в это время подростка покорило богатство и красота дальневосточной природы.

В течение всей жизни Петр неутомимо наблюдал и изучал природу края, и с любовью изображал её в своём творчестве. А природа у Комарова необыкновенная – это целый мир, где всё способно чувствовать и переживать. Это и «*сидеющий старик*» Хехцир, имеющий свою «*вековую тайну*», и деревья, пересказывающие друг другу «*забытые лесные небылицы*», и берёзка, «*застенчивая, как девочка*», и «*золотая певунья*» иволга, и «*любитель музыки*» медведь.

*Небеса с колдовскими закатами,
И тайги вековый покой,
И Амур с берегами покатыми,
И вечерний туман над рекой...*

Пётр Комаров учился в школе крестьянской молодёжи в городе Свободный Амурской области, затем в Благовещенском сельскохозяйственном техникуме. В это время у него появилась страсть к литературному творчеству – она требовала отдачу всех сил, всей жизни.

Своим внутренним и проницательным взглядом художника поэт подмечает такие стороны жизни природы, которые обычно остаются скрытыми от поверхностного наблюдателя. С искренним увлечением он рассказывал о них:

*Скрипит высокая сосна
И, молнией расколота,
Весной на землю льёт она
Смолы живое золото.*

*И каждый вечер по весне
Своей тропинкой узенькой
Идёт к расколотой сосне
Медведь – любитель музыки.*

*Чуть слышно дерево поёт...
Дивясь такому случаю.
Медведь раскачивать начнёт
Плечом сосну певучую.*

*Когда ты ходишь по лесам –
И ты тропинкой узенькой
Приди к сосне, послушай сам
Лесную эту музыку.*

В 1925 году юноша вступил в комсомол, а в 1929 году Далькрайкомом ВЛКСМ направлен в Хабаровск в редакции газеты «Набат молодёжи» (впоследствии «Молодой дальневосточник»). Так Пётр Комаров стал журналистом – новым, неутомимым и талантливым работником редакции.

Он написал немало газетных статей, очерков, но главным делом всей его жизни оставалась поэзия. Первый сборник стихов П. С. Комарова «У берегов Амура» вышел в Хабаровске в 1940 году – наглядное свидетельство незаурядного поэтического дарования, которое характеризовалось особенной поэтической манерой.

Нужно быть очень наблюдательным, чтобы подметить такие стороны природы, которые обыкновенному человеку не видны.

*Сыростью повеяло из рощи,
Затихает иволга вдали.
И тумана белые озёра
Между синих сопок залегли.*

*Как ночные путники, берёзки
Где-то затерялись на пути
И стоят в озёрах по колено,
Словно вброд хотят их перейти.*

Поэт прекрасно владел искусством поэтических деталей, словесной живописи, умением использовать самые различные стороны поэтической речи для того, чтобы создать глубокие по содержанию художественные образы. П.Комаров с гордостью называл себя сыном Дальнего Востока:

*Ты и сейчас, лесная сторона,
Вдруг прозвенишь синицей у окна.
К тебе прикован молчаливым взглядом,
Я не один из верных сыновей
Свою судьбу соединил с твоей
И жизнь свою, с твоей, поставил рядом.*

В годы Великой Отечественной войны поэт возглавлял Хабаровское отделение ТАСС, публиковал патриотические стихи, они звучали торжественно-призывно, выражавшие силу и уверенность советского народа в победе.

*...И далеко от нас иль рядом
Сейчас клубится дым войны,
Но выстрелы под Ленинградом
Нам и в Хабаровске слышны.*

*И сердце к сердцу стало ближе.
Плечо – к плечу, рука к руке,
И вырастают силы трижды
И в молодом, и в старике.*

Во время войны вышли сборники его стихов: «Время бесстрашных» (1941), «Как пруссак попал впросак» (1942), «С востока на запад» (1943), «Хинганский родник» и «Золотая просека» (1945). В 1945 году в качестве корреспондента ТАСС. П.С.Комаров участвовал в военных действиях 1-го Дальневосточного фронта. На основании этих впечатлений им были написаны три цикла стихов: «Маньчжурская тетрадь», «Монгольские стихи», «Корейские мотивы», которые вошли во многие сборники П.С.Комарова.

Но самое значительное, что было создано П.Комаровым в годы Великой Отечественной войны, – стихи о героическом, самоотверженном труде дальневосточников, вносящих свой вклад в дело Победы. Поэт бывал на крупнейших предприятиях края, знал немало примеров трудового героизма.

*Советские люди,
Бесстрашные люди –
Вот это и есть Амурсталь! – восклицает он.*

В 1943—1946 годах П.С.Комаров руководил сектором поэзии Хабаровского отделения СП СССР, с

момента возобновления выпуска в Хабаровске литературно-художественного журнала «Дальний Восток» бессменно состоял членом его редакционной коллегии. В эти годы были созданы циклы стихов: «Зелёный пояс», «Новый перегон», стихи-миниатюры для детей о таёжных жителях, сборники прозаических рассказов...

Напряжённый труд Петр Степанович Комаров, как поэта и журналиста, несмотря на крайне плохое состояние здоровья, сочетал с активной общественной деятельностью. 17 ноября 1947 года трудящиеся г.Комсомольска-на-Амуре выдвинули его кандидатом в депутаты Хабаровского краевого совета по Комсомольскому избирательному округу.

Творчество Петра Комарова приобрело широкую известность не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране. Он без устали, жил, горел... и сердце отдал ему, и песни...

*Сторонка дальняя моя,
С перепелами вдоль обочин.
Твоею славой славен я,
Твоей заботой озабочен.
Благословен мой край, и в нем –
Наш труд, наш дом, где все знакомо.
Я – нитка в знамени твоём
Над черепичной крышей дома.*

Последние циклы стихов, в частности «Новый перегон», «Маньчжурская тетрадь» и «Зелёный пояс» удостоены Государственной награды – Сталинской премии третьей степени (1950) (посмертно),

Были и другие награды: медаль «За победу над Японией», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».

Небольшое стихотворение я посвятила поэту Петру Комарову:

*Писать стихи дано от Бога –
Рождён поэт не для себя.
Во власти золотого слова
Он обречён судьбой не зря.*

*Гордился краем Приамурским,
Любил Хабаровск, всей душой,
Лимонника и винограда бусы,
И ели снежные зимой.*

*Смотрел на иней серебристый,
Когда сковал мороз леса.
Под лампой, вечером, лист чистый
Напоминал те чудеса.*

*И мир лесов, полей цветочных
И птиц в озёрах и зверей,
И берегов, с утра молочных,
Дарил, с любовью, для детей.*

*Стихи Петра – тайги стихия,
В них свежесть в роще, родника.
Их полюбила вся Россия
И не забудет, никогда!*

Поэт ушёл из жизни 30 сентября 1949 года. Похоронен на Центральном кладбище Хабаровска. В стихи П.Комарова влюблён весь Дальний Восток, их с

интересом читает вся страна. Его книги приобрели широкую известность и популярность и неоднократно переиздавались.

В 2012 году – правительством Хабаровского края, совместно с журналом «Дальний Восток» учреждена один раз в два года премия им. Петра Комарова опубликованных литературных произведений в журнале «Дальний Восток». [3]

Сергей Бойченко

Отцовский подвиг

Может, никогда бы и не узнал я о подвиге моего отца в его раннем детстве, если б не встреча с писателем Борисом Машуком, которая произошла однажды в доме моих родителей в Новокиевском Увале. В пору моей юности Борис Андреевич работал в Мазановской районной газете «*Знамя труда*» и дружил с моими братьями Владимиром и Виктором.

На свадьбе моего брата Виктора Машук был главным заводилой: всё внимание гостей было приковано к нему: он хорошо играл на гитаре, пел песни на стихи Есенина, а в перерывах-перекурах веселил всех острыми, на злобу дня анекдотами. Все присутствовавшие буквально до икоты закатывались неподдельным смехом! Старожилы в Мазановском районе до сих пор помнят этого лёгкого на подъем, остроумного, симпатичного журналиста, который в то время начал писать и литературные произведения.

Прошло некоторое время, писательская жилка у Бориса Андреевича окрепла, и он понял, пора заняться литературой профессионально. Попрощался с близкими ему людьми и переехал в Благовещенск. К тому времени задумал большое полотно о героях

гражданской войны и собирал материалы о деятельности партизанских отрядов в наших краях. Нет-нет, да и наезжал в Мазановский район. Он еще в бытность корреспондентом «районки» слышал о Гошском поле, на котором наши партизаны не раз схлестывались с японцами. Это поле раскинулось за Маргаритовкой, и писатель наведывался туда, поговорить со стариками, напиться воздухом тех мест. Он уже всю «заболел» героем своих *«Сполохов»* Геркой Рулёвым...

А я к тому времени, потрудившись в узле связи, был рекомендован на должность заворга райкома комсомола и всю погрузился в беспокойную работу с молодёжью. Много приходилось постигать «с колёс» — я и сам был ещё зелёный, опыта не хватало, а бегать каждую минуту за советом к более зрелым работникам райкома партии не позволяло самолюбие. Поэтому, чтобы не докучать никому, много читал да иногда созванивался с коллегами. Понятно, что и наши, райкомовские помогали. Пришла пора — меня направили на учёбу в зональную школу комсомольского актива. Многие помнят, что она располагалась в Доме молодёжи. Замечательное время! Конечно, лекции, конечно, практические занятия, семинары, практика, выезды в близлежащие комсомольские организации. Все дни расписаны по минутам! А в свободное время — творческие встречи с интереснейшими людьми: актёрами, художниками. И одна из таких — с амурскими литераторами. К нам в гости пришли поэты Олег Маслов и Виктор Суходольский. Но самое приятное и радостное для меня, среди пришедших мастеров пера находился и Борис Андреевич Машук! Это было запоминающееся событие!

Конечно, он меня узнал, нам, старым знакомым, удалось немного пообщаться. Он передал привет моим родителям и братьям, пообещал почаще навещать в края, которые он полюбил всем сердцем и считал родными.

Прошло время. В моей жизни произошли перемены. Работа в комсомоле осталась позади, освоился и с функциями прокурорского работника, послужив на разных должностях, был назначен исполняющим обязанности прокурора Мазановского района.

Однажды увидел в центре посёлка объявление о том, что в районном Доме культуры перед читателями будет выступать известный Борис Машук. К тому времени он был не просто известен, а уже и знаменит! Я торопился на происшествие, но всё же буквально на минуточку заскочил в ДК, чтобы встретиться с другом семьи – он как раз готовился к выступлению. Увидев меня в прокурорской форме, Борис Андреевич удивился и по своему обыкновению приступил к расспросам: как же я здесь оказался, да еще прокурором. Но, извинившись и объяснив, что работа не ждёт, я пригласил его вечером в гости к моим родителям. Та творческая встреча с жителями райцентра вышла запоминающейся. Зал был полон, большинство пришедших были лично знакомы с писателем, многие читали его ныне хрестоматийные *«Горькие шанежки»* и *«Сполохи»*. Встреча продлилась до самого позднего вечера – так много было вопросов, рассказов, воспоминаний...

И вот Борис Андреевич у нас в гостях, за праздничным столом, заставленным по случаю прихода столь желанного гостя материнскими угощениями – а она умела хорошо готовить! После, как выразился отец,

«ста граммов наркомовских», Борис Андреевич стал рассказывать, а он рассказчик – дай бог всем таким быть, как рождался его роман «Сполохи»; как много ему пришлось сидеть в архивах, в поисках неизвестных деталей, эпизодов гражданской войны; как он разыскивал родственников участников событий, как много узнал о партизанском движении в нашем районе, о знаменитом Гошском бое близ Маргаритовки, о зверствах японских интервентов и, конечно, о Герке Рулеве. Отец безотрывно, как и все наши домашние, слушавший Машука, после очередной «наркомовской» вдруг тоже предался воспоминаниям о тех временах.

– Борис Андреевич, вот Вы архивы изучали да свидетельства родственников, – начал он, – а я сам «япошек» уничтожал на своей родной земле, когда мне было лишь десять лет!

Его лицо посуровело, резче обозначились скулы. Я заметил, что и пальцы его сжались в кулаки, видно, нахлынувшие воспоминания снова пробудили в нем те чувства, что владели им в далеком детстве.

– Так расскажите, Максим Павлович! Я с удовольствием послушаю, может, и Вы станете моим литературным героем! – подбодрил отца Машук.

И отец начал рассказывать.

Дело было в селе Сохатино, где он родился и вырос. В 20-х годах там хозяйничал небольшой отряд из числа белогвардейцев и японских интервентов. Были в том отряде еще и корейцы. Все они жестоко обращались с мирным населением, подозревая чуть ли не каждого в связях с партизанами.

Однажды ночью партизаны вошли в село и, узнав о зверствах интервентов, наказали их по всей справедливостью. Напротив Сохатинского Утеса, что по правому берегу Зеи, они прорубили прорубь и сбросили

в неё трупы солдат, а потом потопили и оставшихся в живых. Но от справедливого возмездия удалось спастись одному белогвардейскому офицеру, заночевавшему на краю села у вдовушки. Ему удалось незаметно выскользнуть из дома и ускакать в уезд, в село Мазаново, где он сообщил о приходе партизан командиру находящегося там карательного японско-белогвардейского отряда.

Рано утром в Сохатино ворвались каратели. Они согнали к церкви практически всех сельчан и заставили дыханием отогревать от льда волосы утопленных, которых к этому времени достали из проруби. После их отправки в уезд, каратели стали вершить расправу над пойманными партизанами и жителями села. Всем мужикам вне зависимости от возраста: молодой ли, старик ли, – командир отряда распорядился всыпать по пятьдесят шомполов. Напротив церкви установили козлы, и на них устроили кровавую экзекуцию. С мужиков срывали одежду и, чередуясь, били нещадно шомполами по голому телу. Бабы жутко выли, дети заливались горячими слезами, а мужики надрывно, особенно те, кто постарше, стонали от позора и невыносимой боли. Обращаясь уже непосредственно ко мне, отец со слезами на глазах и с горечью в голосе сказал:

– Пятьдесят шомполов получил твой дед Павел Федорович. Его жена, Маланья Ивановна, твоя бабушка, кое-как выходила своего супруга. Только ближе к весне он встал на ноги. Отец видел эту расправу над своим отцом, получается, над моим дедом, и односельчанами. Он так же, как и все дул на головы утопленных под страхом быть уничтоженным, а также видел, как рубили саблями головы партизанам-односельчанам.

В этом месте своего рассказа отец сделал паузу и, вздохнув, сказал, что с той поры лютой ненавистью возненавидел карателей и их пособников, и задался целью отомстить за отца.

В мае 1920 года, после ледохода, вода в Зее стала прибывать, и у берега образовалось глубокое улово. К этому месту и повадились ходить на рыбалку солдаты, а мальчишки, высыпав на берег, словно стайки воробьев наблюдали, как «япошки» ловко удят рыбу. Еще у мальчишек была забава. Вода подмывала часть берега, на поверхности льда появлялась трещина, и нужно было дожждаться того момента, когда можно было стукануть ногами по подмытой части льда, и он с шумом падал в воду. То-то радость была, когда отвалившаяся часть, падая, поднимала фонтан воды. Это было очень похоже на взрыв. А взрывы наши мальчишки видели – всё-таки шла война...

Однажды мой батька со сверстниками пропадал на реке, предаваясь немудреным подростковым забавам. И к тому месту, где мальчишки играли, подошел солдат кореец из того самого карательного отряда, и сел рыбачить на краю берега, как раз там, где уже появилась трещина. Увидев солдата, мальчишки разбежались, кто – куда. Знали, что на глаза лишний раз попадаться не стоит – могли наградить пинком, оттащить за вихры...

А мой отец, притаившись, остался, удерживаемый непреодолимым желанием хоть каким-то образом отомстить за своего отца и за односельчан.

Солдата же, поймавшего верхогляда, охватил азарт. Он не смотрел по сторонам, ни на что не обращал внимания – настолько увлекся ловлей, благо, рыбы хватало. В этот момент трещина вдруг сильно увеличилась, и отец, тогда десятилетний мальчишка Максим, стал лихорадочно отбивать этот пласт

берега, и он с грохотом вместе с солдатом рухнул в улово. В образовавшейся воронке остались только фуражка солдата да поплавок, сиротливо подёргивавшийся на воде.

Прибежав домой, мой папанька всё рассказал отцу. Тот ему хорошенько поддал, приговаривая, что за такой поступок каратели могут всех порешить!

– Никто не видел! – пояснял мой отец, сжимая зубы и еле сдерживая слёзы.

Рука-то у моего деда была крепкая, хоть и не отошел еще толком от той самой порки шомполами!

– Никого не было на берегу, поэтому я и решился на такой шаг! Неповадно будет наших лупцевать!

Дед мой был человеком мудрым, придумал, как выйти из создавшегося положения.

Он взял малого Максима – да к коменданту, так, мол, и так, мой малец видел, как утоп ваш солдатик и может показать то поганое место. Комендант собрал часть отряда, и они баграми вытащили в указанном месте утонувшего солдата.

К вечеру в дверь дома постучали. Вошли комендант и его адъютант. Поклонившись, они поблагодарили за помощь и деда, и отца, вручили десятилитровый бочонок спирта и шоколад, при этом комендант сказал, что семья будет находиться под защитой отряда. Раскланявшись, они удалились.

Отец мой получил еще пару оплеух от деда, на всякий случай, а бабушка нежно прижала и погладила любимого сына, радуясь такому обороту дела.

– Вот такая история, Борис Андреевич, – закончил свой рассказ мой отец. – Думаю, что и

сегодняшние парни, доведись им вставать на защиту своей земли, поступили бы также! Но сегодня у них множество примеров – это и пионеры-герои, это и молодогвардейцы. А мы тогда сами эти примеры создавали! Мы в своем почитании Родины были воспитаны нашими родителями!

Борис Андреевич задумчиво произнёс:

– Да, Максим Павлович, Вы, и Ваш отец – плоть от плоти героев-первопроходцев, тех людей, которые, несмотря на трудности, на лишения, рискуя жизнью, умножали наши просторы, стояли на страже наших границ, не давая растащить Русь-матушку!

И помолчав, добавил:

– И не подумайте, что я сказал это слишком пафосно. Главное – правдиво и искренно! А Вы с Серёгиным дедом, – тут он взглянул на меня, – и вправду героические сохатинцы! Что ж Вы раньше-то мне этот эпизод не рассказали?

– Да я вообще никому ничего не рассказывал, просто тут случай представился. Чай, не каждый день в гости знаменитые писатели заходят! – ответил отец с лукавинкой в глазах и улыбнулся.

Прощаясь с нами, Борис Андреевич достал из дипломата книгу «Сполохи» и, раскрыв, написал на обложке *«Серёжке Бойченко и его милым родителям на долгую память от Бориса Машука»* и расписался. Вручая на память книгу, он приобнял и мать, и отца, пожелал всем нам здоровья и добра. Книга до сих пор хранится у меня, как семейная реликвия.

...Так случилось, что на следующий день меня вызвали в областную прокуратуру на оперативное совещание, и я пригласил с собой в служебный УАЗик Машука, чтобы он не трясся в автобусе. Это была незабываемая поездка: всю дорогу Борис Андреевич

рассказывал забавные случаи из своей биографии, делился своими творческими планами, сетовал на то, что постоянно – уже с опозданием – находит всё новые эпизоды из истории гражданской войны в Приамурье, а значит, рассуждал он, книгу можно дорабатывать, дополнять. Сказал, что обязательно вставит в дополненное издание тот эпизод, что услышал от моего отца.

К сожалению, то была последняя встреча с этим замечательным человеком. Увы, планам интересного амурского писателя и достойного человека не суждено было сбыться: его рано унесла из жизни болезнь. Но книгам его, тому следу, что он оставил на земле – суждены долгие годы...

А то, что подвиг моего отца не вошёл в главную книгу Бориса Андреевича – «Сполохи» – о том не жалею: главное, останется рассказ отца в преданиях последующих поколений нашей семьи.

Изольда Казанова

Борис Андреевич Машук

С Дальневосточным писателем и журналистом Б.А.Машуком знаком не только дальневосточный читатель. Его книги издавались не только в Хабаровске, Благовещенске, но и Москве.

Познакомилась я с Борисом Андреевичем в 80-х годах прошлого века, когда стала заниматься в Благовещенском областном литературном объединении. Русоволосый, роста выше среднего, гармонично сложен, но мне он показался довольно пожилым, оказалось, что всего на три с лишним года старше меня. Видимо, сказалось трудное детство и юность.

Родился Борис Андреевич в 1937 году в г.Свободном. В пять лет осиротел и жил у родителей матери. До 1952 года учился в школе-интернате, после седьмого класса пошёл в ремесленное училище г.Хабаровска и одновременно учился в вечерней школе. Работал токарем на заводе им. Горького в Хабаровске, кочегаром, недолго матросом на дальневосточных пароходах.

С 1956 по 1959 годы служил в армии, где начал писать небольшие заметки, как военкор. С 1961 по 1970 годы работал в редакции областной молодёжной газеты «*Амурский комсомолец*» г.Благовещенска, а затем в газете «*Амурская правда*». Работая спецкором, Борис Машук объездил весь Север Амурской области, писал очерки и рассказы о людях и местах, где бывал.

Первая повесть Б.А.Машука «*Сполохи*» написана им в 1971 году на основе реальных фактов о событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1983 году в Амурском театре драмы был поставлен спектакль по повести «*Сполохи*». Есть мнение литературоведов, что повесть по глубине раскрытия темы Гражданской войны на Дальнем Востоке можно приравнять к «Разгрому» А. Фадеева.

В 1973 году в Хабаровске выходит из печати документальная повесть «*В тайны сердца*» об Амурском хирурге Ярославе Петровиче Кулике, который первым на Дальнем Востоке начал делать операции на сердце. В ходе подготовки к изданию книги Борис Андреевич неоднократно посещал Амурскую областную больницу, присутствовал на операциях, которые проводил Я.П.Кулик, беседовал с врачами и медперсоналом отделения хирургии.

В 1975 году Б.А.Машук по командировке издательства «*Молодая гвардия*» едет на строительство

Байкало-Амурской магистрали, проработав там несколько месяцев, пишет очерки и повесть *«Трудные километры»* (первое художественное произведение о БАМе), которая была напечатана в журналах *«Молодая гвардия»* и в *«Роман-газете»*. В 1976 году по рекомендациям В.Распутина, Е.Носова и А.Иванова Б.Машук принят в члены Союза писателей СССР.

С 1971 по 1977 годы Борис Андреевич возглавлял областное литературное объединение «Приамурье», а с 1977 по 1991 руководил Амурской областной организацией Союза писателей. Он был первым руководителем этой организации.

Иногда объединение «Приамурье» и Союз писателей проводили совместные заседания (или занятия). Борис Андреевич был всегда в хорошем настроении, любил шутить; на каждом занятии слушали новые произведения (стихи и прозу) и молодых литераторов, и уже именитых. Критика всегда была доброжелательной. В конце наших занятий кто-нибудь читал свои юмористические стихи, шаржи, друг на друга, всегда это воспринималось положительно. Никто не обижался, атмосфера была дружелюбной. Помню, что его друзья-литераторы иногда посмеивались над ним, говоря, что БАМ назван в честь него – по его инициалам.

Лучшей книгой считается цикл рассказов о детях военного времени *«Горькие шанежки»*, вышедшей в 1978 году. Книга была выпущена в Хабаровске, затем в Москве в издательстве *«Детская Литература»* и переиздана уже после смерти автора в 2008 году. Книга в основном биографична.

В 1978 году Б.А.Машуку присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Борис Андреевич был организатором Дней литературы в Приамурье, «Комаровских чтений» в г.Свободном. Дни амурской литературы, которые проводились во всех городах и сёлах Амурской области при его деятельном участии, стали настоящими праздниками культуры для жителей этих населённых пунктов. При нём в Благовещенске начали проводить совещания молодых литераторов. Это было событие для города, проходило такое мероприятие в большом зале филармонии или в зале областной библиотеки. На совещания приезжали поэты, журналисты, прозаики со всего Дальнего Востока; были из г.Владивостока, г.Хабаровска, г.Свободного, но больше всего с БАМа, а это творческие люди со всей страны – романтики. Первый день совещаний отводился под семинары; вели их амурские именитые литераторы. Семинары были школой для молодёжи, здесь читались и анализировались (а не критиковались) произведения начинающих авторов. А на следующий день, на общем собрании, руководители семинаров знакомили всех участников с новыми именами, с темами произведений, обозначали задачи литераторов на конкретном этапе развития страны. Вся эта работа подробно освещалась в ежедневных областных газетах. По итогам совещаний выпускалась газета *«Литературное Приамурье»*, где печатались лучшие работы участников. В 1987 году и я удостоилась такой чести. Мой фельетон *«Вечером после работы»* занимал подвал последней страницы.

Тогда в конце 70-х, 80-х годов в Амурской области была очень активная литературная жизнь: проводилось множество творческих встреч, в том числе со строителями БАМа, Зейской и Бурейской ГЭС, организовывались городские литературные вечера; и это всё в основном благодаря организаторским

способностям и неуёмной энергии Б.А.Машука. Кроме того, он был депутатом Областного Совета и членом многочисленных комиссий. Встречи с читателями регулярно устраивались в библиотеке №11 г.Благовещенска. На одной такой встрече с Борисом Андреевичем была и я.

В1990-е годы начинаются болезни, но он не прекращает своей литературной деятельности. Его не могло не волновать то, что происходит в стране. В его статьях даётся оценка политической и экономической ситуациям в стране, социальным и духовным переменам. «Машук всегда был самим собой, честным и принципиальным до конца», – пишет его друг И.Игнатенко в статье «Дань памяти».

Последний раз я видела Бориса Андреевича на его шестидесятилетнем юбилее. Он был бодрым и весёлым, несмотря на то, что сидел в инвалидном кресле (из-за сосудистых заболеваний ему отняли ногу). Торжество проходило в малом зале Амурской областной библиотеки. Друзья-литераторы, гости подходили, поздравляли, обнимали, желали ему творческих сил и счастливой жизни. Я тоже принесла ему большую пышную розу с пожеланием здоровья и долгих лет.

Умер Борис Андреевич от остановки сердца в январе 2000 года, в возрасте всего 63-х лет.

Именем Б.А.Машука названа школа в г.Завитинске, где он учился; в 2004 году на ней установлена мемориальная доска. Библиотека №11 г.Благовещенска, где Борис Андреевич часто встречался с читателями также носит его имя. [4]

С 2008 года Амурская областная научная библиотека проводит «Машуковские чтения», посвящённые литературе Приамурья.

Писателем Фёдор Харитонович Масловский стал как-то неожиданно даже для себя. Был у него друг, Юрий Николаевич Старцев, жил он в Хабаровске. Однажды, рассматривая рисунки Масловского, он вдруг спросил:

– А ты пробовал писать? Мне кажется, если ты умеешь рисовать, то должен уметь и писать. Попробуй, тебе ведь есть о чём рассказать читателям.

Предложение оказалось заманчивым. Тем более, что Фёдор Харитонович уже и сам чувствовал эту потребность, это желание рассказать, поделиться, приоткрыть другим такой бесконечный и разнообразный мир природы.

Масловский написал рассказ и отправил его другу, чтобы тот прочитал, оценил, высказал своё мнение, возможно, что-то посоветовал. Рассказ Старцеву понравился и, недолго думая, он отнёс его в редакцию *«Тихоокеанской звезды»*. Там-то в 1970 году и увидел свет первый рассказ Фёдора Михайловича *«Тухляк прилетел»* (тухляк – местное название удода). С тех пор рассказы Масловского регулярно печатались в районной и краевой прессе, звучали по радио, рукописи читались в школе.

Фёдор Харитонович много писал для детей. Именно детям посвящена большая часть его сочинений: повести, рассказы о животных, сказки. И первые три изданные книги были адресованы также детям. [5]

Ещё работая в Полётном, Фёдор Харитонович вместе с учениками и собственными детьми в течение продолжительного времени наблюдал за жизнью муравьёв. Потом собрал все записи, систематизировал

их и послал в журнал «Юный натуралист». Редакция журнала сообщила, что эти наблюдения представляют научный интерес, и они готовы опубликовать рукопись.

А в 1989 году в Хабаровском книжном издательстве стотысячным тиражом была выпущена и книга.

Это увлекательные рассказы о жизни муравьёв, об их повадках, привычках, сложной и удивительной иерархии взаимоотношений маленьких тружеников.

Почётный гражданин города Комсомольска-на-Амуре, член Союза писателей России Геннадий Николаевич Хлебников высоко оценил первый литературный опыт своего земляка: «...С первых новелл книжка «Тайны муравьиного дома» покорила меня. Я прочёл рукопись на одном дыхании... Автор вводит своих читателей в чудесный мир дальневосточной природы и заставляет их вместе с ним радоваться необыкновенным открытиям в этом мире, кажущемся для непосвященных однообразным и скучным. И самое главное, чему научит эта книга юного читателя, – доброму отношению к природе, к братьям нашим меньшим: животным, птицам, насекомым. Как нам нужны уроки доброты в наше непростое время, омраченное равнодушием ко всему, что мы называем окружающей средой...»

– Мне интересно познавать мир засекреченной природы, – любил повторять Ф.Х. Масловский.

А всем необычным, интересным, что он замечал в этом мире, в жизни окружающих его существ: животных, птиц, насекомых – он стремился поделиться с детьми и взрослыми, донести до всех людей, вовлечь их в этот захватывающий мир познания и изумления. Неуёмная его натура требовала действия, и тогда он... стал писать небольшие рассказы, зарисовки, новеллы. И

вполне логично, что первыми героями его наблюдений стали воробьи. Воробьи окружают человека повсюду. По уверениям специалистов их нет только на Новой Земле, на Таймыре, на Чукотке и на Камчатке. К великому его удивлению, перед Фёдором Харитоновичем открылся целый, неизвестный большинству людей, мир со своими неписаными законами, обязанностями и пристрастиями, что у каждого воробьишки свой характер, свои привычки, даже своя индивидуальная внешность, о которых и стал с увлечением рассказывать Масловский.

В результате из таких вот небольших рассказов получилась целая захватывающая история, а в 1997 году вышла книжка *«Белоплечик: необыкновенная история обыкновенного воробья»*. Книжка была издана трехтысячным тиражом при содействии Краевого комитета охраны природы.

В 1998 году вышла ещё одна книжка: *«Уссурийский фазан»*.

И тут уж неоценимую помощь оказали внуки Максим и Наташа. Дедушка придумывал обложку, а они с увлечением рисовали иллюстрации, на равных давали советы, как сделать книгу ещё более интересной и увлекательной.

Но Масловский писал не только для детей. Его всегда увлекали люди, запоминающиеся своей неординарностью, мужественные, стойкие, несгибаемые. И следующие две книги, вышедшие из печати, как раз о таких людях. [6]

Кроме того, Фёдор Харитонович написал рукописную книгу в 3-х экземплярах о 80-ти участниках войны *«День Победы приближали, как могли»* и сдал в государственный музей города Комсомольска-на-Амуре.

Роман «Джанго» вышел из печати в 1999 году, 400 страниц в твёрдой обложке, тираж – всего 100 экземпляров. Книга посвящается Георгию Кузьмину и Анатолию Масленникову – первым учителям хорских удэ района имени Лазо.

В своё время комсомольцы 30-х годов Георгий и Анатолий были направлены в глухое таёжное стойбище Джанго, что находится в предгорьях Сихотэ-Алиня. Здесь им предстояло создать новую в этих краях школу и начать обучать грамоте местных аборигенов. Анатолий Масленников до этого проработал год в Полётном директором школы. Фёдор Харитонович Масловский хорошо его знал, они дружили.

Масловского всегда влекли характеры неординарные, яркие. Он был лично знаком с этими людьми и всегда восхищался их самоотверженностью и подвижничеством, считал их истинными интеллигентами, часто бывал в Гвасюгах, где работали оба педагога, и накопил богатый материал об их жизни. И, конечно же, он хотел, чтобы читатели узнали о них, был уверен, что именно о таких людях нужно писать и рассказывать.

Молодые учителя сами не имели жизненного опыта, но они искренне и горячо взялись за дело, настойчиво искали пути к сердцам и своих первых учеников, и их родителей – взрослых охотников-удэгейцев. А надо сказать, что попервоначально русских пришельцев встретили там не очень-то приветливо, насторожённо.

– Зачем учиться читать? Лучше охотнику читать следы зверя в тайге, – говорили старики.

И первая трудность, с которой столкнулись учителя, – это незнание языка. Они не знали удэгейского, а ученики – русского. Детей пришлось

обучать через переводчика. В таких условиях учились и сами учителя. Они знакомились с трудом и бытом коренных охотников, вникали в их заботы, постепенно вливаясь в этот небольшой мирок, окружённый непроходимой дикой тайгой. Конечно, понадобилось время, чтобы к новым учителям привыкли в стойбище. Но молодые энтузиасты не опускали руки. И постепенно стали равноправными членами маленького сообщества. Люди поверили им, перестали испытывать к ним недоверия, шли за советом и помощью.

Со временем было объединено несколько маленьких стойбищ, и на берегу протоки появилось новое село Гвасюги. Там построили школу, больницу, заработало радио. О затерянном в тайге народе узнала вся страна. Бывший ученик Георгия Кузьмина и Анатолия Масленникова – талантливый охотник Джанси из рода Кимонко написал книгу *«Там, где бежит Сукнай»*. Её перевели и издали во многих странах за рубежом.

В конце мая 1939 года в газете *«Тихоокеанская звезда»* был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении учителей Хабаровского края орденами и медалями. В частности, там говорилось: *«За хорошее воспитание детей, за активное участие в общественной работе на селе наградить заведующего школой в стойбище Гвасюги Масленникова Анатолия Яковлевича орденом Ленина»*. Указ был подписан Михаилом Ивановичем Калининным.

Как только началась Великая Отечественная война, оба учителя ушли на фронт, а вернувшись, продолжали работать в школе села Гвасюги. Оба они имеют трудовые и боевые награды.

В книге *«Подвигу жить»* рассказывается, как создавался музей в школе №20 города Комсомольска-

на-Амуре. Встречи с подвигом – именно такая роль отводилась музею.

Однажды, когда ребята познакомились с документами для музея, к Нине Евгеньевне робко подошла Максатова Лариса и сказала шёпотом:

– Нина Евгеньевна, сейчас я читаю книгу *«Подвигу жить»*. В ней есть рассказ про одного мальчика, как он во время войны потерял кисти рук, потом закончил Ленинградскую академию художеств и стал художником, членом союза художников СССР. Давайте этот рассказ тоже прочитаем в классе, может быть, наши мальчишки после этого хорошенько задумаются и активнее станут принимать участие в школьной жизни.

Прочитали. И были просто потрясены его творчеством, его мужеством и жизненной стойкостью.

– Нина Евгеньевна, а давайте разыщем Лёню, – предложил Бутаков Женя.

И, несмотря на то, что рассказ был написан без малого сорок лет назад, идеей загорелись все: и ученики, и учителя. Написали письма, получили ответы. Фёдор Харитонович выдвинул новое предложение пригласить Леонида Птицына в гости в Комсомольск-на-Амуре. Списался, договорился через ЦК ВЛКСМ о финансировании творческой командировки мастера.

И весной 1987 года Леонид Птицын приехал в Комсомольск-на-Амуре с выставкой своих картин. На следующий же день уникальный художник пришёл в школу, где его встретили, как самого дорогого гостя, очень тепло приняли, познакомили с материалами музея, а затем устроили общую встречу в актовом зале. Ребята задавали ему множество вопросов, а он с удовольствием отвечал. Приём в школе ему очень понравился. И вдруг одна девчушка предложила:

– Леонид Васильевич, пожалуйста, нарисуйте что-нибудь.

Все замерли. Но художник ничуть не смутился и попросил:

– Дайте бумагу и карандаш, нарисую.

Культями зажал карандаш и уверенными штрихами за пару минут сделал набросок летящего голубя. От детских рукоплесканий задрожал зал.

Художник Леонид Васильевич Птицын стал Почётным гражданином Комсомольска-на-Амуре. И ещё много лет ребята писали ему письма, а он охотно и с удовольствием отвечал.

А в 2000 году Фёдор Харитонович и Нина Евгеньевна Масловские на основании собранных материалов и собственных впечатлений написали и издали книгу о создании музея и о знаменитом художнике. Книга называлась *«Встречи с подвигом»*.

После издания книги в адрес Фёдора Харитоновича и Нины Евгеньевны Масловских пришло много восторженных отзывов от друзей, знакомых и учеников.

Геннадий Николаевич Хлебников, Почетный гражданин города Комсомольска-на-Амуре, член Союза писателей России высоко оценил труд супругов и так писал в замечаниях о книге:

«...Хочется закончить свои замечания о книге словами А.С.Пушкина: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим». Лучшие не скажешь!..»

Книга «Мир вокруг: повесть, рассказы, очерки» – это уже посмертное издание произведений Фёдора Харитоновича. [7]

А издана она была в 2018 году при активном желании, участии и финансовом содействии Михаила Фёдоровича Масловского – сына Фёдора Харитоновича. После издания книги он получил много откликов, воспоминаний и благодарностей от тех, кто лично знал, общался и работал с супругами Масловскими. Например, пришло вот такое письмо от Анны Тимофеевны Кузнецовой (Трусенковой). Она была лично знакома с супругами Масловскими, несколько лет работала с ними вместе в Полётнинской школе.

«...Во-первых, огромное спасибо за книгу. Я её проглотила за полтора дня. Это для меня, как глоток чистой воды как десерт на третье. Я будто поговорила с Фёдором Харитоновичем, Ниной Евгеньевной и всеми, о ком идёт речь. И неважно, в Полётном это происходило или ещё где-то. Сохранился стиль неторопливого рассказа Фёдора Харитоновича, без всякого диктата или морализаторства. Со всеми и обо всех идёт неторопливый разговор, и это тепло греет душу. Я очень рада, что такая книга, настоящая книга напечатана. Это памятник Фёдору Харитоновичу и Нине Евгеньевне.

Книга по-настоящему меня взволновала, порадовала, перенесла в те прекрасные годы, когда я работала в Полётном, общалась с твоими родителями...»

Педагог Анна Тимофеевна Кузнецова (Трусенкова),

Село Переясловка, район Лазо.

Давно известно, что самый простой способ быстро и более полно узнать настоящего писателя – это, конечно же, познакомиться с его творчеством. Да и кто может рассказать о жизни писателя лучше, чем он сам?

Поэтому дальше я предлагаю вам три рассказа Масловского Фёдора Харитоновича. Итак...

Федор Масловский
Незабываемое детство

Я родился 26 февраля 1926 года. Отец мой служил в амурском казачестве, мать занималась детьми и хозяйством.

Мать рассказывала, что когда мне исполнился год, она заметила, что я ничего не могу брать правой рукой – рука не поднималась. Дважды меня возили в Благовещенск к костоправу, но всё было напрасно. Мать постоянно была в работе, возиться с сыном ей было некогда – так и осталась моя рука на всю жизнь парализованной.

Рос я, как и все дети того непростого времени, как трава в степи...

В 1927 году, когда стали организовываться коммуны, на сельской сходке наш отец, Харитон Харламович, выступил в защиту сохранения единоличного хозяйства, за что был арестован по политической статье и сослан на 10 лет.

Мать осталась с пятью ребятишками на руках. Помочь ей было некому: самому старшему Грише едва исполнилось 10 лет. «Крутилась» сама: уход за скотиной, пахота, посевная, уборка урожая, – всё в одни руки.

После ареста отца мать тоже не дала согласия идти в коммуну. Руководитель коммуны Емец, муж младшей сестры матери, забрал на общий скотный двор весь наш скот, единственную лошадь Сиротку, весь сельскохозяйственный инвентарь и оставил нам только одну корову и десяток кур.

До высылки отец занимался пчеловодством. Мать после его ареста продолжала держать ульи с пчёлами. Емец каждую неделю посылал людей к ней за мёдом, грабил нашу беззащитную семью. Мы выживали, как могли.

А тут ещё случилась беда: дети устроили в доме пожар. Дров не было – топили соломой. Сёстры, Наташа с Верой, затопили печь, а сами заигрались. Уголёк выпал из топки, вспыхнула вязанка соломы, а за ней запылал весь дом. Дети испугались, выбежали на улицу. Прибежавшие на помощь соседи и знакомые кое-что успели вынести из горящего дома. Дом спасли, но внутри всё выгорело. Мы остались, в чём были... Знакомые и родные, как могли, помогали погорельцам: приносили старую одежду и обувь, кое-какую домашнюю утварь.

Прожили мы в выгоревшем доме до весны. А весной, не желая вступать в коммуну, с помощью мужа старшей сестры, Куприяна, мать тайно погрузила на телегу оставшиеся от пожара пожитки, младших детей, кур, привязала к телеге корову, и мы уехали в ближайшее село Толстовку Тамбовского района Амурской области. Так мы бросили свой добротный дом с подворьем и простились с родным селом Грибовское.

В Толстовке оказалось много пустых домов. Наверное, люди тоже побросали их и уехали искать счастливую, сытую жизнь. За один год мы сменили в селе три дома.

Мать недолго работала на мельнице. Корова давала немного молока. Мы с Гришей ходили на соевые поля собирать стручки сои. Грише на озере иногда удавалось поймать в ледяной лунке немного व्यюнов. На

этом немногом семья и выживала. Братья и сёстра школу не посещали.

Так мы прожили до марта 1933 года. В марте Куприян опять перевёз нас к племяннице отца, Орликовой Галине, в Благовещенск. Она нам выделила мазанку для жилья. Мать устроилась работать на спичечную фабрику. Получала по карточке 400 граммов хлеба на себя и ещё по 200 на меня и Сергея. Остальным карточки были не положены: «сами себе могут зарабатывать».

Выручали корова и куры. Помню, несколько раз мы водили голодную корову на винзавод и там поили её бардой. От барды корова пьянела, ревела и бегала по двору.

В это время в Благовещенске был страшный голод. Проходя по городу, мы часто видели людей, которые лежали около тротуаров и, протягивая руки, просили есть. Ночью мёртвых собирали, грузили на телеги, свозили на кладбище и хоронили в общих могилах.

Мы часто ходили на берег реки Зеи, где из вагонов разгружали россыпью зерно, в угольном шлаке выбирали зёрнышки, дома хорошо их очищали, варили и утоляли голод.

Однажды в нашем доме появился отец матери, наш дед Поправко Моисей. Он несколько дней побыл с нами, посмотрел на нашу жизнь, потом, ничего не сказав, ушёл неизвестно куда. Через некоторое время кто-то из земляков рассказал матери, что видел деда на кладбище – он лежал на могиле и ел глину.

В Благовещенске началась паспортизация. Власти прописывать нас не стали, сказали: «Откуда приехали, туда и уезжайте».

В мае неожиданно на улице мать встретила Масловского Петра Ивановича – племянника моего отца. Он рассказал ей, что с семьёй едет в низовья Амура, где живут наши родственники и земляки и пишут, что там жить можно. Пётр согласился взять с собой и нашу семью. Мать продала корову, кур, купила несколько мешков зерновых отходов, оставила деньги на дорогу. Пётр привёз в Благовещенск свою семью из Коникурмана, где они жили. Они с матерью купили билеты на пароход, и мы, погрузившись на «Колумб», поплыли.

Пароход был забит людьми – все бежали от голода. Ночью на палубе люди спали так плотно, что куда было ногу поставить.

На камбузе из крана постоянно бежал кипяток. Из мучных отходов мать натирала шарики и опускала их в чугунок с кипятком. Мы ложками хлебали это «варево», которое называлось «затирухой». От такой пищи животы наши постоянно болели. Мы постоянно хотели есть.

Чтобы отвлечь себя от чувства мучительного голода, мы поднимались на вторую палубу, проходили на корму и долго смотрели, как огромное колесо деревянными пластинами хлопало по воде и двигало наше судно.

На пути пароход несколько раз останавливался, причаливал к берегу и загружался дровами. Швырок (так называли дрова) местные жители специально заготавливали для парохода. Когда пароход пристал у села Пермское, дядя Петро сказал нам, что здесь начали строить город. Часть людей сошла на берег. Думаю, это были строители.

В один из солнечных дней нас посадили на шлюпки и высадили на сушу против Бильбинского

утёса. В двух километрах от него находился рыбацкий посёлок Застрельщик. Там жили наши соседи по Грибовскому. Взрослые пошли искать посёлок, а мальчишки накопили червей, и Гриша закинул в Амур закидушки. Мы мигом наловили ведро касаток, а девочки сварили уху. Наконец-то, за долгое время ухой мы утолили голод. Вернувшаяся из посёлка мать была очень довольна.

Земляки с Застрельщика приехали на лошадях, погрузили в телеги вещи и увезли нас в посёлок. Нас приютила семья Маловичко.

На Застрельщике уже был организован рыболовецкий колхоз. В трёх-четырёх километрах от Застрельщика, на протоках Авали и Халан, было организовано подсобное хозяйство. На пашне уже была высажена картошка. В пяти километрах от подсобного хозяйства создавалась перевалочная база для отправки продуктов и товаров на вновь организовавшийся прииск Дяпп. Груз с Халана на Дяпп (22 километра) доставлялся по бездорожью на выючных лошадях. Путь проходил по марям и через сопки. Всё это дядька Петро узнал от колхозников и решил устроиться работать на прииск.

Колхозники Застрельщика обосновались неплохо, не голодовали. Они сажали огороды, держали коров, ловили рыбу. Мы тоже стали заниматься рыбной ловлей, а пойманную рыбу меняли на картошку. Этим и питались – ни хлеба, ни муки не было.

Вернулся с прииска дядька Петро и сообщил:

– Начальство сказало, что у нас большие семьи, а работников нет, поэтому нас на прииск завозить невыгодно. Нам предлагают поехать на покос и там заготавливать лошадям сено. За эту работу они будут

давать нам месячные пайки: муку и прочее. Я на эти условия согласился.

С Халана на вёслах пригнали большой кунгас. Две наших семьи и припарковавшийся к нам с семьёй Развезев Семён погрузились на кунгас и поплыли. Остановились в Пригородно. Там я впервые увидел китайца. Доплыли до базы Халан, вышли на берег. Сразу бросились в глаза лежавшие в траве опухшие, чёрные на лицо люди. Нам сказали, что это высланные киргизы, которых привезли на работу. (На следующий год я узнал, что их увезли обратно.)

На формировавшейся базе был построен домик, небольшой склад и конюшня. Невдалеке, на кривуне протоки, стоял дом, обмазанный глиной. Сделан он был наспех. Там жила семья эстонца Питтая.

Берег утопал в высокой, в человеческий рост, траве пырее. Рядом протянулась осиновая рёлка. Было видно, что здесь человек никогда не ходил. Комаров было несметное количество. Они нападали на «свежего» человека, как мухи на мёд. Мошка и мокрец лезли в уши, глаза, нос, рот...

Взрослые получили инвентарь для косьбы и уборки сена и паёк продуктов, чему все были очень рады.

Знатоки местности сопровождали нас к месту покосов, которые находились вниз по течению. Высадили на берегу проточки, которая называлась Малый Халанчик. Выгрузили инвентарь, продукты, вещи. Провожатые отчалили и погнали кунгас обратно. Мы остались на необитаемом острове наедине с природой.

Сразу же все дружно приступили к строительству шалаша. Одни рубили тальниковые ветки для каркаса, другие подносили к нужному месту, третьи

вязали каркас, четвёртые косили траву. Мы, малыши, стаскивали сухостой для костра. Когда шалаш, похожий на просторную юрту, был готов, Гриша пошёл рыбачить, а матери стали замешивать тесто для лепёшек.

К вечеру были готовы и «дом» для проживания, и ужин. Как все радовались такому ужину, ведь целый месяц у нас не было мучной крошки во рту.

Место в шалаше распределили на три семьи. Постелили постель и стали ложиться спать. Тут же нас атаковали большие рыжие комары. Я не находил от них никакого спасения.

На другой день взрослые стали косить сено, а мы принялись обследовать окрестность. Вблизи от нашего жилища мы обнаружили небольшое озеро, заросшее кувшинками. Там в изобилии водились гольяны и ротаны. Позже мы их ловили больше для забавы, предпочитая им большую рыбу: сомов, щук, карасей, касаток, чебаков.

Мы находились на пойменных лугах. Трава там росла сочная, высокая, поэтому у косарей дело продвигалось быстро. К тому же стояла прекрасная сухая погода.

От укусов мошки у меня постоянно зудилось за ушами. Я расчёсывал их до кровавых болячек. Запах крови ещё больше привлекал мошкар. Спасения от неё никакого не было. Летом из Благовещенска к нам приехала родственница Зоя. Какой-то кремовой мазью она смазывала мои уши, и от этого становилось немного легче.

Основной нашей пищей были пресные мучные лепёшки и рыба. А хотелось поесть и чего-то другого. Однажды мы поймали несколько щук и пристали к матери, чтобы она нам их поджарила. Мать нас

убеждала, что для поджаривания нужно масло, а его нет. Мы настаивали на своём. Тогда мать налила в сковороду немного воды и стала «жарить» рыбу. Мы окружили костёр и наблюдали. Вдруг сковорода треснула и раскололась...

– Ну вот, – сказала мать, – теперь не на чем будет и лепёшек испечь.

После этого мы, чувствуя свою вину, несколько лет не просили у матери ничего жареного. А когда на паёк стали выдавать масло, жарить рыбу было просто не на чем – сковороду негде было купить.

Игрушек у нас не было, а поиграть очень хотелось. Мы брали трубчатое растение болиголов, очищали от листьев, привязывали ободранное с тальника лыко – получалось ружьё. Два прута превращались в лошадь и кнут. Мы садились верхом на «лошадь» и, погоняя её «кнутом», «гарцевали» по берегу озера.

Приближалась осень. Нас перевезли на Алан, за два километра от нашего шалаша. Там надо было копать картошку. Предложенное нам для жилья помещение оказалось просторным. Верхняя часть нового жилища срублена из тальника, было 2 маленьких окошечка, крыша засыпана землёй, на ней рос бурьян.

Когда стали убирать урожай картошки, с питанием стало легче. Мы разводили костёр и на углях пекли клубни. Потом, обжигаясь обугленным недопеченным картофелем, набивали себе животы. Руки и рты у нас были постоянно чёрными. Мы, детвора, напоминали чем-то пещерных людей.

Мебели у нас, конечно, никакой не было. Вдоль стен располагались нары – настилы из тальника, покрытые сухой травой. Одеждами служили рядом – покрывала. О простынях – и говорить нечего...

Наступила зима. На пятерых у нас была одна пара подшитых валенок, в которых мы по очереди бегали на улицу «по нужде». Пол в помещении земляной и, конечно же, холодный. Наши босые ноги были постоянно красными и чумазыми. Мыться негде и не в чем. Ванна использовалась для стирки белья. Так что зиму мы проводили постоянно на нарах.

Дров не было, поэтому каждый день кто-то ходил на другой берег Авалей, чтобы нарубить сухого тальника: на нашем берегу тальник не рос.

Долгими зимними вечерами на нарах детвора устраивала игры или рассказывала побасёнки.

Голодно, холодно и плохо было не только нам. Осенью на необжитый Халан привезли 30 семей репрессированных и высланных с Приморья. Людям выдали лопаты, топоры, пилы и сказали:

– Вот здесь обживайтесь – по этой осиновой рёлке в один ряд стройте себе жилища.

Люди, торопясь, понастроили себе землянок и полуземлянок, потом приступили к строительству бани, пекарни, магазина, медпункта, школы. Так появился посёлок – перевалочная база Халан, которую впоследствии называли Резиденция Халан.

Когда в посёлке открыли магазин, мать устроилась туда уборщицей.

В один из солнечных дней февраля 1934 года в обеденное время в наше жилище зашёл стройный, средних лет мужчина. Гриша сразу узнал в нём отца и закричал:

– Тятя! Тятя пришёл!

При появлении отца мы все замерли на месте от неожиданности. Только присутствующие при этом взрослые, улыбаясь, жали ему руку и говорили:

– Хорошо, что ты вернулся, Харитон!

Отец затянул в помещение санки, развязал мешок, достал печенье, угостил всех ребят, потом подозвал меня, зажал между коленками и стал поглаживать голову. Потом он попросил Сергея сбегать в Халан и сказать матери, что он приехал. Сергей влез в подшитые валенки, теплее оделся, прикрутил к валенкам лыжи, сделанные из клёпок деревянной бочки, и побежал.

Сколько времени прошло до прихода матери – не знаю. Одно запомнилось: всё это время я стоял зажатый коленями отца.

Сергей рассказывал: когда он пришёл в Халан и сообщил матери, что вернулся отец, она, бросив работу и ничего не видя от слёз, проваливаясь по колено в снег, с трудом выкарабкиваясь, не шла, а бежала домой.

До сих пор помню встречу родителей. Запыхавшаяся мать заскочила в помещение и встала у стенки, потом в слезах сказала:

– Зачем пришёл?

Помолчав, отец ответил:

– Ладно, ладно, успокойся!

Но не встал, не подошёл к матери: семь лет разлуки и отсутствие какой-либо связи сделали близких когда-то людей осторожными и недоверчивыми даже по отношению друг к другу.

Потом мать немного успокоилась. Стали подходить с работы взрослые и быстро организовывать по такому случаю обед. Петро достал откуда-то немного алкоголя, присутствующие сели за стол и, пообедав, долго-долго о чём-то говорили...

На другой день отец с матерью пошёл в Халан, чтобы устроиться на работу. Его сразу приняли, так как у него было две «солидные» специальности – прораб и

десятник. Он приобрёл их в зоне – учился по вечерам. Там же работал по этим специальностям.

Вскоре отец договорился с дедушкой Пантюховым, и наша семья перебралась в его домик, в Халан, где тятя руководил стройкой. Дети начали ходить в школу.

К сентябрю 1935 года в Халане открыли школу с двумя классными комнатами, между которыми находилась проходная дверь, и можно было переходить из класса в класс. Рядом с одной комнатой находилась учительская, рядом с другой – небольшая сцена для выступлений.

В классах мы сидели на скамейках и писали на дощатых столах. Ученикам выдавали карандаши в 5-7 сантиметров длиной и тетради из серого картона, в которых было по 8 листов. Их называли «грифельная тетрадь» и «грифельный карандаш». Написанное в тетради карандашом можно было стереть сухой тряпочкой и на этом месте продолжать писать. Одна тетрадь на весь год и на все предметы. Такими тетрадями можно было пользоваться 2 года.

В ноябре, катаясь с братом Сергеем на речке, я сломал правую руку. Фельдшер по фамилии Куратчик наложил мне на сломанную руку фанерку, крепко забинтовал и сказал:

– Месяц в школу ходить не будешь. И читать тоже...

Но отец посоветовал мне не прекращать занятие чтением, и я каждый день читал букварь (букварь выдавали один на троих), который приносили мне мальчишки. Через месяц повязку с руки сняли. А 8 Марта на родительском собрании учителя мне вручили подарок – материал на штанишки.

На Дяппе открыли семилетку, и после окончания 4-го класса я должен был идти туда продолжать учёбу. Я очень не хотел уходить из дома и плакал.

На Дяппе меня, как и других учеников из небольших населённых пунктов, определили в интернат, выдали наволочку под матрас и подушки, которые мы набили сеном. На них и спали.

В первый год обучения в новой школе я очень тосковал по дому. Осенних каникул у нас не было. Домой отпускали только на 2 дня на праздник 7 Ноября.

Когда я возвращался в Дяпп, мать собирала мне в сумочку бутылочку молока и чего-нибудь печёного.

После окончания 7-го класса мы сдали 11 экзаменов, после чего нам выдали большие красочные свидетельства. Мы вернулись домой. А через 10 дней началась война – Гитлер напал на Советский Союз.

Так закончилось моё детство.

Родом из детства

Я не литератор, всю жизнь проработал школьным учителем. Откуда же появилось это желание – рассказать о том, что особенно мною любимо, что так часто приходит на память, когда оглядываюсь на прожитые годы?

И всё чаще стал видеться мне во сне уже давно исчезнувший с лица Земли Халан – малая моя родина. Места моего детства... Халан – это небольшой поселок с приземистыми домиками, начальной школой, магазином, конторой, медпунктом, баней, наспех срубленными из маревой лиственницы и белокорой осины. Нижняя часть домика до окон обычно погружалась в вырытый котлованчик. Крышу делали пологой, из протесанных жердей, она же служила и

потолком, а сверху закрывалась слоем из прошлогодних листьев и утеплялась землей. Домики были больше похожи на складские погреба. Зимой в них всегда тепло, а летом прохладно.

Выйдешь за калитку, посмотришь кругом – дух захватывает. Вот плоскодонное озеро. Летом оно сплошь покрыто жёлтыми кувшинками на длинных нитевых стеблях. От озера к речке идёт извилистая протока. Какие пышные тальниковые ветки повисли над ней, как бы кланяясь и благодаря за прохладную воду...

А сам посёлок! Каким важным представлялся он мне! Ведь через него доставляли промышленные и продовольственные товары золотодобытчикам приисков Дяппе и Агние-Афанасьевска. Разные грузы прибывали с Киселевской перевалбазы в Халан на огромных, как тогда мне казалось, деревянных халках «Пильда» и «Лимури». Халки делали свои же халанцы и именовали их в честь ближних горных стремительных рек. Помню, конечно же, названия катеров, которые цепляли халки: «Вьюга» и «Арагви». Почему этот старый, с вмятыми боками и старческой одышкой катер носил красивое имя далекой кавказской реки, до сих пор не знаю. Мы, мальчишки, любили встречать «Вьюгу» и «Арагви». Кроме грузов они привозили на халках веселых студентов, родственников, гостей и молчаливых, нахмуренных тревожных новопоселенцев.

В такие дни на берегу всегда былолюдно и весело. Халки два дня разгружались и снова уходили за грузом, а мы ждали их возвращения. 75-километровый водный путь от Халана до амурской пристани Киселёво хотя и не длинен, зато запутан протоками с загадочными названиями: Дарахта, Авали, Халан, Лимури. Ни один отплывающий первопутник, боясь

заблудиться в лабиринтах протоков, не решался сесть за весла без провожатого.

А сколько здесь было всякой рыбы! Двухкилограммовые, словно отлитые из чистого серебра, сладковатые на вкус лимуринские караси; упругий, с бурой «ватерлинией» и золочёными плавниками хариус – «царская рыба»; пёстрый, с бурой спинкой зубастый ленок. А двухпудовые таймени, осётры и калужата со светящимися жемчужинками-глазками, а бронзовый, смысленый, сильный и быстрый желторотый сазан...

Но Халан – это не только вода и рыба. Это обилие кислой краснобокой клюквы, сине-сизой голубики, сладко-вяжущих ягод черёмухи и диких яблочек, это поляны дикого лука и черемши, это смолистый дух стланиковых шишек и многочисленные табунки куличков и уток.

Как-то поймали мы пять осиротевших желто-зелёных пуховичков-утят и два с половиной месяца растили их. Хлопот было на всё лето. Все дивились нашим утятам, когда они уходили со двора на озеро, плавали, питались там, а на ночь возвращались домой. С домашними утками наши приёмыши почему-то не сходились и на озере всегда сторонились их, плавали сами себе особнячком и без гоготания. Взрослые говорили:

– Подрежьте крылья, а то улетят.

Но мы этого не стали делать. И вот в один из сентябрьских дней пролетала над озером стая диких уток, и, как по команде, наша пятерка вспорхнула и устремилась вдогонку. Нам было и обидно... и радостно за них. До самого вечера только об этом и шел разговор. А еще очень живо помню, как делал лодку отец. И какая она вышла из его рук – ладная, легкая: так и подмывало

сесть в неё, взять в руки вёсла и плыть, плыть в самую дальнюю амурскую даль.

В один из майских дней братья и сестры ушли в школу, отец — на работу, мать около дома картошку сажала. А я от радости, что у нас своя лодка, решил покататься на ней. Грести вёслами не умел. И решил вообразить: лодка — катер, я — мотор, ноги — винт. Развернул у берега лодку, закатал штанишки, сел на корму, оттолкнулся и замотал ногами. Вода забурлила, я зафыркал, и лодка двинулась вперед.

Тут выбежал на берег мой товарищ, одногодок Витька. Я решил похвастать перед ним своей смекалкой и забултыхал, что было силенок. Лодка двинулась быстрее. Я крикнул:

— Витька, смотри-и-и-и!..

И — бултых! Ногами ощутил дно, выпрямился, открыл глаза, но вокруг тьма, и только сверху струится свет. Я оттолкнулся, суматошно забил руками, вырываясь к свету. И только когда вынырнул — вдохнул полную грудь воздуха. К берегу шёл, словно на чужих ногах.

С детства кроме Халана мне полюбились поселок Агние-Афанасьевск и пристань Киселёво. Агние-Афанасьевск — село в 90 километрах по шоссейной дороге от Киселёво. Оно расположилось в межгорной долине ключа Большая Бора. С севера, запада и востока село зажато тремя высокими, крутобокими сопками, и лишь южная сторона открыта для большого солнечного света. Зимой сопки, как богатырские щиты, так надёжно заслоняют посёлок, что снежные бури редки здесь, а снег опускается так плавно, что, кажется, каждая снежинка ложится точно на приглянувшееся ей с поднебесной высоты место. И при этом полном спокойствии сверху, от вершин сопок, доносится

сказочный гул. А какое чудо – горный лес в сентябре! Глянешь в любую сторону, и невольно вырвется:

– Золото, чистое золото!

И бездумно, очарованный, часами плутаешь лесными тропками, мягкими от игл лиственниц.

...Когда поднимаешься на вершину киселёвской сопки и глянешь в северную даль – дух захватывает. Амур неоглядный, могучий. Тайга... До самого горизонта. Кажется, бесконечно тянутся горные цепи с могучими хвойными деревьями, полянками багульника, непроходимыми зарослями метельчатого ерника, чёрной ольхи, ржаво-войлочными коврами мхов с топкими и вязкими марями, с малыми и большими звонкими ручьями. Там, в таёжных зарослях, живут крупные, высоконогие лоси с «серьгой» на шее и тяжёлой «лопатой» – рогами на голове, стройные изюбры с желтоватым «зеркалом» у хвоста, лохматые медведи, поджарые, неутомимые в беге волки и увальни-росомахи – гроза белок, бурундуков и рябчиков. А вот пушистые запасливые белки, чёрные осторожные глухари, хохлатые доверчивые рябчики, кудахтающие бесовским хохотом белые куропатки, большеклювые умные вороны, рыже-серые сойки с пушистым оперением и длинным хвостом, очень подвижные и крикливые акробаты-поползни, сказочных расцветок бабочки и зелёные кузнечики-трескуны... Как забыть такое? И вот, окончив институт, с дипломом учителя возвращаюсь я в родные места, в мою Ульчию, домой...

Память детства

Как-то, до ухода на пенсию, я прочитал: чтобы сон был здоровым, спокойным, засыпая, полезно

вспомнить собственное детство. Я последовал этому совету и не жалею, – мне стали сниться места моего детства. А детство и юность я провёл в посёлке Халан Ульчского района Хабаровского края. В девять лет, я хорошо помню, как на моих глазах на месте многочисленных озёр и болот, вблизи мари, где никогда не хаживала нога человека, на левом берегу в излучине протоки Халан создавалась перевалочная база Халан.

Мы, мальчишки, невзирая на наши невзгоды, были рады такому дикому месту. Хотя летом в утреннее, вечернее и ночное время нас одолевали комары, а день-деньской – мошка. И эта мизерная тварь почти круглосуточно занималась переливанием крови из наших организмов в свои ничтожно маленькие животики.

Всё лето от укусов мошки у меня за ушами не сходили болячки, которые постоянно чесались, и я их расцарапывал до крови. Какой только мазью не мазался. Всё было бесполезно. Гнус пил человеческую кровь.

Не обращая внимания на все издёвки насекомых, мы постоянно находились на улице. Любое детское занятие всегда приносило какую-нибудь пользу нашим семьям. В считанные минуты мы могли на крючок поймать леща, чебака, касатку. А в затопленных водой кочках голыми руками – даже серебряного карася.

В ягодную пору за день набирали до двух-трёх ведёр иссиня-сизой витаминной кисло-сладкой голубицы или ведро клюквы, ягода которой цвета румяного яблока. Не было проблемы набрать два-три мешка стланиковых орешек.

Перевалбаза работала. В это время от Киселёвки до прииска Агние-Афанасьевска строилась шоссейная грунтовая дорога. И через десять лет по девяностокилометровому горному перепаду пошли

автомашины. Необходимость в базе Халан отпала. Посёлок закрыли. Люди выехали, а память о Халане осталась.

Я тосковал по одичавшему Халану. Списался с таким же, как я, пенсионером, бывшим директором Быстринской школы, Куракиным Леонидом Евстафьевичем. Договорились: он на моторной лодке свозит меня на Халан, а я покажу ему ягодные места.

Из Комсомольска до Быстринска на «Метеоре» я доехал за четыре часа. Для поездки на Халан у Леонида было подготовлено всё. И третьего октября мы решили отчалить от песчаного берега посёлка лесников. Я устроился на переднем сиденье. Леонид веслом оттолкнул лодку, завёл подвесной мотор и взял курс на середину Амура. Непokoйный, но умеренный Амур похлёстывает с обоих боков дюралевую лодку, как бы торопит нас на встречу с Халаном. И скорость лодки в сорок километров с добавкой десятка километров течения реки нам дала возможность быстро поравняться с Больбинским утёсом. У Больбинского утёса, в защищённом от северных ветров распадке, до войны и в войну жило несколько семей рыбаков. Утёс-богатырь по срезу монолитной стены явно заявляет о том, что он упрям и твёрд.

Перевалили Амур. Плывём вдоль левого пойменного берега. Я приблизился к Леониду и на ухо кричу:

– Здесь в тридцать третьем заднеколёсный пароход «Колумб» на песчаный берег высадил нас – три семьи бежавших из голодного Благовещенска. А в трёх километрах от берега был посёлок Застрельщик, в котором проживали наши земляки. Мы только сошли на берег, как мои старшие братья Гриша и Сережа на

закидушки мигом наловили ведро касаток. Мы тут же их сварили и, наконец-то, утолили голод.

Вышли на простор Амура. Ветер-низовик навстречу нам гонит большие волны. Мотор работает безотказно, лишь в момент покидания гребня волны взвизгнет циркулярной пилой.

Пять минут, и мы заходим в начало протоки Дарахта. Справа – обрывистый глинистый берег, поросший сплошным тальником. За ним, на открытом месте, стоит фонарь речников – створой называется. Гляжу и не узнаю места. Здесь был небольшой островок, покрытый разноцветной лозой. И с левой стороны островка катер «Вьюга» всегда проводил пятидесятитонную деревянную халку, на которой был шкипером мой отец. Здесь же однажды, в малую воду, руль халки задел песчаное дно и выдернул из кормы пару досок. В халку хлынула вода, и она застряла на мели. Все, кто был на халке, поспешили на берег, так как понимали, что от загруженных в трюме сухих химикатов сразу пойдут отравляющие газы. Так оно и случилось. Но охранник груза на халке забыл винтовку и вернулся. Спустился в кубрик, схватил оружие, высунулся из кубрика по пояс и сник. Отец ринулся к нему, вытянул его на палубу и тоже сник. Люди заволновались. Подоспел матрос с катера. Вбежал по трапу, подхватил обоих под мышки и вынес на берег. Отец дышал. Охранник был мёртв. Отца на катере увезли в Софийск и в военном госпитале вылечили. Об этом расскажу Леониду на стоянке, сейчас не буду отвлекать, а то зарулит в тальники. А вот почему протоку назвали Дарахтой, и кто назвал – я до сих пор так и не знаю. Помню одно: в войну против Застрельщика рыбаки халанской базы осенью ловили кету, и много попадалось сазанов. Моя сестра Наташа –

рыбацкий повар – варила сазанов и из мяса удаляла все кости. Мясо потом перемешивала, обжаривала и получалась рыбная каша, которую рыбаки называли дарахтой. Ели без хлеба.

Пока я всё это перекрутил мозгами, мы уже зашли в первую излучину Дарахты. В войну на правом высоком и ровном берегу был небольшой сухопутный аэродром, с которого двукрылые самолётики перевозили на прииск Агние-Афанасьевск по два мешка муки, так как гужевой транспорт не успевал золотопромышленникам доставлять муку. И как сейчас помню: обрывистый глинистый берег был весь поражен гнёздами легкокрылых стрижей. И гудящих самолётов они не боялись. А сейчас гляжу – гнёзд нет. Большая излучина вывела нас к бывшей колхозной заимке. Колхоз имени Менжинского располагался на Халане в восьми километрах отсюда. Миновали место бывшей заимки, и с левой стороны нас встречает узкая, заросшая тальником, проточка.

– Эта проточка ведёт к Застрельщику, – говорю я.
– По ней мы, беженцы, на кунгасе плыли на Халан.

Дарахта кончилась. Заходим в подкову – слияние четырёх рек: Дарахты, Авалей, Лимурей и Халана. Направо пошли Авали. Мы круто поворачиваем налево и направляемся к устью горной, с водой, как слеза, реки Лимури. А каких здесь зимой рыбаки ловили карасей! Серебристых! Больше одного карася на сковороду не поместишь, а жареный – сладкий, пальчики оближешь. Лимуринские – называли их рыбаки.

На левом высоком берегу устья реки Лимури, в окружении приречных луговых трав, голубичника и лекарственной черемши, утопая в черёмуховых деревьях, благоухал татарский посёлок. Здесь, слева от устья Лимурей, и берет начало протока Халан. Но что

интересно, в детстве, когда мы на вёсельных лодках заплывали в Халан, хорошо видели выющую водяную жилку, которая разделяла мутную халанскую и прозрачную лимуринскую воду. Оказывается, чистейшая лимуринская вода смешивается с мутной дарахтинской и по обмелевшей восточной стороне подковы идёт навстречу лимуринской. Пройдя полуторакилометровый путь, питает протоку Халан. В детстве я никак не мог сообразить, как это всё получается. Оказывается: мутные воды Дарахты намного напористей затухающих вод Лимурей. Опять я подсел к Леониду и говорю:

– Как думаешь, Халан – чьё название?

– Не знаю, – задумчиво сказал Леонид.

– По всем научным догадкам, Халан – название нанайское.

– Возможно. Исследованием не занимался. В моей жизни главным было – обучение и воспитание детей. Сейчас увлекаюсь рыбалкой.

– А здесь было Пригородное? Так, кажется? – спросил Леонид. – Наши сюда плавают картошку сажать. Выращивают картошку, рыбу ловят, ягоды собирают, охотятся...

Леонид говорит, а я думаю: «Подсобное хозяйство назвали Пригородным, а города и близко не было. Но хозяйство было большим. Одних коров – голов сто. Держали лошадей и свиней. Выращивали картофель, капусту, морковь, турнепс, смородину. Посёлок был большим и оживлённым. Для нормальной жизни сельчан здесь было всё. Сейчас и следа не видать от многочисленных построек. Где заросло тальником, где в большие воды размыло берега».

Проплыли по прямой километра два, и опять вспомнилось местечко, где проживали мои родные: две

семьи Поправко, семья Масловского Ивана и фонарщик дед Мрязов. С противоположной стороны, по проточке, мы всегда весной плавали на берёзовую рёлку (удлинённое возвышение в пойменном месте) за черемшой, а в мелкие воды в проточке руками ловили карасей. Вода в Халане иногда была такой малой, что в некоторых местах мы ходили пешком по дну реки.

Прошли за поворот. По левой стороне на самом высоком, какие здесь есть, берегу я увидел лиственничный лес и вспомнил, как мы в детстве здесь, у самого берега, обнаружили стоянку аборигенов. На месте стоянки были следы очага, брошенные деревянные стрелы и луки. По всей вероятности, аборигенами были нанайцы, и они первыми дали протоке имя Халан, которую под этим названием увековечили на картах Хабаровского края. Халан – протока пойменная, как змейка, извилистая, протекает по глинисто-песчаному грунту и на крутых поворотах сильно подмывает берега.

Пятый километр халанского пути – пятая излучина с прямым углом и с небольшим уловом, на котором мы с братом Серёжей ставной пятнадцатиметровой сеточкой за ночь вылавливали до тридцати хвостов летней кеты. А на правом берегу этого поворота до войны несколько лет действовал палаточный пионерский лагерь. Рядом находится большое плоскодонное, не поросшее кувшинками, карасиное озеро. Из него мы на три удочки за утрянку выкидывали на берег более пятидесяти серебристых карасей. Это озеро местные жители стали называть Лагерным.

Ещё километр, и мы будем в посёлке Халан, бывшем, конечно. Поравнялись с Аммональной проточкой, и я попросил заглушить мотор.

– Зачем? – спросил Леонид и удовлетворил мою просьбу.

– Немного познакомлю с прошлым Халана. Мотору спасибо, пусть немного отдохнёт. Будешь слушать?

– Зачем же я ехал сюда? Слушаю, – и потёр пристывшие кисти рук.

– С этой проточки и начинался посёлок Халан. На левом берегу её был небольшой аммональный склад, который круглосуточно охранялся военизированной охраной. А справа от проточки, видишь, стропила торчат?

– Вижу.

– Это был склад для муки. Рядом стоял мазаный дом эстонца Питтая. Он был первым поселенцем Халана. Дальше вдоль берега были поставлены склады для продуктов, товаров; технический склад. Чуть дальше – конюшня лошадей на пятьдесят. От базы на север и на юг располагался посёлок с начальной школой, медпунктом, почтой, баней. В посёлке был организован колхоз овощемолочного направления.

Леонид повернулся к мотору.

– Обожди, не заводи. Хочу рассказать один случай.

– Тогда валяй. Нам всё равно торопиться некуда.

– Вот и хорошо. Слушай. Против нашего домика простиралось озерцо. Да и вообще наша деревушка почти со всех сторон омывалась водой. Поэтому основным видом транспорта в летнее время была лодка. За черемшой – на лодке, рыбу ловить – на лодке, на покос – на лодке, за голубицей – на лодке, за орешками стланика – на лодке, даже дрова заготавливали на лодках и только летом. Лодка нам нужна была, как крестьянину лошадь. Вот отец и сделал лодку.

В один из майских дней братья и сестры ушли в школу, отец – на работу, мать около дома картошку сажала. А я от радости, что у нас своя лодка, решил покататься на ней. Грести вёслами не умел. И решил вообразить: лодка – катер, я – мотор, ноги – винт. Развернул у берега лодку, закатал штанишки, сел на корму, оттолкнулся и замотал ногами. Вода забурлила, я зафыркал, и лодка двинулась вперёд.

В это время на берегу появился Чинарёв Витька. Я решил похвастать перед ним своей смекалкой и постарался глубже опустить ноги, чтобы произвести более сильные толчки. Лодка двинулась быстрее. Я крикнул:

– Витька, смотри!

И – бултых! Ногами ощутил дно, выпрямился (плавать не умел, конечно) и, сознавая, что стою лицом к берегу, поспешил к нему. Сделал два шага, чувствую, моя голова стала освобождаться от воды. Напряг силы и, захлебываясь, выхожу из воды. На берегу стоит растерянный Витька, к воде подбегает испуганная мать. Я вышел на берег, от испуга дрожу, зубами щёлкаю и молчу, а тёплые счастливые слёзы текут и текут по холодным щекам.

– Надо же, такой маленький и не растерялся!?

– Перед лицом смерти, – добавил я.

Леонид улыбнулся и сказал:

– Показывайте, где вы тут жили.

– Не торопи, готовь мотор. А дальше, за бывшим посёлком, река по-прежнему петляет. За вторым поворотом справа берёт начало Малый Халан. И километров через пять он опять впадает в этот Халан. Недалеко от его впадения есть озеро Соломи, туда-то все и ездили за орешками. С этого места основное русло

реки становится намного уже, и поэтому скорость течения увеличивается вдвое.

А когда мы приплыли из Застрельщика на Халан, нам сразу выдали паёк, косы, грабли, вилы и сопроводили на Малый Халан. Мы там на три семьи соорудили травяной балаган и до осени жили в нём. Там-то я и получил первое крещение с мошкаррой. Хватит. Заводи.

Леонид дёрнул накрученную на маховик бечеву, мотор взревел, и водителя обдало голубым дымком.

Я вытянул руку в направлении Аммональной проточки. Леонид включил скорость. Лодка рванулась вперед. В считанные секунды мы проскочили проточку и вышли на открытое место – край озера. Воды много. Отметка на тальниках показывает, что уровень воды недавно был на метр выше.

– Вот это да! – удивился я. – Когда мы здесь жили, таких подъёмов не было. Хорошо, что люди выехали, а то страдали бы сейчас.

Я показал, куда пристать. Место нашего домика было незатопленным. От домика сохранился обтёсанный столб. Стоит, как памятник нашему дому. По заросшей дорожке – звериная тропа. Леонид пригнулся, сказал:

– Лоси прохаживаются.

– На озеро ходят. Сочными корнями кувшинок лакомятся. Оно за бывшей баней, недалеко.

Мы вернулись к лодке и проплыли вдоль берегов озера. Я показал ягодные места, и мы причалили на краю бывшего посёлка, где было кладбище.

– Федор Харитонович, почему это место выбрал?

– Здесь было кладбище. Переночуем, земляков помянем.

Вышли на берег, походили, следов кладбища не обнаружили.

Заросло кустарником, деревьями. Березовые и осиновые листья шуршат под ногами: отжили мы, отшумели, пошли на покой, как и ваши земляки. Мне стало грустно.

– Лёня, можно тебя так называть, не обидишься?

– Конечно, я же моложе вас.

– Видишь остров?

– Слона да не приметить. По периметру километра два, если не больше.

– Он интересен тем, что своей поверхностью ребрист, как стиральная доска: невысокие рёлки, как меридианы, пересекают весь остров с севера на юг. Рёлки покрыты корявой ветлой и редким осинником. Между рёлками даже в мелководье в распадках сыро и глухо. Для наших коров это было любимое пастбище. Берег острова открыт от кустарниковой поросли. Летом мы ходили по берегу, на удилищах тянули блёсны и выдёргивали бронзовых щук. Чаще всего щук ловили с лодки. Куда бы ни плыли, всегда брали с собой блесну, а то и две. Щука настолько хитра и сообразительна, что почти каждый раз, как попадётся, выпрыгнет из воды, зубастую пасть откроет и трясёт головой, аж блесна звенит. Иногда и выбросит. Бывало, по два раза выпрыгивала. Мы всегда старались быстрее подтянуть её к лодке и выдернуть из воды. Однажды я на оморочке водил блесну, и попалась такая щука, что оморочку потянула. Я боялся её выдернуть в оморочку, могла опрокинуть. Степаненко Павел, товарищ, они жили у берега озера, увидел меня и удивился: я не гребу, а оморочка движется с приличной скоростью. Он и закричал:

– Федька, тебя что, водяной катает?

Леонид просиял улыбкой.

– Щука выбилась из сил. Я тихо-тихо на вёслах завёл её вон в тот заливчик, вышел на берег, и крючком выдернул из воды. У щуки бока были бронзовые, спина чёрная и покрыта мхом. Одной рукой поднять не мог. Дома замерил – оказалась, сто сорок сантиметров. На котлеты пошла.

– А почему вы сказали: бронзовых щук ловили?

– Почему? Видишь, какая вода, что заварной чай. Мой сват, Кузнецов Леонид Васильевич, это озеро называет Керосиновым. Он цвет воды сравнивает с керосином. Каждый по-своему на всё смотрит. От долгого пребывания рыб в такой воде чешуя приобретает бронзовый цвет. Красиво смотрится. Золотом отливает.

Это озеро наполовину глухое. В него вода заходит только в паводки. Постоянно его питают маревые воды. А маревая вода всегда имеет цвет круто заваренного чая.

В этом озере мы и купались, и рыбу ловили, и игрушечные самodelки – катера и халки – на поводках водили. Серёга даже к оморочке приделывал лопастные колёса с коленвалом, как у пароходов было, с рулевым управлением. Интересно было кататься на такой лодке.

Осенью, по первому льду, катались на деревянных коньках-самodelках. А зимой по нему всегда проходила санная дорога. Летняя – рядом, по мари, настелена из протёсанных брёвнышек, сланью называли.

– Леня, тебе когда-нибудь солнечное затмение приходилось видеть?

– Нет, а вы, конечно, видели.

– Видел. В середине тридцатых. Вон на том перешейке, что ведёт к острову. Сейчас он затоплен.

Мы с другом Николаем Куликовым бежали на остров дикого лука набрать. Вдруг солнце – раз, и потухло. Был полдень. Стало так темно, что я друга не вижу. От испуга я даже присел. И сразу холодом обдало. Вот и сейчас. Солнце спряталось, и сразу стало холодать. Как важно для жизни солнце.

– Чувствую, заморозок будет, – сказал Леонид и принялся готовить дрова.

– Мне так хочется тебе рассказать о наших детских играх. Были и необычные.

– Говори, у меня уши свободные.

– По слани летом катали железные обручи от бочек. Загибали устойчивую проволоку, как букву «и» с одного конца, за другой конец брали и толкали обруч впереди себя. А чтобы обруч не падал, надо его быстро толкать, а быстро толкать, значит, надо бежать. Вот и бежишь, под ноги не смотришь. Набегаемся, присядем и начинаем из подошв вытаскивать занозы. Приходилось даже зубами друг другу вытаскивать. Интересная игра, ничего не скажешь.

Я замолчал. Леонид повернул голову в мою сторону, улыбается:

– Продолжайте, продолжайте, я слушаю.

– Чаще играли в клёк. Это такая игра, когда на забитый упругий кол вешалась небольшая палочка – это и был клёк. По жребию один вадит в сторонке от кола. Остальные стараются попасть палкой по забитому колу. Если палка резко ударит по колу, то клёк улетает метров на пять. За то время, пока вадящий повесит на место клёк, остальные, кто уже бросил палку, должны сбегать за своей палкой. Не успел – будешь вадить.

Играли в чижика. Чижика делали из палочки. Палочка с палец застрегивалась на четыре грани. Концы застрегивались пирамидально к одному углу. Положишь

чижик в условное место. Палочкой ударишь по кончику чижики, он подпрыгнет, его ударяешь повторно, и чижик отлетает. Потом, набирая очки, своей палочкой до него меряешь расстояние. Длина палочки – очко. Часто играли в прятки. Прятались по кустам. Спрячешься, в пяти метрах тебя не видать. Вот, как здесь.

А ещё играли в прятки с забиванием кола. Все забивают кол и прячутся, а вадающий должен его вытаскивать. Когда вытащит, тогда идёт искать спрятавшихся. Кол забивали обухом колуна. Однажды при такой игре я стоял близко около кола. Вадивший пошёл искать ребят, один парнишка прибежал, схватил колун, я за его спиной оказался, он второпях замахнулся, остриём ударил мне по верхней губе и рассек.

– Здорово?

– Почти насквозь.

– Зашивали?

– В медпункт не пошёл. Так срослось. До сих пор ношу память об этой злополучной игре.

– Пока ещё не стемнело, давайте поставим маленькую сеточку. Проверим: действительно ли Халан богат рыбой? Да и на завтрак будет уха.

– Обязательно сварим.

– Из золотой рыбки и керосиновой воды, – пошутил Леонид.

– Тогда поплыли. Я укажу, где поставить.

– Я уже и сам сообразил.

Подплыли к высокой пырейной траве. Берега не видать, затоплен. Леонид из мешка достал сеточку.

– Покупал?

– Сам вязал. Рыбалка – моя страсть. Мне бы надо было рыбаком родиться, а вот всю жизнь проработал учителем.

Леонид конец сетки привязал за вершинник пырея.

– Гребите, – сказал мне.

Я взялся за вёсла. Он, поднимая поплава, дель бросает на воду. Второй конец закрепил тальниковым колышком. Здесь кто-то уже ставил сетку.

Вернулись к первоначальному причалу. Развели костёр, повесили котелок с «керосиновой» водой и установили палатку. Леонид сотворяет ужин. Я присел на поникшую старую ветлу и погрузился в прошлое. Думаю: «При всех трудностях люди почему-то жили дружно. Праздники отмечали коллективами. Пьяных в селе никогда не видел. Мы – мальчишки, да и взрослые, никогда не враждовали, наоборот, больше соревновались, помогали друг другу, чем могли и как могли».

Леонид приготовил ужин. Из лодки принёс деревянную сидушку, предложил мне. Налил по сто граммов и говорит:

– Прошу, Федор Харитонович, давайте усопших земляков помянем, ваше детство и всё доброе, что здесь было.

Пока ужинали, стемнело. Озноб стал брать.

– Октябрь своё берет, – говорю я. – Пойдём на покой.

– Я для вас приготовил спальный мешок.

– А ты?

– У меня будет ватное одеяло.

– А под себя?

– Сухие листья. Видите, сколько сыпучей подстилки. Шумит, о себе даёт знать.

– Снег покроеет, замолчит.

В темноте мы немного повозились, улеглись, поговорили, уснули. Проснулся. Телу жарко, а голова замерзла. Шапка сдвинулась, а лысину нечем защитить. Шапку натянул покрепче, повернулся, лежу. Что-то не спится. Или оттого, что голову пристудил, или воспоминания прошлых лет взволновали меня. Вдруг Леонид забормотал и резко завозился. «Бредит», – думаю. Не бужу. Надо уловить его слова. Интересно, о чём он может во сне говорить. Может, лешие снятся. Зачем ему сказал, что под нами усопшие лежат. Лежал, лежал, давай считать. Уснул. Проснулся от шума. Сдвинул шапку. Слушаю. Леонид стучит по палатке и кричит:

– Пошёл вон! Я тебе дам!

Повозился, успокоился. «Бредит, – думаю, – во сне бы так ясно не говорил. По себе знаю. Молчу. Он молчит. Интересно, часто с ним такое случается? Спросить? Нет, не буду. Неудобно про такое спрашивать». Заснул.

Опять проснулся. Чувствую: глаза больше не слипаются. Смотрю в потолок палатки. Светлее стало, чем с вечера было. Повернулся. Вижу: Леонид поднялся и выбирается из палатки.

– Встаём, – говорю я.

– Пора. Скоро солнце взойдёт. Бр-р-р. Морозец был. Лист под ногами хрустит.

– Перестал шепелявить. Сразу громко заговорил.

– В одну ночь горло простудил, – Леонид подхватил шутку и кашлянул.

Я с трудом выбрался из мешка и выполз из палатки. Поправляя одежду, говорю:

– Не зря лысина мёрзла.

Леонид засмеялся и говорит:

– А я, вы знаете, ночью кого-то от палатки гнал.

Я насторожился.

– Слышу: шурх, шурх. Ну, думаю: лось пожаловал, тропа рядом. Наступит – и дух вон. А шорох рядом с палаткой. Не выдержал, и давай гнать.

Я засмеялся.

– Смешно? Надо же было нас как-то обезопасить.

– А я подумал, что ты во сне бредишь от того, что на кладбище спим.

Леонид засмеялся. Я поддержал его.

– Поплывём, сетку проверим, – говорю Леониду, – и завтрак приготовим.

– Да подумаем о возвращении домой.

Подплыли. Часть поплавов не видать. В двух местах заныряли. Леонид взялся за сеть.

– Карась, видно, попался вчера, не бьётся.

Леонид выпутывал его долго, даже забурчал. Я понял: сетью недоволен. Вода холодная. Воздух холодный. Кисти рук покраснели. Высвобождая карася, он его перекинул с одной стороны на другую, подвесил, крутнул, через нужное очко продёрнул и ловко вытряхнул из паутинного гамака.

– Один есть, – говорю.

– А вот и второй, а там третий.

Леонид высвободил пять карасей. Стал вытаскивать больших, золотистых, похожих на щуку, ленков.

– Вот такой рыбы мы в озере никогда не ловили. Растерялись при большой воде. Раньше мы ленков ловили только в Халане, только после ледохода и только на лягушек. В озере на лягушек ловились только сомы.

Леонид высвободил ленков. Я посчитал, их тоже было пять.

– Вот заварим уху! – возрадовался я. – Халанскую.

– Для ухи котелок мал. Давайте даракху приготовим.

– Мне всё равно, лишь бы из халанской рыбы, – ликовал я. Завтрак приготовили, как и договорились. Поели.

– Ну, что, будем прощаться с вашим детством, а то мне в обед надо быть дома.

– Спасибо и за это, – а у самого взволновалась душа, хоть плачь. Вида не показываю. «Остался бы ещё дня на два», – мысленно говорю про себя. Но, увы, приказать не могу и выдавил:

– Поехали.

Стали отплывать. Леонид увлекся мотором. А я верчу головой, стреляю глазами – стараюсь запомнить не то что, как выглядят берега, а каждое деревце, кустик, кочку, меж которых я бегал босиком и за каждое лето по несколько раз сбивал пальцы до крови. У меня и сейчас на левой ноге соседний брат большого пальца сгорблен. Мы часто бегали на Халан, как мы тогда говорили, катер с халками встречать. Это для нас была радость превыше всего.

Заслышим звуки мотора на третьем кривуне и рванём по кочкарной тропе. Старшие ребята – впереди. Я – поменьше, всегда сзади. Бегу, под ноги не смотрю. Хоп! Корешок зацепил. Присяду на кочку, схвачу больную ногу, трясу, сквозь слёзы смотрю на капающую алую кровь и сбитую нежную кожицу. Гляну вперед, а ребят не видно. Кожицу притулю на своё место, встану и, чтобы не опоздать на встречу, хромко дам стрекача.

Стали подплывать к Пригородному. Леонид снял скорость и говорит:

– Федор Харитонович, сидушку забыли.
– Возвращаться будем?
– Да нет.
– Правильно. Будет причина ещё раз приехать сюда. Пусть леший на ней отдыхает, да нас вспоминает. Это он ночью приходил, а за то, что ты его прогнал, он и устроил на твою память шутку.

Леонид карими глазами улынулся, на полную скорость включил мотор, и мы двинулись вперед. В обед уже были дома...

Лидия Смирнова [8]

«Эпизоды из жизни мальчика Грани»

Главы

7.Шерловая Гора. Ущемлённое военное детство.

...Эти места можно назвать степным, редколесным и холмистым районом. Красиво, просторно и загадочно. Яркие, ужасно холодные и снежные дни. Зима не радуется своей, чаще солнечной и кажущейся нескончаемой, длинной. Снега, снега, мороз, ветра. Бывает и жаркое лето, обманчиво-короткое...

Начало жизни в посёлке Шерловая Гора для Пересторониных было непростым.

Погодой семью, включая младших детей, трудно было удивить, хотя климат юга области отличался от того, где они жили раньше. Сам уклад жизни в этом большом посёлке был другим даже у третьеклассника Грани.

Надо было не только привыкнуть к большому кругу общения, но и найти себе друзей. Гране в этом помог спорт, – те приобретённые навыки, которые дал в своё время тренер Старостин. Поскольку мальчик был подготовлен к футболу больше новых одноклассников,

то по мере своих сил помогал не только детям на занятиях физкультуры, но и преподавателям своими знаниями, в том числе и музыкальными. К тому же, Граня, выйдя из дружной творческой семьи, обладал такими природными качествами, в основе которых лежала доброта и культура.

Весь позитивно приобретённый за его мальчишескую жизнь опыт, был удачным «багажом» на новом месте. Здесь он нашёл многих друзей, которых помнит добрым словом и сегодня. К ним, прежде всего, относятся братья Шеины Михаил, Володя и Анатолий.

Отец пошёл работать забойщиком на шахту ГОКа. Добывали в основном олово и вольфрам. Труд шахтёра всегда считался очень тяжёлым, но Фёдор Андреевич был крепким, трудолюбивым, здоровым, и все жизненные трудности ему были по плечу. С ним поступил на шахту и младший брат мамы Грани – Пантелеймон Соломин, переехавший недавно к Пересторониным.

Пантелеймон по-родственному был привязан к Фёдору, считал его авторитетом в жизни и своим другом. Они вместе ходили на охоту, добывая зайцев, птицу, другую дичь, рыбу. Иногда даже рылись вместе с другими старателями в благодатных породах гористой местности, находя какие-нибудь «камешки».

Граня, как и многие дети, также участвовал в этих «работах» и всегда удачно. Это не возбранялось властью, находки принимались, как принимаются до сих пор от всех частных лиц. В то время здесь земли были богаче и в них «рылось» не только местное население, но и много пришлого народу, в том числе китайцев, которые уносили найденное добро к себе в Китай... А местное население обязано было сдать всё найденное на специальный приёмный пункт и получить

взамен бонны (чеки), которые можно было отоварить в магазине.

Жили Пересторонины в необычном деревянном двухэтажном доме, в их квартиру, расположенную на втором этаже, вела лестница с улицы. Кроме этого, в доме находились и разные общественные помещения, в том числе, и клуб со своим входом.

Конечно, в то время центрального отопления и прочих бытовых удобств в квартире не было, приходилось топить печь и приносить воду. Много для дома и семьи делали Костя и Граня.

...К концу, наконец, подходила затянувшаяся весна с трескучим ледком на дорогах по утрам. Неумолимо приближалось лето с ожидаемыми школьными каникулами.

Однажды Фёдор Андреевич, собрав всех домочадцев и друзей, – семью Устюговых, приехавших в гости из посёлка Борзя, выбрался с коллективом на природу.

Шёл воскресный день 22 июня 1941 года – день отдыха, с самой короткой ночью в году...

Над людьми в этот день по-праздничному светило солнце на ярком полушарии чисто-синего неба, а под их ногами зелёные заросли трав как будто издавали необыкновенный изумрудный отсвет.

Расстелив на траве покрывала и скатерти, женщины радостно расставляли на импровизированном столе всё припасённое к этому дню. Овощные соленья на разные вкусы, варёная картошка, рыба, мясо, варианты винегретов, первая зелень с огородов и прочее, прочее. Налицо был виден растущий достаток шахтёров.

Выставлялось заветное вино, морсы... Вокруг играли в догонялки счастливые дети. В отличном

настроении Фёдор Андреевич объявил команду: «К столу!», которая тут же была дружно выполнена взрослыми, присевшими на тёплую траву вокруг красивого стола.

Уже были объявлены многие тосты и весёлые голоса, перебивая друг друга, рассказывали о своей работе, прихвастывая успехами и упуская досадные мелочи. И песни.., голосистые казацкие, как и напевные русские народные, полились над светлыми и бесконечными просторами степи. В общем, веселье шло своим приятным чередом, не считаясь со временем.

А время в тот момент, показывая 14 часов здесь, по-читински, в западных же районах нашего государства уже трагично пульсировало на московских часах 8 утра... Оно било Набатом по русской стране, оповещая всех, кто его мог услышать, что уже в течение четырёх часов наша земля попирается в небе и в пространстве чёрной фашисткой нечистью.

Но Забайкалье было в неведении беды, как и многие другие советские места, т.к. общего приказа на «Оповещение» из Кремля ещё не поступало. Это произошло только в московский полдень.

Нарком иностранных дел Вячеслав Молотов зачитал по радио теперь известное всем обращение к гражданам Советского Союза: *«Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города...»*

В Читу эта страшная и неожиданная весть поступила уже вечером, когда народ был на стадионе, на финальном футбольном матче. Матч был прерван... После некоторого времени раздумий, он был продолжен

и закончен. Все спортсмены, участники встречи, на следующее утро подали заявления в военкомат и ушли добровольцами на фронт.

Посёлок Шерловая Гора узнал о начале Великой Отечественной войны из звонка на комбинат из Читы. На площадке у ГОКа, на столбе, была срочно установлена так называемая «тарелка», которая и собрала людей вместе. Страшное известие быстро распространилось в народе.

В степь к Пересторониным прибежал гонец-мальчишка, крича на ходу: «Война! Война! Война!» В ответ все: взрослые и дети сорвались с мест и, побросав вещи, побежали к ГОКу...

А здесь уже шёл митинг под руководством администрации, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций ГОКа. Граня хорошо запомнил необыкновенную тишину, возникшую в народе при известии о войне.

Только через некоторое время, когда весть дошла до глубины души, взрослые восприняли это сообщение как великое горе, некоторые женщины заплакали, мужчины закурили, а подростки и молодёжь, собравшись группами, тихо и серьёзно рассуждали...

8. Впереди – Дальний Восток!

Гранита ждала сначала школа, которую он успешно закончил, а затем – служба в Советских Вооружённых Силах СССР. Служил Гранит Фёдорович в Приморье в танковых войсках, был трижды награждён командованием Знаком «Отличник танкист».

Потом, после службы, Гранит приехал в строящийся молодой город Комсомольск-на-Амуре, где обрёл свою «вторую родину» и получил диплом

специалиста после окончания Политехнического техникума.

Здесь, в городе Юности, он нашёл свою единственную любовь, жену Галину Викторовну, которая подарила ему сына Виктора и дочь Наталью, продолживших фамилию своего отца в детях и внуках. Сюда же вслед за ним приехали родители, сёстры, племянники... И город Комсомольск-на-Амуре стал надёжным оплотом многочисленного клана Пересторониных.

Всю свою трудовую жизнь Гранит Фёдорович связал с Судостроительным заводом имени Ленинского комсомола. Здесь он стал специалистом, написал свои первые стихи, посвятив их работе, здесь впервые публиковался в 1958 году в заводской многотиражке. И уже в дальнейшем, получив одобрение коллектива, приумножая свой поэтический потенциал, обошёл ставшую крылатой фразу из стихов Н. Некрасова: *«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»*, стал не только гражданином, но и поэтом.

Всё творчество Гранита Фёдоровича связано с городом Комсомольском-на-Амуре. В его многочисленных произведениях, будь это стихи или проза, чётко просматривается патриотическая тема человека-гражданина, одухотворённая светлым и бесконечным будущим города, окружающей его дальневосточной природой и позитивным отношением к людям-труженикам. А земляки, чувствуя добро, всегда отвечали тёплой дружеской привязанностью и одобрением.

Гранит Фёдорович является любимым поэтом и прозаиком очень многих читателей, включая детей – он ведь многое написал для них.

Обладая профессиональным пером, будучи отличным организатором, он много сил вложил в городское Литературное сообщество, так как около 15 лет возглавлял Городскую Писательскую организацию и неоднократно был заслуженно отмечен Администрацией города грамотами и представлением в экспозиции Краеведческого музея г. Комсомольска-на-Амуре, а также писателями города, присвоившими ему звание Почётного председателя Комсомольской-на-Амуре Общественной Писательской организации им. Г.Н.Хлебникова.

Большие и малые произведения поэт, прозаик Г.Ф.Пересторонин подарил землякам-дальневосточникам и широкой читательской публике всей страны. Среди них популярные: *«Город мастеров»*, *«Город и судьба»*, *«Весёлая азбука»*, *«Очарование лесное»*, *«Солнцеворот»*, а также при его непосредственном участии вышли в свет многочисленные коллективные городские Сборники, газетные публикации и т.д.

Его поэтическое творчество украшают песни, прославляющие и украшающие жизнь родного города и принятые народом. Гранит Фёдорович часто аккомпанировал их исполнение игрой на баяне.

Не оставляет своё творческое поприще Гранит Фёдорович Пересторонини и сейчас. К нему обращаются за советом, как говорится, млад и стар, для всех у него открыта дверь. Часто он встречается и со школьниками, особенно, на каникулах, в пришкольных лагерях. Успешно продолжает писать поэтические строки; особенно, хороши стали его «Басни»...

Гранит Фёдорович, творчески одарённый, простой и скромный в общении человек, в любой

ситуации навсегда остаётся верен значению своего судьбоносного имени, которое звучит в расшифровке.

...ГРАНИТ – (мужское имя, русское, число души «пять») означает независимость мысли, твёрдость убеждений и данного слова, ценного как зерно». И всегда он честно и достойно движется по жизни под девизом своего редкого имени Гранит: «Прогресс во всём»! [9]

Надежда Суркова

О поэте Н.Кабушкине

Как-то раз на очередной встрече клуба «Музы при свечах» наши женщины предложили мне составить им компанию – сходить к поэту и редактору Николаю Тихоновичу Кабушкину, чтобы показать ему свои стихи. Мне, конечно, очень хотелось пообщаться с поэтом, узнать его мнение о моем творчестве, но, увы, в тот день у меня были неотложные дела.

Позже, предварительно созвонившись, Николай Тихонович сам назначил мне встречу. И вот я со своими «шедеврами» вошла в его кабинет. Я очень волновалась, но Николай Тихонович очень радушно встретил меня и сразу расположил к себе. В его кабинете в шкафах, на стеллажах, столах и даже на подоконнике – всюду лежали папки с рукописями, газеты, книги, журналы... Мое внимание тотчас привлекли несколько столов, стоящих особняком, – на них лежали книжные блоки, еще без обложек, а рядом, в отдельных стопках – обложки и еще не сфальцованные листы со стихами.

Во время беседы Николай Тихонович поинтересовался моим образованием и увлечениями. Мой ответ его заинтересовал.

– А почему бы вам, Надежда Ивановна, не попробовать себя в оформлении книг? – предложил мне Кабушкин. – Нам сейчас как раз нужно оформить обложку одного стихотворного сборника.

– Вот, посмотрите, – с этими словами он протянул мне сборник стихов Вячеслава Челнокова «Небесный странник» – стопку листов, еще не покрытых обложкой. – Какая иллюстрация отразит настроение этой книги? Ночь. Луна. Звезды. Одинокое старое дерево, а рядом – странник с посохом, устремивший взгляд в небо?

Николай Тихонович предложил мне еще несколько вариантов рисунка.

– Попробовать можно, – произнесла неуверенно.

– А хотите, я вам покажу одно очень необычное дерево? Здесь недалеко, буквально в трех шагах растет. Обязательно зарисуйте его, оно так и просится на обложку этого сборника. Пойдемте, я вам его покажу!..

И пару минут спустя мы уже стояли рядом с удивительным деревом. Природа постаралась выделить его из числа других деревьев: могучий ствол старого корявого вяза был перекручен так, словно его выжимали, как мокрую тряпку, а ветви, как худые руки с крючковатыми пальцами, протянулись в разные стороны, да так и застыли. На улице была середина февраля, поэтому можно было рассмотреть каждый сучок, каждую ветку.

С тех пор мой взгляд всегда приковывают к себе необычные деревья, особенно старые, с изогнутыми стволами, резко выделяющиеся на фоне своих зеленых собратьев. Стараюсь их зарисовать или запомнить, чтобы потом перенести на бумагу.

Сделала несколько набросков и разных вариантов рисунков с деревьями и странниками для

сборника В.Челнокова. Хотя сроки поджимали и отсутствие опыта сказывалось, однако первый шаг был сделан. Начала понемногу осваивать книжную графику. Предварительно прочитав рукописи будущих книг, я, сначала робко, а затем все более уверенно, делала наброски, зарисовки-концовки... Их я относила Николаю Тихоновичу на утверждение, после чего уже смело приступала к завершению. Многие из рисунков выполняла в цвете. Так, шаг за шагом, я постигала искусство книжной графики. Работала я с интересом, с каждым днем все быстрее и увереннее, всякий раз открывая что-то новое для себя.

С тех пор и по сей день мне нравится придумывать рисунки к стихам, к определенному сюжету в прозе. Конечно, не всегда получается так, как задумано, как хотелось бы. Ведь мастерство в любой работе достигается с опытом, а опыт – это ежедневная практика, это и знание, и уверенность, и умение художника. Сейчас я смело могу сказать, что не одну и не две книги оформила, их количество уже перевалило за сотню. И каждый раз мне радостно держать в руках новую книгу с моими рисунками и цветными иллюстрациями.

Да, все приходит с опытом. Спасибо тем женщинам, которые предложили мне сходить в редакцию. Благодаря встрече с Николаем Тихоновичем я овладела, пусть еще не в совершенстве, книжной графикой, о чем раньше и не мечтала. Ведь каждый художник, познав что-то одно, стремится к другому – новому.

Николай Тихонович Кабушкин и сам обладает незаурядными способностями художника, мастера своего дела. Он по-своему открыл мне новый мир – мир книжной графики. И теперь меня делает счастливой

мысль о том, что мои иллюстрации в поэтических сборниках, сливаясь со строками стихотворений в единое целое, помогают читателю лучше понять идею произведения, раскрыть его смысл, почувствовать душу автора. Это единство произведения и иллюстрации замечательно описал великий художник Леонардо да Винчи: «Живопись – это поэзия, которую мы видим. Поэзия – это живопись, которую мы слышим».

И действительно, живопись и поэзия – как части единого организма, полноценно существующие только в единстве, немыслимые друг без друга и неразделимые.

Искусство – это память времени. Ничто так не способно воссоздать время, остановить и восстановить его, как искусство.

Три письма поэту Н.Морозову

Если б вы знали... Письмо первое

Мое письмо-отзыв на книгу *«Вспоминай ты меня, вспоминай...»* Николая Николаевича Морозова – редактора альманаха *«Живое облако»*, члена Союза российских писателей, ветерана труда, награжденного знаком «За развитие культуры России», почетного жителя города Арсеньева, автора более двадцати книг стихов и прозы.

Здравствуйте, уважаемый Николай Николаевич!

На прошлой неделе получила Вашу книгу *«Вспоминай ты меня, вспоминай...»* Огромное Вам спасибо! Если бы Вы знали, сколько чувств мне пришлось испытать, читая стихи! В первый же день я читала и вечер, и ночь – до самого рассвета. И вот всю неделю в моих руках только Ваша книга. Невозможно оставаться равнодушной, читая такие строки:

*Я вынянчен задумчивыми песнями,
Где реял над страной советский флаг,
Но никогда не падал на колени
И не искал хвалебные слова...*

Если перечислять все стихотворения, которые мне особенно понравились, то, наверное, придется исписать не один лист бумаги. Каждое из них задевает за живое, невольно заставляет о чем-то вспоминать, задуматься не только о своих проблемах, но и о проблемах миллионов живущих в нашей стране, да и не только. С какой любовью Вы пишете о родителях, об отчем доме, о своих домашних делах, грядках, заготовке дров, о том, как топите печь, и многое другое...

Я знаю, чтобы протопить печь, недостаточно принести дров, их нужно и заготовить, и наколоть, и золу выгрести, вынести... И на все нужно время, время и силы. Но когда читаешь строки о том, как уже весело потрескивают в печи поленья, то невольно начинаешь понемногу завидовать автору, когда представляешь, вернее, видишь, как он, задумавшись, смотрит на языки пламени, а в голове его рождаются строки новых стихотворений:

*Шагами я до почты измеряю
Дорогу от родительской избы.
И каждый день кого-то поздравляю
С волнующими датами судьбы.
А в письмах – поэтические строчки
Поют свои сердечные слова.
И долго ищет запятые, точки
Моя совсем седая голова...*

Господи, читаю такое стихотворение и думаю, какая ответственность лежит на плечах этого человека, сколько сил и душевной теплоты! Забота, любовь, доброта проявляются во всем и ко всем. Стихотворение «Дом отца»:

*Дом отца – это нынче мой остров,
Я к нему обращаюсь на «вы».
Знает он меня с малого роста
До ковыльно-седой головы...
Внуки здесь подрастали и внучки,
Уходили из старых ворот.
От получки скупой до получки
Помогал всем прожить огород...
А теперь я один. И не просто
Старый дом охранять от беды.
И на мой обитаемый остров
Не спешат никакие следы...*

Или следующее стихотворение: «Я рос в семье единственным ребенком» – без слез невозможно читать, да и все, что касается Вашего детства, родителей, проблем одиночества, старости, унижения наших пенсионеров... все, все волнует и затрагивает душу!

*Я рос в семье единственным ребенком.
Как сохранить сына и как не потерять?
И для меня рубашки-распашонки
За трех погибших сохраняла мать.
Два брата и сестренка не сумели
Дожить хотя бы до годков пяти.
И досыта не пили и не ели,
И не сумели стойкость обрести...*

*Четвертый я, но выживший ребенок
Уже совсем, уже совсем седой...*

Мне очень нравятся Ваши стихи! Вот открываю сейчас сборник. Стихотворение «С утра гонял лопату во дворе...» Вроде просто, понятно: выпал снег, ночь, поэту не спится, навязчивые мысли одолевают... звучат строки в голове. И, как спасение, долгожданный рассвет. Морозное утро, белизна слепит глаза, хруст под ногами, широкая лопата, и все ночные кошмары уже позади. С первой лопатой снега начинается новый трудовой день человека, знающего свои обязанности, свою заботу обо всех... Читаешь стихотворение и, как на экране, видишь это:

*С утра гонял лопату во дворе.
Был ночью снег беспечный и крылатый.
Он поклонялся солнечной заре
И с хрустом помещался на лопату.
Декабрьский ветер ветви обглодал,
Которые снежинками покрылись,
Я нынче утром очень рано встал
Лишь потому, что мне кошмары снились...
И, и наконец, рассвет ускорил бег.
Я ждал его, как сына и как брата.
Ну, подчиняйся мне скрипучий снег,
Не подведи, широкая лопата!*

Много, много волнующих тем в Ваших стихах, особенно хочу выделить одну, что меня очень затронула. Она проходит во многих стихотворениях, которые были написаны примерно с осени 2009 г. и в этом году. Вот строки из одного:

*... Красные, красные, красные
Осенью кисти рябин.
Чувства мои не напрасные,
Только живу я один...*

Очень разволновало стихотворение «Я в надежде смотрю на калитку». Особенно последние в нем строки:

*Ухожу. Мне никто не поможет.
Подожду. Боль когда-то пройдет.
Только что же меня нынче гложет?
Никогда и никто не поймет!*

Это стихотворение было написано 3 января – в Новый год. У людей праздник, все веселятся, счастливы, только одному человеку одиноко, очень одиноко, у калитки он ждет... Много подобных стихотворений написано за этот отрезок времени, до и после Нового года. И даже последние в книге слова – «Пусть мягким будет в жизни путь» и «Воскресение прощенное...»

*Воскресение прощенное,
Ты в мой дом поспеши –
Истекает блинов пышных срок.
Принеси для моей
Истощенной души
Хоть один телефонный звонок!
Пусть на той стороне,
Где кочует туман,
Женский голос мне скажет: «Прости!»
Это станет бальзамом
Для всех скрытых ран,
Но с ним легче мне груз свой нести!..*

Когда я первый вечер до самого утра читала Вашу книгу (я сидела в кухне), то моя дочь удивилась, что я не ложусь спать, но, когда увидела мое лицо, залитое слезами (она вошла неожиданно), то испугалась: «Что случилось? Что с тобой, мамочка?..» Я ей: «Ничего, ничего, стихи читаю, иди спать, рано еще, не беспокойся, все нормально». Дочь покачала головой и сказала, что нельзя так переживать и отождествлять лирического героя с автором. «Ты же сама это прекрасно знаешь! Завтра же, вернее, сегодня днем почитаю эти стихи». Вот так я читала Ваши стихи. Пока еще нахожусь под их впечатлением.

Меня всегда привлекали книги с «реалистичными» историями. В детстве мне нравилась фантастика, я перестала ее читать и все больше уделяю внимания другим литературным направлениям. Тот мир фантазии остался в детстве. Сейчас больше интересует реальное как в прозе, так и в поэзии. Поэтому я так неравнодушна к Вашим стихам. Каждое стихотворение запоминается, остается в сердце!

Спасибо Вам за эту замечательную книгу! Вот и сейчас просто позабавили некоторые стихи. Ну, разве не смешно читать такие строки из стихотворения: «Ну, улыбнись, меня увидев»:

*Ну, улыбнись, меня увидев, раскрасавица!
Своей улыбкой милой сердце обогрей...
Я не могу к тебе дотронуться, представиться,
Я пня трухлявого дряхлее и старей.*

*Но только каждому улыбки женской хочется.
Пенять на возраст не прилично никому.
Мне так же весело от радости хохочется.
Твою улыбку оценю я и пойму!*

*И не беда, что три передних зуба выпали,
А я пластмассовые вставить не успел.
И мы случайно день и час с тобою выбрали,
Чтоб каждый вместе друг на друга поглядел...*

*Нам эта встреча посулила счастье райское
И полный дом моих любимых желтых слив.
Ты улыбнулась, словно вышло солнце майское,
Я – улыбнулся, рот беззубый не открыв.*

*Мы разошлись по сторонам тропой
нахоженной.
Налево ты, а я направо, как всегда.
Ты, – улыбаясь. Ну, а я, как мне положено,
Скрипя пошел ворчать на старые года...*

*Я часто долго думаю,
Но очень не грущу.
С улыбкою
Беззубую
Любимую
Ищу.*

Понравилось стихотворение «Машина дров». Как можно быть равнодушной после таких строк:

*С тобой тепло, машина дров,
Я буду нынче зимовать
И не найду обидных слов
Свое правительство ругать...*

*Невольно пенсию свою
Считал, как песню глухари.*

*Как хорошо бы – по рублю,
А тут – пять тысяч отвали!*

*Весь месяц я картошку ел.
И выжил-то едва-едва.
Зато у печки пропотел,
Когда кидал в нее дрова...*

Отдельно хочется сказать о стихотворении «Богатая осень». В этих строках Вы сказали о себе многое:

*Совершенно богатая осень
Прописалась в мой дом на земле.
Облака соревнуются в кроссе,
Но за ними следить скучно мне.
Уродился картофель. А тыква
На соседский залезла забор.
Я картофель собрал очень прытко,
Ну а тыква растет до сих пор.
Скоро минусы лягут на грядки.
Помидоры унес под кровать.
И все шесть черных соток в порядке
Будут этой зимой зимовать...*

*Дом соседский к земле наклонился.
В огороде – трава-лебеда.
А хозяин, как боров. Но... спился.
У соседа такая беда.
Что ж – пойду. Поворчу на соседа
И лопату ему наточу.
Только часто по пьяному следу
Все же я проходить не хочу...*

Не буду перечислять Ваши достоинства, лучшие черты характера и т. д., только скажу о том, что в стихах

Вы раскрываете свой богатый внутренний мир, свое отношение к окружающей действительности, свое равнодушное отношение к проблемам даже того непутевого соседа. Так может написать только человек с богатым опытом, человек с добрым сердцем, человек с открытой душой!

Я благодарна судьбе за то, что свела меня с Вами! Ваши стихи учат людей понимать и любить искусство, они воспевают красоту необъятных просторов нашей Родины! Я горжусь Вами!

Почитала и почувствовала. Письмо второе

Мое письмо-отзыв на книгу «*Живу и чувствую...*» Николая Николаевича Морозова – редактора альманаха «Живое облако», члена союза Российских писателей, ветерана труда, награжденного знаком «За развитие культуры России», почетного жителя города Арсеньева, автора более двадцати книг стихов и прозы.

Здравствуйте, уважаемый Николай Николаевич!

Прочитала Вашу книгу «*Живу и чувствую...*». Вы пишете, что некоторые стихи можно было и не печатать в ней. Я не заметила, какие именно! Они – это жизнь! Это Ваша жизнь! Когда читаешь что-то надуманное – неинтересно, читаешь, как штамп, взятый не из своей жизни... В таких стихах нет искренности, чувств, они действительно не трогают, не волнуют. Это даже не сценарий из заимствованной жизни – это что-то обыденное, «заезженное» другими авторами. Может быть, я сумбурно выражаю свои мысли, но, думаю, Вы понимаете, о чем я хотела сказать.

Я благодарна Вам за все Ваши сборники! Я часто их читаю и удивляюсь, насколько богат Ваш внутренний мир! Но и не каждому поэту дано так интересно, по-своему передавать бумаге свои мысли и чувства, так излагать наблевшее за день, месяц, годы...

Когда я первый раз открыла Ваш сборник, то оставляла закладки на тех страницах, где стихи показались очень хорошими. Потом я поняла, что закладок надо готовить слишком много! Вот сейчас открываю сборник и тут же читаю первые строки из стихотворения «Похолодало»:

*Похолодало.
Вновь похолодало.
И потемнела за окошком синева,
И долго ночь цыганкой колдовала,
Подыскивая нужные слова.
Но все они
Сплелись в один клубочек,
И что без вас
Не мил мне белый свет.
Ох, не люблю,
Ох, не люблю я ночи.
Скорее приходи ко мне рассвет!*

Господи, читаю и удивляюсь: те же мысли, те же чувства, переживания, но как смог поэт об этом написать, как передать свое состояние! Или вот:

*Никто не знает,
Как сейчас страдаю:
Трясутся руки,
Ноги
И душа.*

*Я таю, словно льдинка,
И растаю,
Но не спеша,
Конечно, не спеша...*

*Сижу. Сижу и сам себе перечу.
Сижу. Сижу, о чем-то бормочу,
И ночь ложится тягостно на плечи,
Как будто я ее веду к врачу...*

*Кастрюли ждут.
Не чищена картошка.
...Здесь мой уют,
Запущенный немножко.
О, что же ты,
Облизанная ложка,
Глядишь сегодня,
Как цветет окошко?..*

Так может написать только человек с очень тонкой, ранимой душой. Он знает, он переживает, но что-то изменить уже не в силах. Ведь жизнь идет вперед, ее не остановишь, и она нам частенько любит преподносить сюрпризы. А тема войны, тема прошлых пережитых бед страны?

*Смотрю кино
И потихоньку плачу.
Ты эти чувства оценить позволяй.
Но как отреагировать иначе,
Воспринимать страдания и боль?*

В огне Великой Отечественной войны тысячи лучших сынов России отдавали свои жизни.

Завоевывали мир, землю, свободный труд для своих детей – это отражено в Ваших стихах.

*Мой дед убит.
Отец в бою контужен.
Шальные пули, будьте вы слепы!
Любой живущий
Для планеты нужен,
А те, кто ждут войну –
В душе слепы.*

А послевоенные трудные годы! Они и сейчас заставляют оглядываться в прошлое. В эти годы мы, дети, многого не понимали. Мы любили свою страну, гордились ею, нашим бесплатным образованием и бесплатной медициной.

Но все перевернулось: гласность, перестройка...

Ненавистные войны в Афганистане, Чечне. Коррупция, развал устоявшегося строя, безработица, пьянство, пустые прилавки магазинов, огромные очереди за хлебом – все это не может не отразиться в Вашей душе, душе поэта!

Все это можно найти на страницах Вашего сборника стихов.

*Бросая вызов всей судьбе,
Когда был молод и горяч,
Теперь бросаю сам себе
Под стариковский тихий плач.*

*Я с рождения скромный
И сам по себе
Не желаю огромных
Возлияний в судьбе.*

*Труд людей исправляет
И терпенье ведет.
Здесь сирень расцветает
И малина растет.
А гордиться не надо.
Жди, куда повело.
Скромность – это награда,
Но с ней жить тяжело.*

Поэт смел, поэт не боится писать о своих недостатках, трезво оценивает себя, свои поступки, но и так же честно пишет, что думает о положении в стране, о «развалах» в верхах...

*Постой, поэзия, постой,
Сегодня я иду в запой.
Перед тобою повинюсь,
Когда немного похмелюсь.
Не обижайся, вот такой,
Поэт, не знающий покой.
Он против ветра всюду прет,
Не смотрит власть имущим в рот.*

Много, много можно говорить о несправедливости, унижении нашего народа, о нищете пенсионеров и прочее... Это болезненная тема.

*Жалость, сострадание и помощь –
Это триптих жизненного дня,
Я жалею в человеке немощь,
Кто-то пожалеет и меня –
Старика седого с бородою.
Предъявила жизнь последний счет.*

*Жалостливый сходит за водою
Или булку хлеба принесет.*

*Каков я был,
Таков и есть, –
Хожу в отцовской старой куртке,
И от нее святое(честь)
Не улетает с ветром юрким!*

Любовь к Родине. Читая Ваши стихи, видишь чистое небо, прозрачные озера, гигантские тополя родного края. Свежее дыхание полей, тишина... ночные шорохи, луна, звезды – краски и звуки коротких летних ночей кажутся таинственными. Музыка дождя, шепот падающих листьев, завывание вьюги – все, все завораживает, заставляет взволнованно биться сердце читателя!

Работа в саду и огороде, труд и забота крестьян – весь быт сельской жизни отражен в Ваших стихах! Говорят, что все берет начало в детстве, в родном доме... Читая Ваши стихи, я невольно вспоминаю свои ранние годы, я вижу внутренним взором тихие летние вечера в деревне, сказочные сугробы, вырастающие зимой, заснеженные улицы, сады и огороды... Чувство Родины, непередаваемое чувство любви к своему богатому краю – вот что можно сразу найти в Ваших строках! Любовь к родителям, к родному дому, родной земле не оставляет равнодушным поэта. Легкость языка, такое чувство, что строки Ваших стихотворений рождаются как бы сами собой, текут свободно и плавно, безо всяких усилий со стороны читателя. В Ваших стихах видишь не только зарифмованные строки, но и Ваше живое сердце, Вашу беспокойную душу!

А любовь?.. Неисчерпаемая тема в поэзии — любовь!

Все люди стремятся быть счастливыми, хотят, чтобы рядом были те, кого они любят, о ком заботятся.

*Дикие яблочки,
Меньше наперстка
Скоро созреют
В Приморском лесу.
Я приготовлю их
Полную горстку
И, как подарок,
Тебе отнесу.*

*Только любовью
Весь мир наш повязан,
Только любовь
Приведет к вере нас!*

*Ну и что, пусть звонок прозвучал,
Я тебя, хоть на слух, повстречал.
Ты вдали от меня в суете
И все мысли мои в маете.*

*Как живешь, моя подружка,
В разлученной стороне,
Где и ложка, где и кружка
Помнят только обо мне?*

Достоинство в любви. Достоинство при расставании. Годы идут... Пусть было, отцвело и погасло, но главное при этом, вспоминая, не проклинать прошлое, не сожалеть о нем, а оставить в сердце память о нем, теплое, пусть и грустное чувство.

Ощущение пустоты, усталости и разочарования часто присутствуют в Ваших строках, где Вы пишете о любви. Пока (пишу пока) Ваша лирическая ситуация – разлука, прощание, одиночество.

*Черное в черном.
А белое в белом,
И, как обычно,
Часы «тук да тук».
Снова смотрю я в окно
Оробело,
Где-то живет там
Единственный друг.*

*Письма не пишет,
Не шлет телеграммы.
Тяжкой походкой
День мимо прошел.
Знаю, что друг мой
По жизни упрямый,
Значит, ему без меня
Хорошо.*

*Мне ночами счастье снится,
Сумасшедшим не считай.
Для меня ты, словно птица,
Только вдаль не улетай.
Без тебя закаты слепнут,
А восходы не встают.
Руки дрябнут, а не крепнут
И не радуют уют.*

*А мне так хочется,
Чтоб вновь душа запела*

*Там, где топорщится
За светлым словом дело.*

*А мне так хочется,
Поверьте мне, поверьте,
Не в пасмурном конверте.
А рядышком со мной
Светила ярко.
И я не понимаю жизнь двояко.*

*Я знаю, –
Свет надежды впереди.
И я иду.
Ты терпеливо жди.*

Ваши стихи удивляют своей искренностью, накалом чувств, профессионализмом, любовью к людям, Родине, природе! Любой читатель, листая страницы Вашего сборника, может убедиться в его многогранности, найдет то, что заставит взгляд задержаться, а сознание – задуматься. Жизнь идет своим чередом. Каждый день приносит с собой новые размышления, новые стихи... Пока горит душа, пока бьется сердце, все для Вас достижимо! Я знаю, что впереди у Вас – большие творческие планы! Спасибо Вам еще раз за прекрасные стихи!

Читаю восхищаясь переживаю. Письмо третье

Мое письмо-отзыв на книгу «Звезды листают календари» Николая Николаевича Морозова – редактора альманаха «Живое облако», члена Союза российских писателей, ветерана труда, награжденного знаком «За развитие культуры России», почетного жителя города Арсеньева, автора тридцати книг стихов и прозы.

Здравствуйте, уважаемый Николай Николаевич!

Я счастлива оттого, что Вы прислали на мой адрес свой сборник стихов «Звезды листают календари» для руководителя литературного объединения Виталия Захарова. Если б Вы знали, сколько чувств, переживаний родилось во мне, после прочтения Ваших стихов. Моя душа переполнена, она до сих пор под их впечатлением. Да и как можно оставаться равнодушной после стихотворений, касающихся Вашего здоровья. Нотки грусти чувствуются не в одном из них. Видно, осенью Вам пришлось многое пережить, передумать, перечувствовать...

Больница.

Ночь.

Палата на две койки.

С оскомой в зубах о перестройке

Я уходил в тревожный мир стихов.

Сосед всю ночь храпел до петухов.

Стихи кричали,

Плакали,

Стонали

И строчками, как пулями стреляли.

Но Русь не вырывалась из оков, –

Она во власти спящих мужиков...

Я выполнила Вашу просьбу – передала сборник поэту В.Ф. Захарову, хотя очень жаль было расставаться со стихами. Он передает Вам огромное спасибо за такой подарок.

Сегодня, т. е. 18 февраля, у нас было собрание художников в Доме ветеранов, где мы оформили очередную выставку картин. Я до двух часов дня читала

третий раз Ваши стихи, а в три часа уже нужно было прийти туда. Мне казалось, что я отрываю часть своей души, но мне очень жаль было отдавать этот сборник, хотелось еще и еще читать о том, как Вы по тропинке идете к родительскому дому, о детстве, маме, отце...

*Дорога к дому, как аллея
Через луга, сосновый бор.
А впереди восход алеет,
Как несгорающий костер.
Ни поворотов, ни изгибов,
Без ям, бугров пройти нельзя.
И облака вдали, как рыбы,
В закат без усталости скользят.*

*Я к дому детства приближаюсь,
Стараюсь тише делать шаг,
Аллею светлой доверяюсь
И обхожу любой овраг.*

*У дома детства – ставни настезь.
И думы светлые, как день.
И никакие в жизни страсти
Тень не набросят на плетень...
Иду домой и умоляю:
«Не торопись, закат, ко мне».
Я дому детства доверяю
В любой житейской стороне.*

Я бы очень хотела иметь еще Ваши сборники (любого года выпуска). Буду с нетерпением ждать и надеяться, чтобы еще ближе познакомиться с другими Вашими стихами, с Вашим внутренним миром. Когда я получаю очередной альманах «Живое облако», то сразу

ищу страницы с Вашими стихами, читаю, восхищаюсь, переживаю. Такое чувство рождается в душе, что у нас с Вами очень много похожего в судьбе, характере, в отношении к окружающим, родителям. А какие теплые слова можно встретить в Ваших стихах, если пишете про свою маму и про отца – сколько любви, нежности, я уже не говорю о том, с каким все это мастерством Вы описываете свои чувства и мысли.

*К маминой оградке
Раннею весною
Вербною дорогою иду.
Пахнут почки сладко
Над ее покоем,
Словно вишни майские в саду.*

*Не склонился крестик
Старенькой ограды.
Посмотрю я в мамы глаза.
На священном месте
В свадебном наряде
Распушилась вербная лоза...*

Читаю и вижу нежные краски восходов, закатов на сопках, которые видны, думаю, из окон Вашего дома. Вижу Вас в саду, возле ухоженных грядок, во дворе и т. д. – всего не передашь, не напишешь в письме. Я – Ваш читатель! Ваши стихи мне очень близки, они заставляют быть лучше, чище, добрее, понимать чужие проблемы, оказывать помощь тем, кто нуждается, кто слабее... Да разве перечислить то, чему учат Ваши стихи!

*Октябрь осенним листопадом отдождил –
К земле припала и умолкла листьев стая.*

*И в серебро оделся высохший настил,
И до обеда даже иней не растаял.*

*Приходит так же незаметно старость в дом.
И дни, как листья, под ногами оседают.
Не ощущаем мы тревогу даже в том,
Что наши звезды в небе долго не сияют.*

*Мы тоже – листья: покружились, улеглись.
И только разница, что жили не беспечно.
Переплела все наши корни крепко жизнь,
И наша осень не задержится навечно.*

Да, я не равнодушна к Вашим стихам, читаю и переживаю... Порой слезы сами наворачиваются на глаза от прочитанного, от пережитого другим человеком.

Огромное Вам спасибо, что дали возможность увидеть столько света и добра, которые исходят из Вашей души, от Вашего сердца! Здоровья Вам, новых сил для достижения намеченных целей в творчестве! Спасибо!

Галина Пысина

Истоки

*«Народу много, – а не живет никто», –
сказал о Приамурье И.Гончаров.*

Авторы-дальневосточники, любители литературы встретились в рамках литературной площадке «Амурия» 27 апреля 2017 года. Присутствовали участники литературных клубов и объединений «Платиновое перо», «Муза при свечах»,

РЛК в ДФО, Хабаровского РО РСП, представители ДВГНБ.

Тема для обсуждения выбрана не случайно: «Истоки дальневосточной литературы». Она возникла из предыдущего общения авторов 30 марта с.г., где уделено внимание вопросам дальневосточной поэзии, к которой мы лишь только прикоснулись, ибо обо всех поэтах-дальневосточниках невозможно рассказать за 2-3 часа общения.

Мы задумались, а где же истоки нашей дальневосточной, такой необычной по своей сути литературы? Вспомнили многих писателей и просто авторов, которые впервые стали писать о Дальнем Востоке и его особенностях, о его героях и антигероях, познакомились с малоизвестными фактами из истории российской дальневосточной литературы. Это также тема бескрайняя, как и более конкретная тема дальневосточной поэзии. По материалам подготовленных к этой встрече двух презентации предлагается обратить особое внимание на работу Г.И.Невельского *«Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России»*, в которой отображены основные моменты, исторические вехи освоения и возвращения, как пишет Невельской, Приамурского и Приуссурийского края к России. Крайнее издание книги в 2009 году осуществлено в издательском доме «Приамурские ведомости» (г.Хабаровск) и аннотацию к этому изданию представил известный краевед, историк А.Мережко. Эта работа А.Мережко – сама по себе уникальная литературоведческая статья по книге Г.Невельского, заслуживает отдельного внимания читателя.

Одновременно с заключительными аккордами пребывания Г.Невельского на Нижнем Амуре на его

территории после кругосветного путешествия оказался известный писатель И.Гончаров – из «кругосветки» он возвращался в российскую столицу через крайний Восток, Якутск и сибирские дороги. И.Гончаров создал двухтомное литературное произведение «*Фрегат «Паллада»*», где уделил описанию наших мест некоторую часть второго тома своей работы, и через 20 лет возвратился к теме нашего Востока.

В 1890 году через Сибирский тракт и Восточную Сибирь, к которой тогда относили и наш Дальний Восток, проехал к острову Сахалин драматург мирового уровня писатель, мастер рассказа и автор книги «Остров Сахалин» А.П.Чехов. Тема его девяти сибирских описание впечатлений от поездки Москва – Иркутск. Путешествие по Байкалу, Шилке и Амуру (а в своих письмах он написал, что жители Амура охвачены золотой лихорадкой) – также стали предметом обсуждения на нашей встрече. А.Чехов так и не отправил издателю эти свои записки. Были ли описания этих походов или нет? Это неизвестная страница. Мы обратили внимание, что на Сахалине создан музей одной книги – «Остров Сахалин» А.Чехова и проводятся (с 1998г) Чеховские чтения. В настоящий момент состоялись серьезные исследования этой документально-художественной работы А.Чехова.

Наиболее значимой фигурой в дальневосточной литературе стал, бесспорно, В.Арсеньев. Первая книга В.Арсеньева вышла в Германии в 1926 году. После того, как участники познакомились с презентацией о его творчестве и жизни, а также с краткой информацией о жизни и творчестве Н.Задорнова, А.Вахова, П.Халова, А.Семенова, В.Юзефова, перед собравшимися со своим видением, особым взглядом на творчество В.Арсеньева выступил действительный член Географического

общества В.Симаков. Он принес старые издание из своей личной библиотеки, с которыми присутствующие с интересом ознакомились. В.Симаков обратил внимание, что именно В.Арсеньев явился основателем нового литературного жанра – научно-художественной литературы. Преемником В.Арсеньева на его посту директора краеведческого Музея стал Вс.Сысоев.краеведческого музея. Слушавшие задали В.Симакову очень много вопросов, незаметно перешли к проблеме взаимодействия

Музея стал Вс.Сысоев.краеведческого музея. Слушавшие задали В.Симакову очень много вопросов, незаметно перешли к проблеме взаимодействия Русского Севера и Дальнего Востока, к творчеству и личности другого всероссийского таланта М.Ломоносова. Уклонились от темы, хотя истории жизни наших известных ученых и писателей так или иначе, но связаны с открытием новых земель для нашей родины.

Встречу сопровождала выставка книг И.Гончарова «Фрегат «Паллада», А.Чехова «Сибирские очерки и письма», «Остров Сахалин», В.Арсеньева «Дерсу Узала», А.Семенова «Землепроходцы», Г.Невельского «О подвигах русских морских офицеров на крайнем Востоке России» и другие издания прошлых лет.

Участники встречи узнали, что большая исследовательская работа по творчеству А.Вахова проводится школьниками сш 49 г.Хабаровска, а две улицы микрорайона «Строитель» в дальневосточной столице получили наименование в память о наших писателях: улица имени А.Вахова и улица имени В.Сысоева.

С презентацией литературного сборника «Ритмы жизни» от представителей редакционного совета, также присутствовавших на встрече, выступил В.Карташов. Он пригласил авторов литературной площадки «Амурия» к сотрудничеству и тесному взаимодействию.

Традиционно свои стихи перед собравшимися прочли М.Савченко, В.Симаков, О.Суслова, Г.Пысина, Н.Соловьева, А.Сенавина, В.Безруков, обратила внимание на творчество Е.Евтушенко Н.Титова. [10]

Как всегда, расходиться не хотелось – но время работы интернет-кафе закончилось, мы расстались до новой встречи.

Следующая встреча на литературной площадке «Амурия» состоится 25 мая 2017 года в 16 часов в мультимедийном зале. Планируется посвятить новый поэтический вечер старому Охотску, старому Николаевску-на-Амуре, старому Хабаровску. Приглашаем авторов принять в этой встрече не только непосредственное, но и виртуальное участие: присылайте свои работы к нам на сайт, и мы обязательно прочтем ваши стихи в нашей аудитории.

Юбилей Лито «Муза при свечах»

Литературное объединение «Муза при свечах» создано в Хабаровском городском Доме ветеранов им.Соболевского (ул.Пушкина,60) знаменитым дальневосточным поэтом и музыкантом А.Федотовым 20 лет назад. В настоящее время А.Федотов, отметивший со своим родным коллективом свое 85-летие весной 2015 года, продолжает заниматься поэтическим творчеством. [11]

15 лет назад объединение возглавил известный дальневосточный поэт, прозаик, журналист-

пограничник В.Захаров, к сожалению безвременно ушедший из жизни. История жизни и творчества В.Захарова (1939-2013) – отдельная страница литературной жизни дальневосточной столицы. На сайте детской библиотеки города Комсомольска-на-Амуре имеется биографический очерк о поэте. В.Захаров состоялся как детский поэт и писатель: его детские книги известны на Дальнем Востоке и в стране, если не всем родителям и детям, то очень многим: «Я живу на границе» (1981); «На границе я хозяин» (1984); «У меня зеленая фуражка» (1987); его произведения опубликованы в хрестоматии «Веселые бубенчики» – первом издании такого направления для маленьких читателей на Дальнем Востоке. Он принял активное участие в его подготовке и издании. Писал В.Захаров и для взрослых. Обращаясь к созданным им прозаическим и стихотворным произведениям, можно утверждать, что и на этом поприще он состоялся и как писатель, и как поэт. Особое место в творчестве поэта занимают стихотворения, посвященные М.Лермонтову, С.Есенину, А.Пушкину. Уважение и честь В.Захаров заслужил от дальневосточников при жизни – в двух словах об этом не расскажешь. Мы еще вернемся к его творчеству. В.Захаров был членом Союза российских писателей. Возглавляя клуб «Муза при свечах», стал инициатором и активным участником подготовки и издания нескольких стихотворных сборников авторов клуба. Благодаря В.Захарову мы слышали такие имена дальневосточных авторов, как Т.Гладышева, Е.Ветлугина, В.Скорнякова, Н.Соловьева, Л.Стрельцова и др. Потеряв внезапно своего вдохновителя, дальневосточные поэты и писатели Литературного объединения «Муза при свечах», тяжело пережили такую утрату.

В.Ф.Захарову

*О Вас, увь, грустит гитара –
Виталий Федорович Захаров!
Ведь Вас мы все
Боготворим
И творческим огнем
горим.
Почти как Вы,
и, Вам внимая,
Пред Вами
головы склоняем
Мы в этот горький
скорбный час,
Когда покинули
Вы нас...
От всей души
мы обещаем,
Хранить в сердцах
Ваш пыл жселаем,
Чтоб не померк
и не зачах
Свет Вашей
«Музы при свечах»!*

Некоторое время они, его питомцы, оставались без руководителя. В настоящее время М. Савченко, дальневосточный поэт и музыкант, член Союза российских писателей, приняла эстафетную палочку и стала третьим руководителем поэтического содружества. [12]

В эти дни «Муза при свечах» отмечает юбилей. Свою деятельность новый руководитель по случаю юбилея «Музы при свечах», который совпал с Годом Литературы-2015, обозначила изданием литературного альманаха с аналогичным названием, где размещены стихи 18 авторов, чьи творческие работы предваряются предисловием М.Савченко. Сборник объединил в себе творческие произведения – стихи и прозу, поэтов-любителей и поэтов-профессионалов. Целью данных заметок не является критика, – ибо погрешности в любой работе найти несложно. Но важно: обратить внимание на этот сборник и специалистов литературоведов, особенно, литературных работников Дальнего Востока, города Хабаровска, всех, кто любит и интересуется поэзией. Сам сборник – ода русскому слову в Даурском крае, на Амурских просторах, ода родине нашей России, ода преемственности поколений. Тема произведений различная: и традиционная для классической литературы патриотическая, тема природы, тема любви, смысла жизни; затронуты авторами сборника современные проблемы нашего государства и общества, тема глобальной катастрофы края; есть и модная в последнее время мистика; не обошли авторы стороной вопросы Веры и Православия. Решила выстроить повествование о работах авторов в том порядке, как произведения отображены в альманахе «Муза при свечах».

Н.Алеева, по специальности – врач, более 15 лет шагает в ногу со своим литературным объединением. Ее поэтические строки живо откликаются на все событийные факты современной жизни страны, края, родного города...

Отстояли

героям на Мылкинской дамбе
в Комсомольске-на-Амуре в сентябре 2013

*Поэму бы о них сложить –
О воинах, что там застыли,
Чтоб дать другим свободно жить,
На дамбы – тело возложили.*

Крым нам на многие года

*Ура! Вернулись в нашу гавань:
Крым, Севастополь. Дорога
Нам эта весть. И мы по праву
Кричим с тобой: «Ура! Ура!»*

Педагог *Е.Ветлугина* увлечена русской и иностранной классической литературой. В ее творчестве и русские березы, и летний дождь, и зима выюжная... И любовь.

Цветы

*Любовь растопит даже льды,
А сердце от нее так просто тает.
В пустыне могут вырасти сады,
Пускай цветут, любовь пусть расцветает.*

*Любовь не продается,
Любовь не покупается.
Как дар судьбы
Она тебе дается.*

*Ты сам не знаешь
За что и почему,*

*Как должное тебе
Ее ты принимаешь.*

*Когда любовь
Тебя оставила, забыла,
Тебя нет в мире целого,
Лишь только половина...*

В.Вяземский по специальности инженер, стихи писал с детства, автор мистической прозы и стихов. В новом сборнике опубликован его рассказ «Мистика» и стихи. О чем пишет настоящий мужчина? Конечно же, о женщине, о своей любимой маме...

Женщина одна

*Есть много женщин в этом свете,
Но есть одна, что жизнь дала.
Нас миллионы на планете,
Но мать у нас всегда одна!*

Т.Гладышева родилась в Сибири, а живет в Хабаровске, она – филолог. В ее стихотворных образах – сказочные персонажи и сказочная природа:

Новогоднее

*Как принарядилась елочка-красавица,
Видно, очень хочется детворе понравиться:
Бусы разноцветные, шишки и хлопушки,
Длинные сосульки, шалуны-петрушки,
Шарики волшебные, шишки золотые,
Нити серпантина в кольца завитые...
А еще красавица привела с собою
Деда очень старого с длинной бородою.
Весь покрытый инеем, белый, словно снег,*

*А в мешке подарки у него для всех:
Мандарины, яблоки, шоколад, печенье,
Петушки на палочке, просто загляденье...
Старичку помощница, вся белым-бела,
Внученька Снегурочка вместе с ним пришла.
Белые снежинки на ее ресницах,
У нее из снега шубка, рукавицы...
У нее на шапке звезды ледяные,
У нее в корзинке шишки смоляные,
То-то будет радостным дружный хоровод,
Наступает сказочный праздник – Новый год!*

Особая личность, активист «Музы при свечах» –
Н.Журба, солнечная и хрупкая, открытая и добрая, поэт
и музыкант. В новом сборнике – «Гимн любимому
городу»:

*Свети над Амуром всегда
Восточной столицы звезда.
Лети с площадей перезвон:
Дух воинской славы силен!*

Ледовый бал

*У нас в Хабаровске – Ледовая фантазия.
На площади торжественно искрятся глыбы льда.
К нам в гости – из Америки, Европы, Азии.
Тепло людских сердец несут их страны, города.*

Времени река

*Благословенна приамурская земля,
Край сказочный диковинной красы.
От первых сплавов времени река
Вершит казачьих славных дел мечты.*

Подлинный дальневосточник *Н.Корнелев* родился в Приморье, работал на Камчатке, живет в Хабаровске – и знакомит с курьезами в мировом спорте. В его стихах – интересные факты, целые сюжетные истории, в веселой авторской манере:

Олимпийские курьезы

*В античные, известно, времена,
И соблюдая тех времен законы,
Одна лишь женищина, представьте, не должна
Во время игр ходить на стадионы.*

Бывает и такое:

*Когда-нибудь, слышал ли кто из нас,
Что б англичане да в хоккей играли?
Подобного во сне, я уверяю вас,
И наяву уж точно не встречали.*

В.Митрофанова получила образование в школе-интернате для слабовидящих и слепых детей: с детства у нее проблемы со зрением. Сочиняет стихи и музыку. Она пишет обо всем, что ощущает вокруг, о том, что ее окружает: о временах года, о белочках, о чашке чаю в ожидании друга, о внуках, о поисках человека.

Ищу человека

*Ищу человека и ночью, и днем
ищу человека при свете с огнем.
Ищу человека, чтоб слово сказать,
чтоб понятой быть или что-то понять.
И думаю сердцем своим полюбить,
и чаю за дружбу с ним вместе испить.
Искал человека писатель Марк Твен,
искал человека мудрец Диоген.*

А.Мухина, товаровед по специальности, живет в Хабаровске, пишет о себе, о родине, о народе своем и – об Украине...

Украина

*На Россию плюете открыто:
Не боитесь остаться «с корытом»?
Без границ, без Родины раненой
Как и прежде – всего лишь окраиной.*

Н.Радченко познал много мужских профессий, приобрел огромный жизненный опыт... И пишет о земляках, которые прославили свой родной край – дальневосточный! У него – стихи о Пассаре, герое ВОВ, о Цареве, всемирно известном русском поэте.

Памяти Игоря Царева

*Под сопкой сидит у костра.
Здесь Дальний Восток,
Воспетый Царевым в стихах.
Здесь сердца и жизни исток.*

*Его «золотое перо»
Служило, по жизни вело
В березово-солнечный мир,
Поэт там родился и жил.*

М.Савченко – профессиональный поэт и музыкант, писатель и журналист организатор многих литературных встреч в городе Хабаровске последних полутора лет. В сборнике М.Савченко разместила как стихи, так и прозаические произведения. Амур занимает в ее творчестве почетное место, ведь она родилась и выросла именно на его берегах, в родном Хабаровске.

Закат над Амуром

Закат над Амуром

пылал и алел

И в водах

огнем отражался,

Парчой золотистой

на облаке млел,

Малиновым бархатом

стлался.

Но все же румянец

вечерний поблек,

По волнам лучом

разбежался.

И отблеск заката

последний померк

Финалом амурского

вальса.

Совершенно необычайный взгляд в поэзии у В.Симакова, Ученого секретаря Приамурского географического общества, академика Российской академии естественных наук. Обратим отдельное внимание на его стихотворение «Екатерина Невельская» – тема близка и понятна автору этих заметок. И у нас с В.Симаковым – общий взгляд о роли русской женщины в освоении дальневосточных амурских просторов. Итак, вслушаемся, вчитаемся в музыкальность строчек, посвященных поистине боевой подруге капитана дальнего плавания:

Петровский пост,

Дома, как горсть монет.

Ползет как нерпа

Берегом поземка.
Как дух святой,
Вихрь завивает снег
Под полы юбки
Шепутной девчонки...
Петровский пост!
Какой там пост?
Острог?
Острог?
Аянский тракт?
Да, он не за горами...
С иконки на груди ее
Чужой туземный бог
Глядит на Русь
Тяжелыми глазами.
Домов всего тут
Только восемь штук
Бревенчатых.
У берега морского.
И месяц,
Как прокуренный
Мушитук
Во рту у кэпа
Г.И. Невельского.
Москвитину?
Сегодня двести лет!
Вон заяц мчит
По снегу
В белой шубке.
– Лови его!
Лови!
Вдали застывший лес
Стоит,
Как колоннады

*В Петербурге.
Крик тонет твой
В Лимане,
В тальниках.
Русь далеко.
Уплыл «Охотск»
И только
Вдали мираж –
Подаренный рояль...
На дне морском!
– Ах, что там нынче
В Стольном?
Пустынный край
Куда не глянешь –
Лед
Земля Амурская.
Черта береговая.
По берегу безлюдному идет
Екатерина...
Катя Невельская!*

Русь

*Люблю тебя
Но не могу
Принять
Тебя надменной
Жадной и
Холодной.
Люблю глаза
Твой облик
Благородный.
Люблю?
Люблю!*

Е.Скирута лишь год назад определилась как автор этого литобъединения, имея за плечами некоторый литературный опыт и сборники своих стихотворных произведений. Родилась в Хабаровске, закончила школу имени пяти Героев Советского Союза – так официально называется сш№15.

В сборнике размещены не только ее стихи, но и чудесные миниатюры. Именно чудесные, то есть о земных чудесах, обусловленных молитвами. Стоит заглянуть в сборник, чтобы это прочитать. Мы же сошлемся на стихотворные строки, характерные для автора.

Кораблик

*Мой кораблик у причала.
Цепь давила, я молчала,
Но душа моя кричала –
Всё давай начни сначала!*

*Звали чайки в сине море –
Как свободно на просторе.
Ты на якоре, о, горе,
Новую начну history.*

*И волна мне напевала –
Жди девятого ты вала.
Ветер дунул – десять баллов,
Я свободно цепь порвала.*

В.Скорнякова – инженер по информации, родилась в Куйбышевской области, на Дальний Восток прибыла как молодой специалист и обосновалась здесь на всю жизнь. Ее проза – о Вере, о Христе, о сохранении

традиций Православия в селе и в советское время: «Наши дедушки и бабушки, наши матери сохранили веру и передавали ее своим детям и внукам, как наследие». Ее проза очень поэтична, стоит прочесть все ее миниатюры альманаха! «И здесь в Хабаровске, выбирая себе маршрут для прогулок, я обязательно планирую встречу с прекрасной рябиной. От внезапной встречи с ней замирает сердце», – пишет автор в миниатюре «Осень».

Н.Соловьева родилась в нашем городе, столичном для Дальнего Востока. Она – педагог, а с 2004 года пишет стихи. Активный участник «Музы при свечах». И руководитель своего литературного объединения «Платиновый век». Окунемся в ее чудесные поэтические волны!

В Петербурге

*Я приехала в город с разливом воды
И балтийские ветры сыграли сюиту.
Под весенним напором растаяли льды,
И мелодия мне прозвучала открытjem.
Взволновала мерцающий солнечный свет –
Ведь она жизнь воспела, любовь, что нетленна.
Засияли дворцы знаменательных лет,
И из странствий суда возвратились степенно.
Вознеслась, прозвучала над синей рекой
Над заливом, над городом мощно и светло.
Петр взлелеял его в год лихой,
Царь – великий творец и мечтатель.
Неожиданно вдруг пред глазами возник,
Остальное на миг стало мне безразлично.
В сером камне торжествен царственный лик.
В простоте красота, в простоте и величье...*

*По делам он любим и известен в веках.
Петербург нам, потомкам и значим, и нужен.
Мне спокойно в его богатырских руках,
Он любовью живой наполняет мне душу.*

Окончила физический факультет МГУ имени Ломоносова и была далека от литературы Л.Стрельцова. Но поэзией и прозой она увлекалась с детства. «Муза при свечах» помогает автору расправить крылья. В альманахе мы прочли ее рассказ «Памяти В.Ф. Захарова».

Н.Усова окончила театральный факультет Института культуры, староста литературного объединения «Муза при свечах», руководитель детского театра при Краевой детской библиотеке им. Н.Наволочкина. Она пишет красивые стихи.

*Пришла осенняя пора.
Кружатся листья.
Их гонит ветер со двора.
А ты мне снишься.
И город в искрах золотых
От листьев желтых.
А ты пришел во снах моих –
Любви задолжник.
Пусть птицы в небесах кричат.
Пусть день неласков.
Шагни ко мне из сна сейчас –
Из звездной сказки.
И мы вдвоем к своей судьбе
Пойдем по жизни.
По теплой золотой траве,
По желтым листьям.*

Интересы *Н.Титовой* обширны: культура, философия, история религий. Она – общительный человек, открытый для информации автор. Ее литературные обзоры не лишены критики, но благоприятны для литературных объединений города, частым участников встреч в которых она является.

Ловушка (левобережье)

*Отпусти меня, остров,
В этот сумрачный вечер...
Мне и так неприятно,
Одиноко на свете.*

*Отпусти меня, Остров,
О, сплетенные травы!
Вы как будто бы вечность,
Вся ее безначальность...*

Заключают альманах стихи знаменитого дальневосточника, профессионального автора, поэта-песенника и исполнителя *А.Федотова*. Он – член Союза российских писателей. Родился в Киеве, но с 1930 года проживает в городе Хабаровске. Автор поэтических сборников «Пора багульника», «Река времени», «На перекрестках судьбы».

***Песня литературного клуба
«Муза при свечах»***

*Невозможно в стихах ставить точку,
Если пишутся снова стихи.
Написал ты в тетрадь двадцать строчек,
Поскорее друзьям их неси!*

*Пусть стихи рождают вдохновенье.
Не спрячешь радости в глазах.
От тоски найдете вы спасенье
В клубе «Музы при свечах».*

*Создал клуб наш Виталий Захаров –
Верный друг и известный поэт.
Он возвысил стихами Хабаровск
И оставил в сердцах добрый свет
Пусть стихи рождают вдохновенье.
Не спрячешь радости в глазах.
От тоски найдете вы спасенье
В клубе «Музы при свечах».*

*Встречи в клубе для нас интересны,
Кто душою своей не зачах.
Будут строчки стихов – будут песни,
Здравствуй клуб «Музы при свечах»!
Пусть стихи рождают вдохновенье.
Не спрячешь радости в глазах.
От тоски найдете вы спасенье
В клубе «Музы при свечах».*

На заставе

*На дальней таежной заставе,
У самой реки Уссури,
Бессмертным дозором поставлен
Наш дом на четыре семьи.
Привык он к метелям и стужам,
Не верит ночной тишине,
Свою пограничную службу
Со всеми несет наравне.
В том доме давно поселились*

*Надежда, тепло и уют.
Сюда командиров усталых
Волнуясь, любимые ждут.
Но если тревога нагрянет
И в окна ворвется твои,
То Брестскою крепостью станет
Наш дом на четыре семьи!*

Принимай читатель последние аккорды нашего обзора:

Песни ветеранов В. Митрофанова

*Взгляд задумчив, бывает усталый,
но лишь только баян зазвучит,
поднимается дух небывалый
и восторженно сердце стучит.
Хоть порою болят ваши раны
и грустить вам совсем не с руки,
песня – это душа ветеранов,
пойте песни свои, земляки.
Полетят ваши песни по свету,
будут петь их в дороге в пути.
Всколыхнут вновь родную планету,
разливаясь бальзамом в груди.
Мы уйдем, сгинем все, нет секрета,
на земле так устроена жизнь,
как и многое кануло в лету...
Наши песни останутся жить!*

Мы совершили маленькую экскурсию по Литературному объединению «Муза при свечах», воспользовавшись изданием поэзии и прозы его авторов в новом альманахе с одноименным названием.

Лилия Стрельцова
Памяти В.Ф. Захарова

...Когда пришла весть о его кончине, этой вести не сразу поверили. Нет, этого не может быть! Наверное, кто-то что-то напутал, назвал не то имя, не ту фамилию! Виталий Федорович не мог вот так уйти, оставить свои многочисленные дела и обязанности, покинуть людей, которым был очень-очень нужен.

Но это оказалось правдой, в которую, как не тяжело это было, пришлось поверить. А еще всем пришлось научиться жить без него, искать ему замену везде, где с его уходом образовалась зияющая пустота.

Прошло уже немало времени, а до сих пор поражает воображение потрясающая работоспособность Виталия Фёдоровича и его просто фантастическая самоорганизация.

Ответственный секретарь Дальневосточной межрегиональной организации Союза российских писателей, член Президиума Международного Литфонда, член Союза журналистов России, руководитель городского литературного салона «Муза при свечах» – это лишь малая часть его обязанностей. А еще он принимал активное участие в различных литературных диспутах в библиотеках, школах, других литературных клубах и объединениях. И при этом он ещё и находил время писать отличные стихи и заниматься литературными исследованиями.

Что особенно поражало в этом человеке, так это его какая-то прочная основательность и по-военному чёткая собранность. Все знали об его обширной деятельности, о плотном графике его загрузки, но, тем не менее, он не производил впечатление человека,

который всегда опаздывает куда-то, не успевает куда-нибудь. Об этом можно судить, например, по тому, как проходили заседания в клубе «Муза при свечах» – любимом детище Виталия Фёдоровича. Пропустить заседание он мог только в тех случаях, когда выезжал в командировки.

Авторитет его в клубе был непререкаем, а его выступления были очень информативными. Как же интересно было слушать его, когда он рассказывал о своих исследованиях в биографии и творчестве Пушкина и читал выдержки из своей «Пушкинианы»!

Он никогда не позволял себе опозданий или досрочных уходов. Его высокая организованность позволяла ему до конца отдаваться делу, которым он занимался именно здесь и сейчас. Это исключительное качество доступно далеко не каждому человеку. Более того, таких людей вообще очень мало. А его фантастическая способность везде успевать и к любому делу относиться с исключительной серьёзностью и высокой ответственностью просто поражает. Он помогал людям реализовывать свои возможности, а порой помогал и просто выжить. А если кто из товарищей уходил из жизни, то не было случая, чтобы он не пришёл проститься.

На всё у него хватало времени, только на своё здоровье внимание обратить всё времени не было. И покинул он этот мир так же, как жил, – в движении. Никто, быть может, кроме самых близких, не видел его болеющим, немощным, беспомощным. Он только на время оставил свои многочисленные дела, чтобы навестить сына, живущего в другом городе. Уехал всего на пару недель. И не вернулся.

А все мы, кто его знал и бесконечно уважал, всё продолжаем ждать... Боль утраты до сих пор не проходит.

Да, всё именно так, как сам Виталий Фёдорович написал задолго до своего ухода:

*Вот жизнь была, и нет уже её.
Вот были планы, мысли и решения.
И вот уже иной отсчёт идёт
В субстанции глухого онемения.*

*И всё не постигается никак
Событие, из ряда входящее,
И у виска пульсирует звенящая
Минута, ненавистная, как враг.*

*Как это не привычно всё, когда
На полпути закончено движение.
И встречи, и дела. И достижения
Остановились раз и навсегда. (В.Захаров)*

Данный очерк написан через два года после ухода В.Ф. Захарова из этой жизни – в 2015 году.

Виталий Захаров (1939-2013) [21]

Это была моя молодость
мемуары

Вся жизнь моя с самых ранних лет была связана с переездами. Отец Федор Федорович Захаров был инженером-строителем крупного масштаба, и его посылали на самые ответственные, иногда даже «прорывные» участки. Он строил Турксиб и Комсомольск-на-Амуре, возводил мосты в Приморье и в

Хабаровске, был одним из тех, кто воплотил в жизнь проект двух крупных учебных заведений краевого центра – пединститута и института железнодорожного транспорта, социально значимых зданий – мелькомбината и хлебозавода.

Отец руководил строительными объектами в Охотске, в Амурской области и на Сахалине. А когда его назначили главным инженером треста «Сельхозстрой» строил дома и фермы в дальневосточных сёлах. Трудился он и в Управлении амурского бассейнового пароходства, в Управлении геологии края.

У отца была неистребимая страсть к перемене мест, а потом он без сожаления уходил с больших руководящих постов на должность рядовых инженеров. Благодаря отцу я познакомился со многими отдалёнными уголками Дальнего Востока. Это мне в дальнейшем пригодилось в жизни.

После семилетки я уехал работать в Приморскую топографическую партию.

Через год вернулся в Хабаровск и сразу же пошёл учиться в вечернюю школу. Устроился в трест «Гордорстрой». Работал рабочим, потом бордюрщиком. Через год – бригадиром, хотя был самым младшим по возрасту в бригаде. Обо мне тогда в очерке Дмитрия Карпова «Становление» рассказала краевая газета «Тихоокеанская звезда».

Через два года перешел лудильщиком на «Амуркабель». Здесь была совсем другая обстановка в коллективе, другие отношения между людьми, другая психология у рабочих. Если на строительстве – вольница и приписки, то на заводе – чёткий график, план, норма. Пришлось набить немало шишек, пока освоил новую специальность.

На заводе выходила стенная газета. Я писал в неё заметки о передовиках производства, технологических новинках, о рационализаторах. Отдельные наиболее интересные информации посылал в местные хабаровские газеты. Не забывал и о стихах. Вообще-то я начал писать в газеты ещё в школе. В 1954 году в «Молодом дальневосточнике» появилась моя первая корреспонденция. Она называлась «Побелили классы». Вроде в ней и не было ничего особенного, но как приятно было увидеть свою фамилию на газетной полосе. Это придавало творческий импульс.

В 1961 году поступил в Хабаровский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет. Диапазон сотрудничества с местной печатью заметно расширился. Я стал активно участвовать и в выпусках вузовской газеты «Советский учитель». При издании было создано литературное объединение, которое курировал бывший преподаватель устного народного творчества, а ныне профессор Сергей Иннокентьевич Красноштанов. Почти в каждом номере «Советского учителя» публиковались мои стихи, корреспонденции. Некоторые из них до сих пор мне нравятся. Я, например, написал цикл стихов, посвященных охотской путине. Их с удовольствием декламировали студенты.

После окончания института меня сразу призвали в армию. Служил в зенитном дивизионе, располагавшимся прямо в центре Петропавловска-Камчатского. Здесь у меня завязалось тесное сотрудничество с местными газетчиками из «Камчатской правды» и «камчатского комсомольца». Кроме того, не забывал дивизионную и окружную газету «Суворовский натиск». Многие материалы, опубликованные в то время с этих военных газет,

храню до сих пор. Они напоминают о моей службе в рядах Советской Армии.

Перед увольнением в запас я окончил офицерские курсы и мне присвоили звание младший лейтенант. На гражданке планировал стать учителем в школе, но судьба распорядилась по-своему. Неожиданно умер отец, и моя мама – Вера Владимировна – осталась без средств к существованию. Необходима была работа с хорошим заработком. Пришёл на Хабаровскую студию телевидения. Там меня хорошо знали. Многие были знакомы с моим литературным творчеством. Директор предложил должность заведующего молодёжной редакцией.

Работы было столько, что в рабочем кабинете приходилось находиться с раннего утра и до поздней ночи. Но с обязанностями справлялся. Через год местное УВД предложило возглавить газету «На вахте труда» Управления исправительно-трудовых учреждений. Согласился, поскольку это была аттестованная должность. А значит, возможность получения большего денежного содержания. Присвоили звание лейтенант МВД СССР.

Новая работа была для меня областью неизведанной и загадочной, сокрытой от множества глаз, как порочная тайна. Тем не менее, общение с носителями мира зла, с исковерканными судьбами людей давали возможность лишний раз поразмышлять над первопричинами антиобщественных проявлений, над психологией тех, кто был убежденным носителем чуждых нам привычек поведения и образа жизни. Это могло в дальнейшем пригодиться на писательской стезе.

В 1969 году газету закрыли. Мне предложили в ведомстве должность лектора. Но я не принял ее,

поскольку утвердился в мысли, что должен посвятить жизнь журналистике.

Как-то на улице я встретил своего предшественника, бывшего редактора газеты Бориса Вахромова. Он уже служил у пограничников на должности заместителя ответственного редактора окружной газеты «Дальневосточный пограничник». В разговоре Борис Иванович предложил перейти служить к ним в газету начальником отдела. Колебаний не было. Но перевод затянулся, потому что кадровый вопрос нужно было решать на уровне двух Министерств в Москве. В результате должность начальника отдела ушла другому человеку. Но я не отчаивался. Главное – меня зачислили в штат серьёзной газеты, пусть и простым корреспондентом.

Служба захватила с первых дней. Романтика, колоритные люди, семейные традиции, богатая военная история, истинный патриотизм и порядочность – всё это давало мощный импульс творческой работе, такая возбуждалась энергия, что я писал днём и ночью! Днём – для газеты, ночью – для себя.

Политуправление погранвойск умело замечать и поддерживать ростки литературного творчества. Я участвовал в работе четырёх всесоюзных совещаний молодых писателей – в Батуми, Кишинёве, Арташате, Дубултах, региональном семинаре-совещании в Находке. На них обсуждались мои стихи. Они получили высокую оценку профессионалов.

Так, выступая перед молодыми писателями и поэтами в Батуми, Евгений Долматовский сказал: «Мне, человеку, работавшему в юности на Дальнем Востоке и посвятившему первую книгу пограничникам, было радостно читать стихи Виталия Захарова. Я увидел в

них настоящее. Это поэт со своим почерком, художественной манерой письма...»

Мои стихи после совещания в Батуми представил для российского читателя поэт Алексей Сурков в телевизионной передаче «Литературные чтения», а затем в «Полевой почте» радиостанции «Юность».

Кишиневское совещание рекомендовало мою рукопись «На границе я хозяин» московскому издательству «Детская литература». Книга увидела свет в 1984 году.

Совещание в Дубултах приняло решение о приёме меня в члены Союза писателей. Приём состоялся в сентябре 1992 года. Писательский билет был вручен в Москве.

Сейчас я возглавляю Дальневосточную межрегиональную писательскую организацию Союза российских писателей. Шесть лет являюсь членом Президиума Международного литературного фонда, избран в Совет творческой интеллигенции при губернаторе Хабаровского края.

Я благодарен пограничным войскам, что именно здесь, на границе, прошёл настоящую школу мужества, сформировался, как журналист и писатель. У меня издано более десяти книг о границе и примерно столько же на другие темы, не считая коллективных сборников стихов и песен.

Знакомство и длительная дружба с Героем Советского Союза прославленным следопытом Никитой Фёдоровичем Карацупой помогли мне написать книгу рассказов о его службе. Называется она «Жизнь моя – граница». Мотивацию действий и поступков героя книги я узнавал из многочисленных встреч с Николаем Фёдоровичем в Центральном музее погранвойск и вовремя совместного плавания на теплоходе до

Комсомольска-на-Амуре, когда отмечалось 35-летие города юности.

У этой книги завидная судьба. Она издавалась в Хабаровске огромным тиражом – 400 тысяч экземпляров, потом – массовым тиражом в Москве, Новосибирске, Кишинёве.

Эту книгу отношу к своим удачным литературным проектам. То же самое могу сказать о книгах «Волочаевские дни» (издавалась дважды); «Нарисованная собака»; «Ты моя родниковая песня»; «К тебе летят желания мои»; «Есть в мире сердце, где живу я»; «Приключения бумажного человечка».

Написано много. Подготовлены к печати три книги. Ещё около пяти ожидают своей очереди.

С тех пор, как с нашей окружной газеты сняли пометку «Из части не выносить», и она стала широкоформатной и гонорарной, поток писем увеличился и, естественно, возрос авторский актив. Процесс этот не был стихийен. Прежде всего, потому что мы все бережно относимся к каждому письму. В частях и подразделениях создавали военкоровские посты, регулярно вели в газете рубрику «Заочная школа военкоров», в публикациях открыто критиковали недостатки, называли пути их устранения. Слово газеты было авторитетным. На каждое критическое выступление мы добивались соответствующей реакции, и каждый ответ помещали под рубрикой «По следам наших выступлений».

«Дальневосточный пограничник» любили на границе, хотя отдельные злопыхатели называли её «Окопной правдой», однако читали её, как говорится, от корки до корки. На неё подписывались во всех городах Хабаровского края и Амурской области, в пограничных районах. Газета шла во многие уголки Советского

Союза, откуда призывались пограничники. В результате у нас были надёжные шефские связи (а значит и обмен газетами) с Уралом, Башкирией, Татарстаном. Читательских писем приходило столько, что мы порой не успевали отвечать. Тогда в газете завели рубрику «Обзор редакционной почты».

Кроме обширного военкоровского актива в «Дальневосточном пограничнике» частыми гостями были дальневосточные писатели и поэты. Мы их нередко сопровождали во время поездок на границу. О своих впечатлениях они обязательно рассказывали в нашей газете. Например, известный поэт Борис Копалыгин написал серию книг о границе «Служат на заставе»; «Трубка»; «Пограничная азбука» и сборник очерков «Огни далёкой заставы», о защитниках дальневосточной границы – «Уссурийская быль».

К нам в редакцию приезжал Анатолий Полянский, автор известной книги о пограничниках «Памирская легенда». Мы печатали повесть Игоря Лашкова «Выстрелы в горах».

Жизнь в редакции кипела. Мы были молоды и энергичны, преданы тому делу, которому служили.
Автор: начальник отдела пропаганды, агитации, культуры и быта газеты «Дальневосточный пограничник» 1976-1993гг, подполковник в отставке.

А.А. Вахов – дальневосточный писатель

Анатолий Алексеевич Вахов – дальневосточный советский писатель, родился 8 февраля 1918 года во Владивостоке в семье почтальона Алексея Яковлевича, учился в школе №9, в Дальневосточном университете. Стал журналистом. До войны проживал на Дальнем Востоке, в силу своей профессии побывал во многих

городах и поселках, писал очерки и рассказы, репортажи и зарисовки по заданиям редакций газет.

В 1941-1945 году – заведующий отделением газеты «Комсомольская правда» в городе Ленинграде, блокадник Ленинграда.

В это время он бывал на передовой и в партизанских отрядах Белоруссии, о чем писал очерки.

Во время Великой Отечественной войны (1944) вышла первая его книга очерков о партизанах Ленинградской области, героях-комсомольцах «Девять бесстрашных», в которой он рассказал о подвиге Лени Голикова.

А.Вахов объездил многие города Советского Союза и многие страны мира.

В 1953 году поселился с семьей в городе Хабаровске. Был членом Союза писателей СССР. На доме по ул.Ленина, 69 в городе Хабаровске, где в одной из квартир этого дома проживал Анатолий Алексеевич с семьей, установлена мемориальная доска.

По-соседству с этой квартирой на одной площадке проживала Г.Г.Комарова. Она общалась с семьей писателя, точнее с супругой, и рассказывала мне о своем общении, характеризуя супругу Вахова очень общительной и интеллигентной. Верная спутница жизни писателя хранила о нем память, превратив квартиру в музей. Так, через Галину Григорьевну мне досталась книга А.Вахова с дарственной надписью. Сейчас никого уже из действующих лиц моего повествования нет в живых.

Умер Анатолий Вахов в Москве, куда приехал в 1965 году на Съезд писателей, еще до начала мероприятия, тяжело пережив перелет из Хабаровска в столицу. Похоронен в аллее писателей на Центральном

кладбище в городе Хабаровске, где ему установлен монумент.

Историей жизни и творчества автора «Трагедии капитана Лигова» заинтересовались поисковые отряды школы №49 города Хабаровска (педагог Вера Ивановна Богданова – активный участник Хабаровских Царевских чтений), и, благодаря изысканиям школьников, в новом микрорайоне «Строитель» (Индустриальный район города Хабаровска) одна из новых улиц названа именем писателя Анатолия Вахова.

После окончания Великой Отечественной войны писатель устремился на Дальний Восток, где в это время разыгрывалось поле боя с милитаристами Японии.

Память о писателе жива, его творчество по-прежнему привлекает внимание читателей-дальневосточников. В 2018 году в Хабаровске торжественно отмечено столетие со дня рождения писателя.

Свое сообщение об А.А. Вахове мы печатаем в предстоящие дни памяти начала ленинградской блокады (с 8 сентября 1941 года). В этот период А.Вахов в Ленинграде оказался в командировке и остался с жителями города до конца войны, разделив с ленинградцами тяготы блокадного Ленинграда.

Семен Бытовой [13]

Эта заметка посвящена памяти писателя, поэта, публициста, переводчика, журналиста Семёна Михайловича Кагана (02.03.1909-05.02.1985), авторское имя Семен Бытовой.

С.И. Каган родился в Могилевской губернии в многодетной семье, окончил 8 классов.

В 1925 году поселился в городе Ленинграде, где работал на стройке разнорабочим, затем приобрел специальность станочника, вступил в комсомол, работал на заводе, вел общественную работу в комсомольской организации и занимался в литературной студии при журнале «Резец». Первые стихи напечатаны в этом журнале в 1927 году. Первая книга стихов «Дружба» вышла в 1930 году. Затем вышли другие сборники стихотворений. И вот, что нам важно: напечатана книга «Дороги» о еврейских колхозах Крыма и переселении евреев в Биробиджан. Семен Михайлович стал работать ответственным секретарем в журнале «Звезда» (1929-1932гг.)

Дальневосточная романтика не миновала Семена Михайловича, как и многих, многих других молодых людей и девушек того периода истории: ведь здесь строили города, и главный из них – город Юности, Комсомольск-на-Амуре.

Молодежь ехала за романтикой на стройку по комсомольским путевкам.

Работал Семен Михайлович корреспондентом газет «Тихоокеанский комсомолец» и «Тихоокеанская звезда». А с созданием писательского объединения в Дальневосточном крае, которое возникло если не до учреждения писательского союза в масштабах страны, то одним из первых в стране, Семен Михайлович стал ответственным секретарём Дальневосточного отделения Союза писателей СССР – так именовалось на Дальнем Востоке писательское объединение в советский период.

Семен Бытовой переводил с идиша и с китайского языка в этот период, жил и работал в Хабаровске (тогда – Дальневосточный край) до 1940 года. Но и после этого поддерживал дружеские связи с писателями-дальневосточниками, постоянно бывал на

Дальнем Востоке, практически до конца своей жизни, исходил тысячи и тысячи дальневосточных дорог, о чем и писал в своих книгах. С 1940 года жил в городе Ленинграде. Все тяготы блокады пережил вместе с ленинградцами, работал в газете «Защитник Родины» ПВО Ленинградской армии. Имеет боевые награды «За боевые заслуги» (1942г), Орден «Красная Звезда» (1944г), «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», другие награды (ордена и медали), полученные в мирное время.

Патриотические стихи о родине, о преданности партии Ленина-Сталина, о жгучей ненависти к фашистским захватчикам, воодушевляли личный состав на новые боевые дела.

тов. БЫТОВОЙ, С.М. много внимания уделял созданию боевых песен, частушек, которые нашли свое применение в коллективах красноармейской самодеятельности.

Работая в газете тов. БЫТОВОЙ хорошо оформляет боевой сатирический отдел "Цель поймана", а также много работает с красноармейскими поэтами и военкорами, оказывая им литературную помощь.

Достоин награждения медалью "За боевые заслуги".

Старший политрук КАГАН-БЫТОВОЙ, С.М. с начала военных действий с фашистской Германией работает инструктором-литератором Красноармейской газеты "Защита Родины".

С первых дней войны тов. БЫТОВОЙ, как поэт, много уделяет внимания изучению боевой работы подразделений для литературного творчества. Часто, бывая на боевых позициях, он умело организовывал бойцов на новые подвиги в уличном бою, уничтожении гитлеровских пиратов.

Его литературное творчество нашло широкий размах на страницах газеты "Защита Родины". Много стихов, заметок, корреспонденции за подписью Бытового правдиво отображают доблесть, мужество и отвагу бойцов, командиров и политработников противовоздушной обороны - защитников славного города Ленина.

Тов. КАГАН-БЫТОВОЙ С.М. в армии служит с первого дня войны в должности литературного сотрудника армейской газеты. За это время проявил себя самоотверженным, честным, инициативным поэтом-большвиком, вкладывающим свой труд в дело выпуска культурной красноармейской газеты.

Тов. КАГАН-БЫТОВОЙ ведет в газете материал, направленный на воинское и культурное воспитание личного состава, проводит большую массовую работу среди начинающих красноармейских поэтов и писателей. За время войны им воспитано более 30 красноармейских начинающих писателей, многие из них стали печататься в литературно-художественном журнале.

Много работает над популяризацией боевой истории армии. Им написана история Ленинградской армии ПВО. Выполняя эту ответственную задачу он проработал 4 месяца, не считаясь со временем и отпуском. В настоящий момент руководит литературным кружком начинающих поэтов и писателей, а также неустанно работает над материалами армейского литературного конкурса.

Как поэт и член Союза советских писателей тов. БЫТОВОЙ выполняет свой долг перед партией самоотверженно, с любовью и достоинством.

В дни боев за Ленинград в сентябре 1941, 1942 гг., во время прорыва блокады выполнял боевые задания ВС и Политотдела, находясь в районах боев, где проявил стойкость, смелость, воодушевлял бойцов на выполнение боевого приказа и одновременно давал материалы из районов боев в газету.

О Дальнем Востоке Семен Бытовой писал всегда – увлекательно и интересно. Был знаком и поддерживал дружеские отношения со всеми писателями, которые когда-либо жили и работали на Дальнем Востоке.

Например, в книге «От снега до снега: Повесть об одном путешествии» писатель увлекательно повествует о встречах с дальневосточными писателями и поэтами того периода времени. Эти встречи проходили у него во Владивостоке, в Хабаровске, в Комсомольске-на-Амуре, в том числе и в неформальной обстановке.

Вера Григорьевна Калашникова

Лето – это праздник важный летний День семьи, любви и верности.

О любви и верности наши авторы пишут много, посвящая своим любимым и близким самые душевные строки. И этот раздел альманаха мы решили отдать тем, кто больше, чем все остальные, именно сейчас это заслуживает. Многие из них росли без отца, потеряли

братьев и сестер, в детстве испытывали лишения и тяготы, получали физические травмы. Движение за права детей войны в нашей стране проходит в последние годы активно. Наконец-то на краевом уровне принят Закон о детях военного времени, о чём приятно сообщить нашим читателям. В настоящее время по предприятиям и учреждениям в Хабаровском крае истребованы списки детей военного времени, родившихся в период с 1927 года и по 3 сентября 1945 года. Некоторые послабления этой категории граждан – уже людей солидного возраста, Законом предусмотрены. Актив многих хабаровских ветеранских и творческих объединений слышали детей военного времени и посвятили их воспоминаниям о военном детстве свои публикации в различных источниках.

Литературное объединение «Северное сияние» еще в 2015 году выпустили отдельный сборник творческих работ детей войны.

Первого июня 2015 года мы встретились случайно с Верой Григорьевной Калашниковой. [14]

Вера Григорьевна подписала мне книгу «...*Мы из тех, кто помнит сорок первый...*»: стихи, рассказы, воспоминания «детей войны», посвященную 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В.Г.Калашникова обратилась к читателям со словами «Неугасима память поколений...». Приводим в альманахе для наших читателей ее литературное слово, В.Г.Калашниковой:

«Всё дальше вглубь истории уходят те страшные дни и ночи, когда решались судьбы народов мира, когда на карту была поставлена независимость нашей Родины... И чем дальше от войны, тем всё меньше и меньше с каждым днём остаётся в живых непосредственных участников жестоких сражений. У

каждого солдата, труженика тыла была своя война. Но есть ещё одна страница Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, которая называется «Дети войны», и на сегодняшний день она только слегка приоткрывается нам. В те годы было трудно всем – и старикам, и солдатам, и близким. Но особенно страдали дети. Страдали от голода и холода. Дети войны – последние свидетели тех горьких дней, кто знает и может рассказать, что испытали и перенесли они за 1418 дней и ночей. На их плечи (поколение 1930-1940-х годов) легли немалые заботы по восстановлению страны из разрухи. Они едином порыве с ветеранами восстанавливали и строили заводы и фабрики, осваивали новые земли, покоряли космос. Да, мы выросли, выучились. Свято верили в светлое завтра. Все силы и здоровье положили на алтарь Родины и будущего наших детей. Те, кто пережил войну, согласятся – она для каждого своя. И каждый, перелистывая страницы своей памяти, видит её по своему, через призму собственных переживаний и лишений. Всё, что видели и пережили мы, и то, что успели рассказать нам о войне её участники – это бесценная память, которую мы бережно должны передавать будущим поколениям. Возраст вывел нас на передний рубеж, и мы готовы исполнить долг – сблечь и передать правду о Великой Отечественной войне и Великой Победе. Мы – дети войны. Мы – живая память, связующая нить между поколениями. Время уходит. Люди уходят. А память остаётся. Встречи на праздничных торжествах с участниками войны, тружениками тыла, со своими сверстниками всколыхнули воспоминания и моего военного детства и вдохновили меня на создание сборника. Я надеюсь, что эти воспоминания, стихи, рассказы оживят и

воспоминания читателей. И в светлые дни 9 мая, в день празднования Великой Победы, мы все выразим нашу великую благодарность дедам, отцам, братьям и сёстрам за мирное небо над головой и тишину рассветного утра. «... И не забудем мы/ Что 20 миллионов ушли,/ Чтоб нам на свете жить...»

И Вера Григорьевна уже ушла из этой жизни. Она оставила такой сборник, в котором есть и её воспоминания о своем военном детстве.

Ниже эти воспоминания опубликованы. Опубликованы также авторские работы и других детей войны из сборника, который составила В.Г. Калашникова.

В нашем объединении – Хабаровском РО РСП, по возрасту детей войны или, согласно Закону Хабаровского края, детей военного времени, нет. Мы – следующее поколение, послевоенное, составляем костяк ХРО РСП.

Именно мы сейчас поднимаем знамя памяти, принимаем эстафету памяти, и насколько это будет доступно и возможно, пронесем через свои годы литературной активности воспоминания детей военного времени. Как они когда-то помнили тех, кто воевал, жили и работали с ними рядом и писали о них, так и мы: жили и работали рядом с детьми военного времени. Мы ходили с ними по одним и тем же улицам городов и селений края, мы учились у них оптимизму, творчеству, мы учились у них радости жизни.

И первое слово за В.Г.Калашниковой: в Хабаровске уж точно только она, и самая первая издала сборник воспоминаний о военном детстве детей военного времени. И это стало историей, историей нашего города, историей краевого центра и столицы Дальневосточного Федерального округа.

Вера Калашникова

Возвращение в детство

Моему старшему брату Дмитрию было неполных семнадцать лет, когда началась война. Он был первенец в нашей семье. Родился 24 октября 1924 года в селе Дмитриевка Ивановского района Амурской области.

«Помощник наш», – так говорили о нём родители. Худенький, стройный, как кипарис, голубоглазый, кудрявый паренёк пришёл в этот мир, чтобы познать и принять его. Познал очень рано... Рос, как все деревенские ребята, трудно и сложно. В 1938 году, когда арестовали отца, Дмитрия исключили из школы и из пионеров. Построили всех учеников и перед строем и перед строем его заставили снять галстук, как сына врага народа (а враг был всего лишь кузнецом в колхозе). Таким входил в его жизнь мир. Затем его забрали в фабрично-заводское училище, не по желанию, а именно забрали.

И... война. В восемнадцать лет его призвали в армию. Мне в ту пору шёл пятый год, но я очень ярко запомнила его проводы (всё это и сейчас стоит перед глазами). Тогда мы уже жили в рабочем посёлке спиртзавода №2 в Астрахановке, что под Благовещенском. Телега, на которой погружены вещмешки ребят, уходящих на фронт. Взрослые по сторонам, как в почётном карауле, а рядом с ними сыновья – их будущее, их наследники, как-то сразу повзрослевшие. Люба, моя старшая сестра, держит меня за руку. Нас дальше не пустили. Мы смотрели им вслед и понимали, что произошло что-то очень, очень плохое, хотя и были ещё малышами.

А ещё я очень хорошо помню тот день, когда в наш дом пришло известие о гибели сына и брата. Помню, как вскрикнула мама и, чтобы заглушить рыдания, уткнулась в одежду на вешалке. Помню, как очень горько плакал папа, которому к нашему огромному счастью удалось вернуться из лагеря. А на фронте он не оказался только потому, что директор завода трижды снимал его с эшелона. Папа был нужен заводу, как специалист, который мог выковать любую запасную часть для аппаратуры, производящей спирт, необходимый для армии. Плакали и мы – брат Леонид, старшие сестры Надя и Люба. И сейчас, когда я пишу эти строки, слёзы потоком льются из моих глаз. Я сейчас в полной мере пережила горе моей матери, потому что я сама сейчас мать и понимаю боль её утраты.

Сохранилось одно из писем брата с фронта, датировано 16 июня 1943 года, извещение о том, что 7 сентября 1943 года Дмитрий был ранен, находился на излечении в 271 медсанбате, в котором умер 18 сентября 1943 года (место захоронения не указано), немного не дожив до своего 19-летия. А в ноябре 1943 года пришло сообщение на имя мамы – Литовченко Прасковьи Фёдоровны, о награждении сына, младшего сержанта Литовченко Дмитрия Григорьевича, медалью «За Отвагу». Её поздравляли, а его уже не было в этом мире. В мире, который обернулся к нему такой ужасной стороной. У него не было семьи, не было любимой девушки. Он, как и многие парни из его поколения, ушли в небытие, не познав трепета первого свидания, не испытав вкуса нежного поцелуя. Такова его жизнь, таков его короткий путь, который он прошёл с честью. Светлая ему память.

*...Опустился покой вековечный и полный
На те пяди земли, где нашёл ты приют,
Над тобой расплескался цветами шиповник,
Где печальные птицы ночами поют.
Захлебнувшись весеннею песней последней,
Соловей застонал и умолк навсегда...
И в четыре утра под небесною бездной
Пролетает твоя молодая душа.*

Всматриваюсь в две фотографии. На первом снимке – нежное, чистое, светлое лицо, с неискушёнными пухлыми губами. На втором – суровый взрослый взгляд солдата, познавшего все тяготы суровой войны. Это мой брат – Литовченко Дмитрий Григорьевич.

Помню радость, ликование и слёзы радости и горя одновременно мая 1945 года. Помню вернувшийся страх и тревогу августа этого же года. Оказывается война ещё не закончилась. Перед нами – японцы. Наши матери рыли окопы на полях под Благовещенском. И мы рядом, пытались хоть как-то помочь им. Помню ночной обстрел из «Катюш» китайского города Гаоляна (теперь Хайхэ). Чёрное небо – и сплошной огонь, грохот. Мы, как воробьи, на крышах, прижавшись друг к другу, наблюдали за происходящим. Ночь огня... и всё кончилось. И тишина. И конец.

А потом мы встречали возвращавшихся домой моряков. Высокие, загорелые парни-красавцы, как свита сказочного Черномора. Они раздавали нам конфеты, галеты, всовывали в руки журналы какие-то и блокноты, за это мы потом, когда пошли в школу, вспоминали их с благодарностью. Всё помню. На нашу землю пришёл мир. И за это низкий, земной поклон, благодарность и наша память всем – и мёртвым, и живым.

А. Таенкова и ее журнал «Золотой Ригмёнок»

Давно хотелось поведать нашим читателям об уникальном человеке Алине Таенковой, редакторе журнала «Золотой Ригмёнок». Журнал издается для детей и про детей на основе материалов и реализованных идей в зоосаде Приамурский им. В.П.Сысоева. [15]

Вот как анонсирует А.Таенкова свой журнал:

«Золотой Ригмёнок – особенный тигрёнок! Знаете ли, чье имя носит зоосад «Приамурский», а кто написал повесть *«Золотая Ригма»*? Все верно – В.П.Сысоев. Это наш известный писатель-краевед, участник ВОВ, почетный профессор, Заслуженный деятель культуры РСФСР, Почетный гражданин г.Хабаровска.

А Золотой Ригмёнок – это образ/символ необычного тигрёнка, созданный нами специально для занятий по природотерапии (зоотерапии) для детей с ограниченными возможностями здоровья, инвалидов, находящихся в трудной жизненной ситуации («особые» наши посетители). С таким названием издается и ежеквартальный журнал зоосада для детей, подростков и их родителей.

Этот необычный тигренок помогает нам проводить на занятиях в соревновательном ключе интерактивные упражнения, викторины и шуточные тесты на экологические знания ребят, а также сопровождает участников встречи по территории зоосада для знакомства с его обитателями.

Немного информации о самом зоосаде: «Дальневосточная природа уникальна, ее любят и ею восхищаются. Но не все могут поделиться

впечатлениями от встречи с амурским тигром или красным волком. А чаще потому, что не имеют возможности. Теперь шанс познакомиться с обитателями дальневосточной тайги есть у каждого, благодаря зоосаду «Приамурский» им. В.П.Сысоева.

Недалеко от Хабаровска, всего в 10 минутах езды на машине, находится зоосад «Приамурский» им.В.П.Сысоева. Это необычный зоопарк. Почти все его питомцы – *обитатели Дальнего Востока*. Зоосад вписан в природный ландшафт, звери живут в просторных вольерах, а не ютятся в тесных клетках. Ни одно животное зоосада не изъято из дикой природы специально для помещения в неволю.

Но есть и такие, чье выживание в дикой природе по ряду причин не является возможным, и зоосад для них оказался своеобразным островом спасения. Сотрудникам не раз приходилось выкармливать малышей, оставшихся без матери.

Ежегодно зоосад принимает более *100 тысяч посетителей*.

Идея его создания в Хабаровске возникла еще тридцать лет тому назад, однако осуществилась она только в 2002 году. Тогда в управление Хабаровскому краевому объединению детско-юношеских оздоровительно-образовательных центров были переданы шесть бывших пионерских лагерей. На территории одного из них – им. Лизы Чайкиной – не осталось со временем никаких построек. Здесь и было решено создать зоосад с вольерным содержанием диких животных.

В октябре 2002 года Приамурский зоосад открыл двери для посетителей. Разместился он в районе 2-го Воронежа, на склоне небольшой возвышенности, покрытой лиственным лесом. Невдалеке протекает

красавец Амур. На площади 5,8 гектаров в просторных вольерах содержатся одновременно до 60 и более видов (порядка 150 экземпляров) диких животных и птиц. В течение всего года в зоосаде проходят многочисленные праздники: День тигра, День птиц, праздник весны «Пробуждение», День коренных народов. Также проводятся социальные акции, например, посвященные Дню защиты детей или Дню пожилого человека». [16]

Но нас, литераторов, интересует вопрос подготовки публикации материалов именно в журнале «Золотой Ригменок» с точки зрения литературного подхода, новаторства, реализации интересной идеи. Необходимо указать, как и сам зоосад стал реализованной инициативой В.П.Сысоева, так и журнал для детей стал выпускаться при поддержке знаменитого краеведа и писателя. Не случайно формируя материалы в очередном номере, редактор А.Таенкова обязательно включает выдержки из произведений В.П.Сысоева по описанию внешнего вида, повадок, особенностей представителей дальневосточной фауны.

Читаешь материалы очередного журнала для детей «Золотой Ригменок» и понимаешь современное значение творчества В.Сысоева для подрастающего поколения.

Стоит проинформировать читателей альманаха, что 25 декабря 2019 года в Правительстве Хабаровского края прошла торжественная церемония награждения победителей краевого конкурса «ЭкоЛидер-2019». В номинации «Профи» это звание присвоено научному сотруднику зоосада «Приамурский» А.Таенковой за авторскую программу «Эко-квест «Лососевые старты».

Среди бюджетных учреждений лучшим отмечен зоосад. Кроме того, Хабаровская краевая ассоциация

«Здоровье и семья» за внедренный партнерский проект по социальной адаптации «особенных» детей с помощью зоотерапии и поддержанный Фондом Президентских грантов, удостоена звания «ЭкоЛидер-2019» в номинации «Учреждения и организации». Эта деятельность также в свое время нашла безусловную поддержку В.П. Сысоева.

Алина Таенка – преданный и верный сторонник творчества и всей деятельности В.П.Сысоева в Хабаровском крае, на Дальнем Востоке. Она обладает подготовкой во многих областях человеческого знания, разрабатывает сценарии и проводит квесты и другие мероприятия для детей, в первую очередь, для особых детей, формирует подборки интересных заданий по возрасту и подготовке детишек, организует и проводит интересные встречи с детьми. Авторы Хабаровского РО РСРП зимой 2020 года стали участниками одной из таких встреч с ребятами из сельской школы.

Фотоматериалы, задания, литературные работы ребят и взрослых – все это отображается в бумажной версии журнала. Название журнала напрямую связано с основным трудом В.Сысоева «Золотая Ригма» и свое название «Золотой Ригменок» журнал получил по согласованию со знаменитым писателем.

Полистаем страницы такого необычного, красочного издания. Вот, например, какую информацию ребята получают из журнала об увиденном наглядно в зоосаде дальневосточном леопарде:

«Дальневосточный леопард (амурский, восточно-сибирский леопард или амурский барс – устар.манчжурский) – хищное млекопитающее из семейства кошачьих, один из подвидов леопарда. Эпитеты «амурский» и «дальневосточный» отображают географическое место обитания

леопарда. Распространен в хвойно-широколиственных и дубовых лесах Дальнего Востока, в районе границы трех стран: России, Китая и Северной Кореи.

У дальневосточного леопарда стройное и очень гибкое тело. Оно мускулистое. Вытянутое, несколько сжатое с боков. С длинным хвостом, который составляет больше половины всей длины тела. Длина тела составляет 107-136 см. Вес самцов – до 50 кг, самок – 42.5 кг. Лапы слегка короткие, но сильные.

Передние лапы – мощные и широкие. Когти светлые, воскового цвета, сдавленные с боков, сильно изогнуты, и очень острые. мех мягкий, густой, относительно короткий и плотно прилегающий, не пышный даже в холодное время. В зимнем мехе общий цвет окраски варьируется от светло-желтого до насыщенного желтовато-рыжего с золотистым оттенком или красновато-желтого. По бокам и наружной стороне ног окраска светлее. Цвет основного фона меха зимой бледнее и тусклее, чем летом. По общему фону разбросаны многочисленные черные пятна двух типов: сплошные или в виде кольцевых фигур – т.н. «розетки». В центре последних находится светлое поле. Рассеянные по всему телу четко очерченные сплошные черные кольца из пятен, или отдельные пятна в виде розеток, придают шкуре дальневосточного леопарда особую, неповторимую окраску. Подобная пятнистая окраска представляет особый вид покровительственной окраски животных.

Благодаря наличию пятен, нарушается зрительное впечатление о контурах тела животного, из-за чего оно становится незаметным на фоне окружающей среды (маскировка хищника при охоте). Расположение пятен является уникальным у каждой особи аналогично отпечаткам пальцев у людей. Данная

особенность иногда используется исследователями для идентификации в дикой природе отдельных особей, за которыми ведется наблюдение.

У леопарда очень острое зрение, свою жертву он может разглядеть на расстоянии до 1,5 км. Обоняние и слух у этой кошки развиты не менее хорошо.

Голова у леопарда относительно небольшая, округлая. Лоб выпуклый, лицевые части головы умеренно вытянуты. Уши небольшие, закругленные, поставлены широко. Глаза небольшие, зрачок круглый. Взрослый леопард, как и большинство кошачьих, имеет 30 зубов. Длинный и подвижный язык оснащен по бокам особыми бугорками, которые покрыты ороговевшими эпителием и позволяют отделять мясо от скелета жертвы. Эти бугорки также помогают при умывании.

Дальневосточный леопард является одиночным преимущественно ночным зверем. Он наиболее активен за час или два до заката и в первую половину ночи. На охоту выходит всегда в одиночку, только самки охотятся вместе с подросшими котятами. Дальневосточный леопард является хищником и потребляет все, что может добыть, независимо от размера – начиная от мелких грызунов и заканчивая крупными оленями.

Основную долю в рационе дальневосточного леопарда занимают такие копытные, как пятнистый олень и сибирская косуля, поросята кабана. В период бескормицы леопард охотится на зайцев, фазанов, рябчиков. Случаи добычи дальневосточных леопардов молодым гималайским медведем были описаны в работах В.П. Сысоева и Н.Г. Васильева. При недостатке пищи период голодания леопарда может длиться до двух недель.

Леопард размножается крайне медленно: в 80% случаев самки рожают одного-двух детенышей. Продолжительность жизни леопарда в неволе составляет 20 лет, а в природе – 10-15 лет.

Вид внесен в Красную книгу Международного союза охраны природы (МСОК). В Красной книге России дальневосточный леопард относится к I категории как редчайший, находящийся на грани исчезновения, подвид с крайне ограниченным ареалом, основная популяция которого находится в пределах России.

В настоящее время дальневосточный леопард находится на грани вымирания. В Приморском крае 5 апреля 2012 года на основании распоряжения Президиума Российской Академии наук от 299 февраля 2008 года № 12300-128 создан национальный парк «Земля леопарда». Его главная цель – сохранить и восстановить популяцию самой редкой крупной кошки в мире – дальневосточного леопарда, численность которой в России составляет сейчас около 70 особей, из них 57 особей находятся на территории национального парка.

Познакомиться и полюбоваться леопардом можно в нашем зоосаде «Приамурский».

«На склонах Бурейского хребта – там, где он упирается в Амур крутыми сопками, с давних пор водились барсы. Случалось, что приходили они вслед за кочующими стадами косуль. Богатые копытным зверьем леса обеспечивали им сытую жизнь, но не была она спокойна. С каждым годом увеличивалось число охотников, и как ни осторожны были эти чуткие звери, все чаще попадали они под пулю или в руки звероловов... Других врагов в лесу у барса не было. Хотя по силе его превосходили крупные бурые медведи и

тигры, и ов ловкости уступали и не хотели связываться с ним...» (Из рассказа В.П. Сысоева «Последний барс»).

А.Таенкова пишет стихи для детишек. Они также нашли свое местечко в детском издании:

Заяц зимой

*Заяц зимой становится белым.
Хочет быть хоть немножечко смелым.
Когда незаметен ты для врага,
Можно расслабиться хоть иногда.
Зайчишка увидел красивого зверя
И даже глазам своим не поверил:
«Он белый, пушистый – такой же, как я.
Попробую к нему напроситься в друзья».
Но чем ближе зверь приближался,
Заяц все больше в себе сомневался:
«Сердце в пятки ушло почему?
Что не так в нем, никак не пойму?!»
Улыбнувшись во весь свой оскал,
Зверь заманчиво зайцу сказал:
«Мне тебя, косой, не хватает.
Слаще друга, чем ты, не бывает!»
Хитро глядя зайцу в глаза,
Зверь добавил: «Песец! Вот кто я!»
Заяц поверил, что друга нашел,
И к песцу навстречу пошел.*

*«Остановись, зайчишка, постой»
Ты говоришь с Полярной лисой!» –
Куропатка крикнула, пролетая,
Тем самым зайца от смерти спасая.*

*Помчался заяц со всех своих сил!
Песец след в след, не отставая, за ним.
Пришлось Косому петлять да петлять.
Только тогда стал песец отставать.
Зайчик укрылся и отдышался.
И больше так в жизни не ошибался.
Для зайца подружкой не станет лиса,
Какой бы окраски она не была.*

**«Победи свою лень», –
советует всем благородный олень**

*Однажды Олень потерял букву «О».
И страшная Лень охватила его!
Олень перестал по лесу гулять,
Красиво и гордо осанку держать.
Даже рога он сбросить решил,
Так как носить их не было сил.
В лени олень пребывал до тех пор,
Пока не услышал такой разговор.
Жители леса все вместе столпились.
И не на шутку они удивились.
«Смотрите, кто-то лег под сирень.
Может это и есть наш пропавший Олень?!»
«Это его лишь жалкая Тень,
Какие рога на него не одень!»
«Где же наш благородный Олень?
Ищем его который уж день!»
Скинув с плеч надоевшую Лень,
Букву «О» стал искать Благородный Олень.
Он нашел ее на колючем кусте.
И вернул букву «О» поскорее себе.
Гордой походкой Благородный Олень*

*Шел по лесу, приветствуя птиц и зверей!
Друзья, никогда не теряйте себя!
Благородные вершите дела!*

***По мотивам
«Золотой Ригмы» В.Сысоева***

*Вдали, в тумане сизо-синем
Красивые сопки Сихоте-Алиня.
Там виноград обвивает ель
И делят тропу кабарга и олень.*

*Встречаются тигр и россомаха,
А в речках – кожистая черепаха.
В небе парит белохвостый орлан,
И скачет по сопкам антилопа горал.*

*Леопард оставляет следы,
А бурый медведь, как хозяин тайги.
Там история эта происходила,
Которая многих уже удивила.*

*Молодая тигрица досадно стонала,
Плакала от обиды и горько рычала.
Тут птичка горлица к ней прискакала
И с осторожностью тихо сказала:*

*– Что случилось у тигрицы? Кто обидел тебя?
– Ёж уколол словами меня,
Он заявил, что я обычная кошка,
Раз черных полос нет на мне хоть немножко.*

*У тигров окрас желто-черный!
– Ты знаешь, вопрос этот спорный!*

*Зачем ты черепаху лапами давишь?
Думаешь этим окраску исправишь?*

*– Я белую в черную шерсть перекрашу!
– Дождик пройдет и все смоем, дурашка!
Тигрица задумалась, потом потянулась:
– Я – Ригма! – Горлице она улыбнулась.*

*– Наверное, горлица, ты права,
Останусь такой, какой я была.
А ты почему не поднимешься ввысь?
Птенцы тебя, Горлица, уж заждались.*

*– Я не могу долететь до гнезда:
Вырваны перья у меня из крыла.
– Я тебе помогу, – тигрица сказала
И нежно, по-доброму, зарычала*

*– На голову ты ко мне заберись
И крепко за шерстку коготками держись.
Я встану на задние лапы и подтянусь...
– Спасибо! Я так до гнезда доберусь!*

*Тигрица горлице помогла
И посадила ее до гнезда.
А птица тигрице уже из гнезда
В благодарность сказала такие слова:*

*– Ригма, кошка крыло мне сломала.
Она и гнездо не раз разоряла.
Ты – точно не кошка, ты Ригма – тигрица!
Я в этом, поверь мне, смогла убедиться.*

*Только ты не обячная. Не простая,
Запомни, Ригма, ты – Золотая!
Доброе сердце в груди у тебя.
Будет гордиться тобою семья!*

*Не важно, какого шкура окраса,
Если душа чутка и прекрасна!
Как только я крылышко чуть подлечу,
О Золотой Ригме я песнь разнесу!*

Главное, конечно, что всех зверей, птиц, домашних животных, даже кур, совершенно необычайных пород, – и все, о чем пишет А.Таенкова в детском издании, можно увидеть в зоосаде в условиях, приближенных к природным.

Всеволод Сысоев

Из воспоминаний очень многих известных людей края и города мы знаем о многих инициативах В.Сысоева. Например, лестница от берега Амура к Успенскому Собору, так гармонично вписавшаяся в естественный ландшафт высокого амурского берега – реализация его мечтаний о создании в Хабаровске лестницы, подобной знаменитой одесской...

В.П.Сысоев имел непререкаемый авторитет в мировом масштабе. К нему лично приезжали великие современники, и в том числе известные писатели М.Шолохов, Н.Задорнов, А. Солженицын, многие мировые лидеры.

Михаил Задорнов стал тем известным нам всем знаменитым артистом и личностью, в какой-то мере, благодаря влиянию на него в молодом возрасте В.Сысоева, чего тот никогда не скрывал – с одной

стороны, с другой стороны, такой вывод приходит сам по себе после ознакомления с перепиской В.Сысоева и Н.Задорнова. В краевом архиве сформирован личный фонд В.Сысоева, где хранятся важные для писателя документы.

Чем больше читаешь об этом уникальном писателе, о Всеволоде Петровиче Сысоеве, всего шесть месяцев не дожившем до своего столетия, тем больше убеждаешься в значимости его личности не только для Дальнего Востока, но и, как оно и есть на самом деле, важности его для всей Планеты Земля. Осознаешь, почему имен он – единственный из всех дальневосточных писателей, чья биография Международным географическим центром в Кембридже занесена во Всемирную Британскую энциклопедию «Выдающие люди планеты».

Как известно, детство и юность В.П.Сысоева прошли в Крыму.

Сысоев сравнивал Крым и Хабаровск, находил для себя много общего:

«Каждый человек, оставив родину, тоскует по ней, но когда поселяется на земле, напоминающий ее облик, успокаивается. Так произошло и со мной: сиреневая цепь гор, подступающих с юга к городу, излучина широчайшей реки, похожая на морской залив, крутые на подъем улочки, дикий виноград и «грецкий» орех под окнами моего дома – как это напоминает мне Ялту!

Хабаровск я полюбил с первого взгляда. Любовь эта усиливалась с каждым годом, и стал Хабаровск мне второй родиной. Прелесть Хабаровска – в его местоположении: раскинувшись полсотней километров на волнистой местности, он понадвинулся к самому Амуру, за которым простираются до горизонта

влажные прерии. Город утопает в пышной зелени, а над ним – голубое деревенское небо. Зима у нас сибирская, колючая, но зато: «Солнце во все небо!» А вот лето – знойное, влажное, как в северной Индии.

Когда о Хабаровске говорят, что по улицам медведи и тигры ходят, то это недалеко от истины. Конечно, тигры предпочитают обходить город предместьями, а вот медведи, особенно гималайские, нередкие городские гости. Посещают город волки и рыси, енотовидные собаки и ондатры. Что же касается колонков, ласок, фазанов, то их можно встретить часто. Объясняется это прежде всего близостью к городу Большехехцирского заповедника и – широким кольцом – садовых участков, способных укрыть и накормить наших меньших».

Тигролов и краевед

Приамурский зоосад!
Как же он ребятам – рад!
Здесь был дедушка Сысоев.
Он отважней всех героев.
Мог с рогатиной на зверя,
И в удачу свою веря,
В одиночестве пойти,
Тигра в клетки привести
Зоосадам многим мира.
Воспевает подвиг лира.
Крепкий, ладный, удалой,
Даже когда стал седой –
Всё умел, во всем – успехи:
Мог врагам дать «на орехи»
Слово крепкое держал –
Зоосад наш поддержал.

И живут здесь звери, птицы:
Волки, совы и лисицы.
И важнее всех зверей
Тигр Амурский, для друзей
Его здесь лелеют, холят.
Он грустит по своей воле.
Но зато в тепле, с едою
Да с подругою родною...
Мы заботимся о нем –
Дружно с тигром мы живем
Помним дедушкин наказ,
Для себя мы, как приказ:
Жить в гармонии с природой
Со зверьем, да и с погодой.
Стал писателем Сысоев,
И перо его без сбоев
Отработало свой срок
Он и в том давал зарок
Так о звере написать,
Душу зверя чтоб понять,
Посочувствовать, узнать.
Сам же каялся о том,
Что ходил в тайгу с ружьем.
Говорил: «Прошу прощенья
Зря... Мое в том упущенье»...
Говорил в последний миг
Живший сотню лет старик...

К теме жизни и деятельности В.П.Сысоева мы будем периодически возвращаться, тем более он, как основатель Приамурского зоосада, повседневно присутствует в нашей жизни и в жизни наших детей.
[17]

Лидия Люся

Знакомство с В. П. Сысоевым

Моё знакомство с Всеволодом Петровичем Сысоевым состоялось в 1997 году.

А всё началось с идеи архивного отдела управления Делами администрации города, который я возглавляла в тот период, проведения смотра-конкурса музейного и архивного дела, который было решено посвятить 140-летней годовщине со дня основания города Хабаровска. Известно, что эта дата выпадала на 31 мая 1998 года. Планировалось проведение такой разовой юбилейной акции, без продолжения.

Конкурсную комиссию возглавил Почётный гражданин нашего города, писатель, краевед Всеволод Петрович Сысоев.

Справедливости ради надо отметить, что подобный конкурс в истории города Хабаровска проводился впервые, и в связи с этим, на этапе его подготовки, возникало очень много организационных вопросов, что и вызывало необходимость встречаться с Всеволодом Петровичем для их обсуждения.

Каждая встреча с ним – это незабываемое событие! Красивый, сильный, умный, справедливый, чуткий, заботливый Человек с большой буквы и удивительный рассказчик!

Уроженец Крыма, а как искренне и горячо любил он суровый Дальневосточный край и его людей!

Так вот, когда конкурс подходил к своему завершению, а представлено было очень много материалов от жителей города, Всеволод Петрович стал переживать вот о чем.

По условиям конкурса комиссия могла выбрать только трёх достойных участников в каждой из четырёх

номинаций. По мнению Всеволода Петровича лауреатов конкурса, поощренных жителей должно быть гораздо больше!

И тогда В.П.Сысоев принимает решение встретиться с П.Д. Филипповым, мэром города того периода времени, и попросить его выделить дополнительное финансирование для поощрения участников конкурса.

А ведь это были непростые девяностые годы! Не хватало денег на заработную плату работникам, а тут какой-то непонятный конкурс.

Результат встречи Всеволода Петровича с мэром превзошёл все ожидания: 11 архивов, 31 музей, 20 частных коллекций, 14 семейных реликвий стали номинантами конкурса!

Не смог мэр отказать просьбе Всеволода Петровича, а про меня, я думаю, Павел Дмитриевич в сердцах подумал: «Заставь дурака молиться, он и лоб расшибёт!»

Но мы все были тогда очень счастливы, что у нас всё получилось: музеи и архивы получили второе дыхание, поверили в себя.

Да и как тут не поверить в себя, когда в школьные, заводские и др. ведомственные музеи и архивы приходила такая важная комиссия во главе с хорошо известным и уважаемым человеком В.П. Сысоевым и по поручению самого мэра города интересовалась их делами!

Этот случай — прямое доказательство равнодушного отношения Всеволода Петровича к делу и людям, особенно, к людям, которые по крупицам собирают и бережно хранят уникальную историю нашего города.

Благодаря этому конкурсу Всеволод Петрович стал большим другом архивного отдела, а сам конкурс – прологом будущих замечательных конкурсов, таких как «История, город и я», «Личность и власть», «Лучший хранитель истории».

К 150-летию города Хабаровска был организован замечательный конкурс «История, город и я» (2008г). конкурсная комиссия вышла с предложением к руководству администрации города с просьбой учредить знак особого отличия. Инициативу поддержали, а дизайнеры постарались сделать памятный знак «Лучший хранитель истории» ярким и запоминающимся.

На стилизованном пере изображены землепроходец Ерофей Павлович Хабаров, открывавший в середине XVII века для русского государства приамурские земли, и первостроитель военного поста Хабаровка капитан Яков Васильевич Дьяченко. В центре пера часы, символизирующие ход времени, на трех гранях основания изображены виды Хабаровска (Амурский утес, здание администрации города Хабаровска, храм Серафима Саровского), на четвертой – герб города.

Конкурс «Лучший хранитель истории» проводится ежегодно, начиная с 2009 года, а его лауреаты награждаются красивым памятным знаком, учреждённым администрацией города!

Татьяна Гладышева

В.П. Сысоев

С этим человеком я познакомилась (увидела его впервые), когда жила на Севере у далёкой речки Горин. Той самой, у которой жил Мэрген, герой нанайских сказок. Помните: «Жил-был на далёкой речке Горин Мэрген...» Однажды нас пригласили в гости к главному лесничему местного леспромхоза. Не успели войти, поздороваться, как из соседней комнаты выходит громадный человек с белоснежной бородой и, словно посыпанными инеем, седыми волосами. Ну, сказочный Дед Мороз.

По почти благоговейному отношению к нему окружающих и по какому-то внутреннему свету, исходящему от него, я поняла, что человек этот отнюдь не простой.

Представили: Всеволод Петрович Сысоев. Сразу всё стало ясно. Человек известный. Во всём остальном он был такой, как все: доброжелательный, приветливый, общительный, но ни намёка: «Я – писатель, вы...».

Вторая моя с ним встреча была в ЛИТО «Муза при свечах», нашем поэтическом объединении.

Его пригласил к нам сам Виталий Федорович Захаров, руководитель нашего литературного салона. Всеволод Петрович по-прежнему был высокий, седой, с белоснежной, ещё более окладистой, бородой – почти сказочный Дед Мороз. Только посоха да шубы не хватало. Может, снял шубу по случаю прихода к нам в гости?

Говорил он ясно, чётко, образно, даже душевно о Краеведческом музее, о том, как красива дальневосточная природа, как прекрасны её обитатели. С любовью о хозяевах тайги: о медведе и его повадках,

о тигре, о тигрице Ригме, о своих произведениях. Закончил словами, что он не случайно явился на эту встречу, что он тоже пишет стихи и прочел несколько своих стихотворений. От встречи с этим необыкновенным человеком, от его стихотворений осталось очень хорошее впечатление.

Елена Крадожён-Мазурова

Мой Георгий Пермяков

— Лена-сан, а Миша Крадажён Вам кем приходится?....Да? ...Тогда Вы можете звать меня дядя Гоша, или дядя Жора!

Забегая вперёд, скажу, что никогда за всё время знакомства с Георгием Георгиевичем Пермяковым не назвала его ни дядей Гошей, ни дядей Жорой.

Я начала заниматься японским языком по вечерам в хабаровской школе №62 у Георгия Георгиевича Пермякова. Было это в 1992 году. После работы – лекции и семинары на филфаке Пединститута – тащила из садика полуторагодовалого сына к родителям, пила растворимый кофе (бр-р-р!) и бежала на уроки Пермякова.

Пришла из любопытства – услышала от студентов-японистов об оригинальном преподавателе. Пришла, попросила разрешения присутствовать. Свободное место, как водится, было за первой партой. После второго занятия поняла, что не уйду. С Георгием Георгиевичем было интересно и ...весело.

В 90-е это было удивительно. Группа собралась разновозрастная: и школьники, и студенты, и взрослые. Георгий Георгиевич Пермяков поразил меня необычной методикой проведения занятий.

Он всегда говорил о том, что сегодня случилось, со ссылкой на источник – центральную газету (прототип школьной политинформации, если кто-то ещё помнит, что это такое) и что было в день с такой же датой, допустим, в 1938 году.

Мы непременно занимались каллиграфией, и Георгий Георгиевич, прямо как школьный учитель, собирал наши двенадцатилистовые тетради с домашними заданиями, написанными особым пером чёрной тушью, и честно проверял и выдавал с отметками на следующем занятии.

По первому высшему образованию я учитель русского языка и литературы, поэтому что такое «проверка тетрадей» знала не понаслышке. И за это ещё больше уважала Учителя. Тетрадей должно было быть две: №1 и №2. Тонкие, чтобы Учитель уносил их домой в портфеле. Портфель был обязательным аксессуаром: в нём на занятия прибывали не только тетради, но и распечатки материалов.

Печатал Пермяков всегда сам, дома, на печатной машинке, потом выдавал ксерокопии каждому.

Георгий Георгиевич разучивал с нами японские анекдоты, сказки. Он был убеждён: язык нужно знать в книжной письменной и устной разговорной форме. Бытовая речь сказок и анекдотов с начинкой из фразеологизмов запоминалась лучше, чем материал учебников.

Вся группа усваивала и сдавала 200 «ключей» – базовых иероглифов. Сдавали их «десятками» и «двадцатками». Георгий Георгиевич сам был личностью творческой и приветствовал творческий подход к учёбе: он очень хвалил на наших занятиях Гошу Бурлова (Егора), который для запоминания ключей писал двустишия и четверостишия.

Сегодня Егор Бурлов – известный успешный дипломированный переводчик.

Помню, Г.Пермяков и свои мнемонические стихи нам читал, когда рисовал иероглифы на доске: «Три тюка товара/Привезли с базара». Объяснял принципы запоминания сложных иностранных слов. Сам Георгий Георгиевич был полиглотом: активно пользовался японским, китайским, в том числе знал архаичное письмо, умел читать старинные иероглифы. Преподавал в мединституте латынь, писал по-английски.

Больше всего в его занятиях мне нравилась страноведческая составляющая. Георгий Георгиевич рассказывал о нравах и быте Японии и Китая с такими мельчайшими бытовыми подробностями, о которых не прочесть в литературе.

Энциклопедией этих стран была сама жизнь Георгия Пермякова, полная тайн и приключений. Судьба распорядилась, чтобы мальчик, родившийся в ноябре 1917 года в хорошей семье в Никольск-Уссурийске, малышом оказался в Китае, вырос там и получил образование. Пережил вторжение японцев в Китай, начал работать в советском консульстве, вошёл в Штаб обороны Харбина, в 1945 вернулся в Советский Союз, стал переводчиком императора Китая и Маньчжоу-Го Пу И. Был участником нескольких громких процессов конца 40-х годов.

Взялся за литературное творчество под псевдонимом Георгий Ланин, много публиковался в журнале «Дальний Восток», писал фантастические повести, изучал биографию В.К.Арсеньева и написал о нём книгу «Тропой женьшеня». Попал ещё в один круговорот истории – в 1990-е. Исчезло с карты государство, в которое он вернулся из Харбина после Второй мировой войны. За время его жизни страна

менялась многократно. Разговаривать с ним было захватывающе-интересно. Человек чрезвычайно дисциплинированный, Георгий Георгиевич придерживался строгого распорядка в жизни, был исключительно пунктуален и работоспособен. Он призывал нас, своих учеников, вести дневник, потому что это элемент самодисциплины.

Помню, кто-то в группе спросил: «А о чём писать, если каждый день одно и то же?». Георгий Георгиевич ответил: «Открывай дневник, записывай вверху страницы дату и какая в этот день погода, какая температура воздуха. Когда-нибудь это станет кусочком истории». [18]

Легче писать о мёртвом поэте?!

*Рефрен-эпифора «... ещё живой» в
стихотворении
и творчестве Сергея Сутулова-Катеринича*

Почему дилетанты считают, что стихи писать легче, чем прозу? Почему полагают, что для восприятия и интерпретации текста стихотворения не требуется особых интеллектуальных усилий, а роман А.С. Пушкина в стихах «Евгений Онегин» – это не то, что романы «глыбы» и «матёрого человечества» Л.Н. Толстого?

При этом воинствующие дилетанты, столкнувшись с настоящей поэзией, называют её «заумью», считая, что поэзия – это рифмованная проза, менее серьёзная и более удобоваримая.

Думаю, до скрупулёзнейшего, то есть чрезвычайно тщательного, точного до мельчайших подробностей анализа романа А.С. Пушкина, произведённого гениальным Ю.М. Лотманом – «Роман

А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий», эти «эстеты» не дошли. А то стали бы говорить о «зауми» литературоведческого структурализма.

Итак, о чём я? Да о том, что качественная поэзия – та, над которой надо думать, разглядывая её, как советовал академик Н.М. Шанский, «под лингвистическим микроскопом». И, конечно, наслаждаться красотой поэтического слога, языковой игрой, неожиданными находками автора, связанными с развитием новых значений у знакомых слов, «огранкой» материала, его тщательной прорисовкой с использованием множества красок.

Именно такую профессиональную палитру настоящего художника, а не набор из шести детских цветных фломастеров демонстрирует нам Сергей Сутулов-Катеринич в своих поэтических текстах.

Сложные, насыщенные подробностями, прекрасными аллюзиями, портретами ушедших и ныне здравствующих людей, поэтические этюды этого удивительного автора никого не оставляют равнодушными: Сутулова-Катеринича или принимают, или не принимают.

А он, по-моему, не очень-то и заморачивается по этому поводу. Пишет, как дышит. Ощущение лёгкости, интеллигентного изящества сохраняется при чтении текста. Кажется, именно о нём напевал Булат Окуджава, помните?

*...Вымысел не есть обман, замысел – ещё не точка.
Дайте ж дописать роман до последнего листочка.
И пока ещё жива роза красная в бутылке,
Дайте выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке.*

Каждый пишет, как он слышит,

*Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела.
Почему - не наше дело,
Для чего, не нам судить.*

Взыскательного ценителя поэзии не может не привлечь оригинальный почерк Сергея Сутулова-Катеринича, его умение проявить мастерство, продемонстрировать «высший пилотаж» выучки (в хорошем смысле), щегольнуть применением приёмов языковой игры.

Начну, пожалуй, с удивительного букета заглавий: «Живой! (*Поэллада*)», «Январёнок, Тать и ключик Ять», «Земля- апельсин!», «Каламбурь бытия», «Стрекоза как заноза любви»... Каждый цветок-заглавие достоин внимания.

Е.В. Джанджакова когда-то назвала заглавия «чудовищно сжатыми аббревиатурами текста». Продолжая тему, позволю себе дополнить: поэзия – это чудовищно сжатая аббревиатура чувств, эмоциональных переживаний.

«Живой! (*Поэллада*)» обращает нас к творчеству Игоря Северянина с его особым жанром «*поэз*». У Сергея Сутулова-Катеринича жанр произведения чётко обозначен – *поэллада*... «Имеющий уши» читатель да услышит здесь и поэму, и балладу, и Элладу, и, наверное, что-то ещё. Вслушаемся, взглянемся, вдумаемся в текст:

*...Проснуться на рассвете от капли дождевой
И ласточке ответить, пока ещё живой.*

*Пейзаж великолепен до Первой мировой.
Куинджи жил, а Репин – уже всегда живой.*

*Играют в тети- мети [1] два пьяных мужика.
Есенин мчит в карете – ещё живой пока.*

*Записки на манжетах читает Вечный Чёрт.
Булгаков пьёт в буфетах без Мастера ещё.*

*Эйштейн звезду отвертит? Куда пропал конвой?
Скрипач грустит под Верди, пока ещё живой.*

*Рейхстаг амбивалентен [2] до мировой Второй.
Георгий в киноленте – всегда святой живой.*

*Очнувшийся в кювете считает облака:
Прописана в бюджете волшебная строка.
Нет пули в пистолете? Приятель переилёт.
Граф Дракула балетит, пока живой ещё.*

*Есть тайны – те и эти, весёлый вестовой.
Гагарин мчит в ракете – пока ещё живой.*

*Раздатчик междометий, на Марсе волком вой!
Высоцкий откуплетит: спасибо, что живой!*

*К последней сигарете – рюмашка коньяка.
Уже написан Вертер [3], пронзающий века.*

*Ромео о Джульетте спектакль испечёт.
Любимов – седолетний – уже живой ещё.*

*...Проснуться на рассвете под лавой снеговой,
Луч солнышка приметить: пока ещё живой!*

*Не для того, поверьте, рискуя головой,
Поэт молчит о смерти – уже всегда живой.*

*Гуляют по фуришетам четыре чудака,
А пятый – по планетам, ещё живой пока.*

*Играет на кларнете блаженный Башилачёв [4].
Анищенко [5] приветит, пока живой ещё.*

*Имён полно в газете – без третьей Мировой.
Через Инет глазейте: да здравствует живой!*

*Пить варево столетий Христу не впервой.
Нил Армстронг [6] засекретил подлунный
позывной.*

*Гласит легенда: йети боится сквозняка,
Но мчится в драндулете живой ещё пока.*

*Спагетти на вельвете? Герой розовощёк?
О. Бендеру налейте – уже! пока! ещё!*

*Подруг разбудит петел [7] – петух поддержит:
свой!
Цени весну и ветер, пока ещё живой.*

*Любовь, надежды, дети – храни их, домовой.
Отец молчит о смерти – уже всегда живой.*

*...Проснуться на рассвете от рифмы чумовой.
И Господу ответить: спасибо, Боже мой!*

Текст с отличным чувством ритма, практически сшитый повторами-эпифорами с инверсиями (перестановкой слов, их непрямым порядком по отношению к первому употреблению): «...пока ещё живой», «...уже всегда живой», «...ещё живой пока», «...пока ещё живой», «...всегда святой жи вой», «...пока живой ещё», «...пока ещё живой», «спасибо, что живой!», «...уже живой ещё» (оксюморон), «...пока ещё живой», «...уже всегда живой», «...ещё живой пока», «...пока живой ещё», «...да здравствует живой!», «...живой ещё пока», «уже! пока! ещё!», «...пока ещё живой», «...уже всегда живой».

Кроме эпифор (одинакового завершения строк), в тексте есть 3 ключевых повтора:

*...Проснуться на рассвете от капли дождевой;
...Проснуться на рассвете под лавой снеговой;
...Проснуться на рассвете от рифмы чумовой.*

И когда в них вслушиваешься и вдумываешься, понимаешь, что Поэллада «Живой!» – о жизни, о поэтах, которым так мало отпущено, о людях, которые жизнью своей творили поэзию космоса (Гагарин и Нил Армстронг) и потому «уже всегда живые». Философия жизни земной, физического существования и жизни вечной, жизни в памяти людей когорты «уже всегда живых» – одна из проблем текста.

В продолжение этой темы добавлю ещё один дистантный вариативный повтор, которым Сергей Сутулов- Катеринич одним росчерком пера соотносит первую и вторую половину XX века. В третьем двистишии у него:

Есенин мчит в карете – ещё живой пока.

А в девятом двустишии в аналогичной синтаксической конструкции (в широком смысле понимания термина – это синтаксический параллелизм), украшенной звуковым подобием: карете – ракете (слова различаются лишь первым слогом – это та самая языковая игра, паронимическая аттракция, которую непринуждённо демонстрирует читателю мастер). Однако на фоне внешней лёгкости формы лаконично, талантливо-точно прорисовано время и его ощущение людьми двух разных поколений, заключённое в повторяющемся глаголе «мчит». Карета Есенина и ракета Гагарина, которые «мчат» – это символы двух эпох, а между ними менее полувека! Перед нами контекстные антонимы Сергея Сутулова-Катеринича, связанные моделью когезии (текстообразования) – эпифорическим повтором «...ещё живой» и нашим сегодняшним знанием – Есенин и Гагарин уже «всегда живые»:

Гагарин мчит в ракете – пока ещё живой.

Поэлладу (поэму и балладу?) «Живой!» Сергея Сутулова-Катеринича нельзя воспринимать в суете сиюминутности. Она требует вдумчивой исследовательской работы. Эти 23 двустишия, 46 поэтических строк нужно прочесть, отстранившись от дня сегодняшнего почти на полстолетия, потому что текст – аллюзия спетого Владимиром Высоцким на шестидесятилетия Юрия Любимова в театре на Таганке, то есть в канву текста вплетены биографии наших великих актёра и режиссёра. Судите сами, узнавайте, сравнивайте:

**Юрию Петровичу Любимову
с любовью в 60 его лет
от Владимира Высоцкого**

*Ах, как тебе родиться подфартило
Почти одновременно со страной!
Ты прожил с нею все, что с нею было.
Скажи еще спасибо, что живой.*

*В шестнадцать лет читал ты речь Олеси,
Ты в двадцать встретил год тридцать седьмой.
Теперь «иных уж нет, а те – далеке»...
Скажи еще спасибо, что живой!*

*Служил ты под началом полотера.
Скажи, на сердце руку положив,
Ведь знай Лаврентий Палыч – вот умора! –
Как знаешь ты, остался бы ты жив?*

*А нынче – в драках выдублена шкура,
Протравлена до нервов суетой.
Сказал бы Николай Робертыч: «Юра,
Скажи еще спасибо, что живой!»*

*Хоть ты дождался первенца не рано,
Но уберег от раны ножевой.
Твой «Добрый человек из Сезуана»
Живет еще. Спасибо, что живой.*

*Зачем гадать цыгану на ладонях,
Он сам хозяин над своей судьбой.
Скачи, цыган, на «Деревянных конях»,
Гони коней! Спасибо, что живой.*

*«Быть или не быть?» мы зря не помарали.
Конечно - быть, но только начеку.
Вы помните: конструкции упали? –
Но живы все, спасибо Дупаку.*

*«Марата» нет – его создатель странен,
За «Турандот» Пекин поднимет вой.
Мужайся, брат, – твой «Кузькин» трижды
ранен,
И все- таки спасибо, что живой.*

*Любовь, Надежда, Зина – тоже штучка! –
Вся труппа на подбор, одна к одной!
И мать их – Софья – золотая ручка...
Скажи еще спасибо, что живой!*

*Одни в машинах, несмотря на цены, –
Им, пьющим, лучше б транспорт гужевой.
Подумаешь, один упал со сцены –
Скажи еще спасибо, что живой!*

*Не раз, не два грозили снять с работы,
Зажали праздник полувековой...
Тринадцать лет театра, как зачеты –
Один за три. Спасибо, что живой.*

*Что шестьдесят при медицине этой!
Тьфу, тьфу, не сглазить! Даром что седой.
По временам на седину не сетуй,
Скажи еще спасибо, что живой!*

*Позвал Милан, не опасаясь риска, –
И понеслась! (Живем-то однова!)...
Теперь – Париж, и близко Сан- Франциско,
И даже – при желании – Москва!*

*Париж к Таганке десять лет пристрастен,
Француз театр путает с тюрьмой.
Не огорчайся, что не едет «Мастер», –
Скажи еще мерси, что он живой!*

*Лиха беда – настырна и глаза та –
Устанет ли кружить над головой?
Тебе когда-то перевалит за сто –
И мы споем: «Спасибо, что живой!»*

*Пей, атаман, - здоровье позволяет,
Пей, куренной, когда-то Кошевой!
Таганское казачество желает
Добра тебе! Спасибо, что живой!*

Рефрен текста Владимира Высоцкого «Спасибо, что живой!» перекликается с днями сегодняшними и с иным жанром – жанром кинодрамы «Высоцкий. Спасибо что живой», год выхода: 2011 [8].

Круговорот жизни, который вечен, кольцевая композиция Поэллады «Живой!» Сергея Сутулова-Катеринича – это послыл читателям и творцам. Нужно успеть сказать своё слово между «...пока ещё живой» и «...уже всегда живой». В том числе, сказать самому поэту, «...пока ещё живой», пока возможен диалог с ним, хотя это ответственнее и труднее. А тот, кто «...уже всегда живой», возразить не сможет...

Название текста «Январёнок, Тать и ключик Ять» – словно шифр, загадка, код, криптограмма (по-гречески – тайнопись). Сергей Сутулов-Катеринич приглашает читателя решить эту головоломку, используя детективные методы. Что «просвечивает» в заглавии? Имя Татьяна, связанное с январём? Что там спрятано

автором? Татьянин день? Текст начинается пиршеством определений- эпитетов, разнопланово характеризуя «жизнь январскую»:

*...Январёнок, тебе плутать
по моим переулкам рваным –
барабанным, буранным, бранным...
– пред/экранным, пост/ресторанным! –
протаранил страницу Тать.*

Сочное стихотворение «Земля-апельсин!» – это буйство слов-характеристик эпохи ушедшей и ожидание Иного Человека: «...давай так и скажем: эпохе конец! – / не только твоей и моей распрекрасной, / провальной, банальной, ужасной, опасной, / безумной, безродной, беспечной, бесстрастной, /но целой стране – неизбежный звездац. / не верил отец, сохраняя билет – /партийный, великий, воспетый, треклятый, / надменный, священный, расстрельный, распятый, / кремлёвский, солдатский, рабочий, измятый – / но прятал за зеркалом Новый Завет».

Каждое определение – точное, как выстрел снайпера, попадает в цель: нашу память. А дальше начинается удивительная работа со словом в нашем сознании: идёт «развёртка», за каждым эпитетом – фрагмент фотографии эпохи. Складываясь, как пазлы, они дают цельный портрет.

В «Каламбурах бытия» – аллюзии, россыпь ярких метафор, каждая из которых достойна отдельного эссе: «метранпаж...жития»; «доллары луковых пенсий»; «Алиса – весталка зеркал забугорья»; «абсент бытия»; «процент вытия»; «Млечная река»; «опечатки Господни»; «минор ноября...»; «стрекоза как заноза любви» – высокоэстетический текст, имеющий

посвящение «милой тётушке – Валентине Н. Катеринич».

Зная взыскательность и поэтический вкус адресата, автор начинает стихотворение изящным хиазмом – «мера времени в мире вранья, как химера вранья в море времени», а завершает запоминающейся развёрнутой метафорой – «стрекоза Сальвадора Дали, / как заноза любви в пятке Вечности!» В этой финальной метафоре перед нами предстаёт и эпатажный эстет Сальвадор Дали, и изящный намёк на ахиллесову пяту.

А внутри текста, населённого «графьями», генералами, печенегами, богинями смуглыми, трубачами, рифмачами, трюкачами – простор от Сырдарьи, Амударьи («аморальной дамы с камелией») и Арала до Байкала и Амура с «дискурсом призрачного Хабаровска» – гулять так гулять!

Тексты Сергея Сутулова-Катеринича не позволяют читателю расслабиться. Держат его в интеллектуальном тонусе, кого-то заставляют «встать на цыпочки», потянуться, чтобы дотянуться и соответствовать в восприятии стихотворения уровню автора. Что ж, такой интеллектуальный фитнес очень полезен ценителям слова!

Река Поэзии Капитана Игоря Царёва

...Течёт время, текут реки, большие и малые реки необъятной России. Немало воды утекло за пять лет. Именно столько времени прошло с тех пор, как ушёл от нас поэт Игорь Царёв, русский поэт, так любивший реки Родины.

Быть может, когда-нибудь учёный-филолог, исследуя феномен поэзиирубежа XX-XXI веков, напишет серьёзную работу, например... о гидронимах

[1] в стихотворениях. И сей учёный муж с удивлением будет констатировать, что этих самых гидронимов немало в текстах Игоря Царёва (Могила), [2] одного из Капитанов поэзии «порубежья тысячелетий».

Это его, Игоря Царёва, «...всё детство качал Амур / И кедровой далью поил Хехцир». Это он, Игорь Царёв, «...хотел бы жить на Оке / И не спрашивай его, почему...»

В новой книге Игоря Царёва «Дети Империи», редактором- составителем которой стала жена поэта Ирина Царёва, есть раздел, озаглавленный «...и отражается река, и наши мысли, и мы сами». Игорь Царёв «отражается» в стихотворениях этого раздела как энциклопедист: читатель, не очень искушённый в географии, например, не являющийся членом Российского географического общества, не участвовавший в Географическом диктанте, а потому не штудировавший географические атласы в последнее время, может, и знать не знал, что есть на Рязанщине речка Вобля, а под Старым Осколом – речка Убля.

А вот Игорь Царёв, переосмысливая эти названия в планетарном масштабе, – а как иначе может мыслить ответственный редактор «Российской газеты»? – пишет стихотворение «Русские реки Убля и Вобля», которое я позволю себе процитировать: уж больно нестандартный материал!

*С какого вопля, судите сами,
Пошло название речки Вобля?
Да и земля хороша в Рязани:
Воткнешь оглоблю – цветет оглобля!
А потрясенье берез осенних!
А небо... Братцы, какое небо!
Не зря тут жил хулиган Есенин.*

*А я, признаться, почти что не был –
Так... Пару раз проезжал на «скором»,
Глядел в окошко, трясясь в плацкартном...
Зато под Старым гулял Осколом
На речке Убля (смотри по картам).
И там простор без конца и края,
И как в Рязани до слез красиво.
А то, что жизнь далека от рая...
Зато в названьях – какая сила!*

*Читая «русский народ загублен»
В газетах Дублина и Гренобля,
Я вспоминаю про речку Убля
С рязанским кукишем речки Вобля.*

С хорошим лингвистическим уловом можно будет поздравить нашего гипотетического учёного-ботаника от филологии, если он, исследуя пресловутые гидронимы, то бишь названия водоёмов России, всерьёз возьмётся за стихотворение Игоря Царёва с незатейливым названием «Рыбацкое-простецкое». В этом тексте столько названий рек, что лишь по одному этому тексту запросто (было бы желание!) можно составить тематический пятничный сканворд для хабаровской краевой газеты ТОЗ [3], которую выписывали родители будущего поэта в его детские и школьные годы.

Собственно, о стихах нельзя рассказывать – их нужно слушать и читать. Судите сами:

*Хорошо по **Каме** плыть
рыбакам –
не мешают берега
по бокам.*

Там под юною волной
Озорной
ходит щука, словно туз
козырной.

По Уссури разгулялся
ленок.
На Амуре бьют налимы
у ног.
А в Сибири выдает
Ангара
три ведра плотвы за час
на гора.

Из Туры по зову полной
Луны
выползают по ночам
валуны.
А когда идет на нерест
таймень,
варит рыбные пельмени
Тюмень.

Пусть невиданных доселе
Высот
достигают пустосель
и осот,
Тянет сети вдоль Исети
народ –
будет детям по рыбёшке
на рот.

Где по Судогде-реке
рыба язь

мутит воду никого
не боясь,
вобла стоит пятачок
за пучок,
так как ловится на голый
крючок.

И Ока для рыбака
хороша.
Широка ее речная
душа.
Возле *Мурома*, хоть дождь
мороси,
сами прыгают в ведро
караси.

Плещут **Волга** у порога
И Дон,
И дорогу заменяя
и дом.
Безотказно их живая
Вода
Сквозь рыбацкие течет
Невода.

А еще есть **Бия**, **Мга**
и **Уса**,
Индигирка, **Оленёк**,
Бирюса...
Даже только имена
этих рек
не испить тебе вовек,
человек!

Ритмы поэзии Игоря Царёва завораживают читателя и слушателя. А как по-разному текут и звучат его реки, и каждой реке умеет он найти особый ритм, а уж тексту, в который стеклось сразу столько рек, обязательно песенный напев! Вслушайтесь: точно, со второго двустушия поётся, да ещё как!

Игорь Царёв всегда правдив в творчестве, именно поэтому так вольно, так легко, как на берегу реки, дышится в его поэзии. Истоки рек – в родниках, истоки писателя и поэта – в семье. Родители-преподаватели заложили в детстве основы нравственности, интерес к чтению. Отличная домашняя библиотека сформировала вкус, умение ясно высказать то, что бродит в душе. Уже школьные работы Игоря, хранящиеся в семейном архиве, поражают отточенностью фраз и точностью прорисовки деталей. Я не оговорила: именно прорисовки. Игорь Царёв рисует образы словами и мастерски работает как художник-график.

Это выходит у него настолько профессионально, что в «ленинградский период» учёбы в ЛЭТИ (Ленинградском электротехническом институте) Игорь с друзьями входит в Клуб ленинградских карикатуристов. Его шаржи и карикатуры с удовольствием размещают на своих страницах различные журналы, в том числе, журнал «Советский Союз»...

Ну, а мы отправимся дальше по рекам поэзии вслед за дальневосточником Игорем Царёвым, всегда мечтавшим стать капитаном:

*Ну, не вышло из меня капитана!
Обнесла судьба пенькой и штормами.
Не оставила других капиталов,*

*Кроме слов, что завалялись в кармане.
(Стихотворение «Переводчик»)*

Моря, реки, озёра, океаны – стихия поэта, его песня... Даже любовь к жене, которую называл Русалкой, преломляется в призме реки его судьбы – Амура: «У жены моей чудный цвет волос – / Как амурских кос золотой песок».

Отец Игоря, Вадим Петрович, вспоминая о сыне, рассказывает, как с детства брал его на лодке на рыбалку и на охоту, обучал мужскому ремеслу добытчика... На Дальнем Востоке Игорь побывал в самых заповедных уголках. В поэтическом альбоме Игоря Царёва – зарисовки экзотического дальневосточного озера Хасан с его реликтовыми розовыми лотосами, эхом боёв и тигриными тропами [4]:

*Я там был... И как будто бы не был, потому что с
годами забыл,
Как гонял между лугом и небом табуны диких
кобыл.
А припомню – и легче как будто, что в далёком моём
далеке
Удэгейский мальчишка, как Будда, держит розовый
лотос в руке.*

«...был... И как будто бы не был...» Был! Конечно, был! В интервью порталу «Клубочек» в 2010 году Игорь сказал: «...многократно объездивший страну (и вдоль, и поперёк, и по диагонали) я немало повидал, и мои стихи в определённой степени – отражение увиденного. И хотя большей частью они, как Вы изволили выразиться, «документальные», – в них моя

жизнь, мои мысли, моя любовь. Но задача поэзии состоит не только в том, чтобы отражать действительность, но и в том, чтобы создавать новые вероятностные миры...» [5].

Журналистская жизнь, работа в газетах делала жизнь Игоря Царёва кочевой. Его репортажи и очерки – не штамповка. А лучшее – отливало в стихи.

Стихотворение «Восход в Охотском море» – о рыбацком утре на траулере, это не нежная акварель и не «картина маслом», а скорее – рабочая фотография без макияжа и фотошопа, с утренней щетиной на щеках тех, кто кормит край минтаем:

*На море все восходы превосходны.
Животворящ зари гемоглобин,
Когда под звук сирены пароходной
Всплывает солнце из немых глубин,
И через шторм и злые крики чаек,
Сквозь скальпельный разрез восточных глаз
Тепло, по-матерински изучает
Пока еще не озаренных нас –
Невыбранных, усталых, невеликих –
Сочувствует и гладит по вихрам...
И мы лицом блаженно ловим блики,*

*Как неофиты на пороге в храм.
Пусть за бортом циклон пучину пучит,
Валы вздымая и бросая ниц,
Пусть контрабандный снег лихие тучи
В Россию тащат через сто границ –
Наши траулер (рыбацкая порода!),
Собрав в авоську трала весь минтай,
Царю морскому гордый подбородок
Нахально мылит пеной от винта.
А мы считаем светлые полосы*

*На тельниках и радуемся дню.
Восход с тарелкой макарон по-флотски –
Сам Бог не знает лучшего меню.*

От сурового Охотского моря до черноморского побережья в крымско-волошинский Коктебель переносят нас стихи Игоря Царёва. А из прекрасного Коктебеля – в нереальный океан снов и открытий Капитана Царёва:

*С хрупким грузом королевского фарфора
Паруса наполнив звездами зюйд- веста,
Сны мои, как каравеллы Христофора,
Каждый вечер уплывают в неизвестность.*

Много, много воды речной утекло в те моря-океаны, о которых писал поэт. Продолжает бушевать «Пятая стихия» поэзии Игоря Царёва. За годы без Капитана «Санта Ирина», его бригантина, ни разу не сбилась с проложенного курса. За штурвалом вахтенным стоит сама Ирина Царёва. Бьют корабельные склянки, отсчитывают время...

В поток лауреатов конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» вливаются новые ручьи и реки поэзии вотуже пятый сезон. Игорь Царёв помогает открывать новые имена...

В Хабаровске стали традицией ежегодные Царёвские чтения «Царёв.Хабаровск. Россия». На них встречаются школьники и студенты, писатели и поэты, учёные Хабаровска. Неизменно выступает на пленарном заседании хрупкая женщина с молодым и сильным голосом – мать Игоря Царёва Екатерина Семёновна Кириллова. Её слова о сыне высекают искры из сердец

участников. И появляются вдохновлённые словами матери эссе в сборниках студенческих научных работ, и читают стихи Игоря Царёва на школьных городских конференциях «Шаг в науку». Учителя Хабаровского края ратуют за включение поэтических текстов Игоря Царёва в Хрестоматию по дальневосточной литературе (7 класс), а светлой памяти ответственный редактор учебного издания – профессор Педагогического института Сергей Иннокентьевич Красноштанов с энтузиазмом поддерживал учительскую инициативу, советовался, какие тексты отобрать для ребят.

4 апреля 2016 года в Хабаровске на стене здания школы №15 была открыта мемориальная доска в память об ученике этой школы, поэте, писателе, публицисте, шеф-редакторе «Российской газеты» Игоре Царёве. Дата была выбрана не случайно – Игорь Царёв, признанный по итогам 2012г. лучшим русскоязычным поэтом России, ушёл из жизни 4 апреля 2013 г. на рабочем месте – в кабинете шеф-редактора «Российской газеты». В торжественной церемонии приняли участие и преподаватели, и студенты ДВИУ РАНХиГС, и хабаровское отделение Российского союза писателей, приложившие немало усилий для того, чтобы память об Игоре Царёве была сохранена на его малой родине. Событие освещалось тремя каналами ТВ, в том числе «Россией 24». В нём участвовали редакции журналов «Дальний Восток», «Аргументы времени», Всероссийское общество охраны памятников искусства и культуры, администрация города и Железнодорожного района, литературная общественность, школьники, студенты. Игорь Царёв – наш земляк, учился в школе №15, известной в Хабаровске как «школа Пяти Героев», из стен которой вышли 5 Героев Советского Союза. Их имена навечно

высечены на памятных досках на Стене Героев школы. Теперь к ним добавилось ещё одно имя – Игорь Царёв. Исполнил памятную доску художник Владимир Валентинович Гуенок, руководитель проекта – Сергей Петрович Чухломин.

На церемонию открытия из Москвы прибыли жена поэта – Ирина Царёва, член Союза писателей России, академик Академии российской академии словесности; внук поэта Александр – магистрант одного из московских вузов. На открытии мемориальной доски выступила мать поэта, полвека преподававшая в школе №15 русский язык и литературу – Екатерина Семёновна Кириллова... Это Хабаровск, наши дни.

Но вернёмся в день вчерашний, перенесёмся памятью ровно на два десятилетия назад. Игорь Царёв жив, Москва, 1998 год. В московском издательстве «Голос» десяти тысячным тиражом вышла книга Игоря Царёва «Энциклопедия чудес» – и тут же стала бестселлером. На первой странице автор даёт определение чуду, а в самой книге физик Игорь Царёв материалистически объясняет многие явления, которые принято называть сверхъестественными.

Сегодня феномен поэта Игоря Царёва, Капитана российской поэзии рубежа тысячелетий, тоже можно назвать чудом. Попробуем объяснить это чудо рационально, как Игорь в своей книге 20 лет назад.

Классическая по сути поэзия нашего земляка помножена на его энциклопедичность. Добротная «выделка» текстов, филигранно украшенная резьбой языковой игры, сразу обращает на себя внимание. Рифмы точны и разнообразны. Тексты вписаны в традиции русской поэзии. Сегодня поэзия Игоря Царёва – парус и компас в продвижении русского слова как одного из символов русской культуры в страны

Восточной Европы. Эту идею поддержал Президентский клуб «Доверие» (г.Москва), Евразийский Инвестиционный Союз, участвовавшие в подведении итогов конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» – 2017 в Москве.

И вновь – о... гидронимах и о нашем виртуальном учёном. Поэтическая река, принявшая в своё русло поток по имени Игорь Царёв, зовётся Мировая Поэзия. По картам «Пятой стихии» мы точно знаем, что воды её омывают Дом Берлиных в Лос- Анжелесе, Израильский берег, немецкий Гамбург, подкатывают к улочкам старой Риги, спешат в белорусский Минск и французскую Ниццу, в Новую Зеландию и Австралию, в каштановый Киев, где упокоился пращур Игоря Царёва – митрополит Пётр Могила...

Капитан Игорь Царёв принимает поэтический парад, стоя высоко на капитанском мостике, вне времени... Его призвала туда повестка из песни- притчи Виктора Скоробогата, написанной через три дня после ухода из жизни Капитана:

Посвящение Игорю Цареву

*По неписанным сводам законов
В мироздании все так непрочное,
И к поэтам своих почтальонов
Посылает небесная почта.*

*И с холодным весенним рассветом,
Что, как бритвою по занавеске,
Почтальоны приходят к поэтам
И вручают поэтам повестки –*

*Дай им, Господи, дай им,
Всем, кто её получил,
Дай им, Господи, дай им
Белой бумаги, синих чернил!*

*Почтальоны приходят некстати,
И сначала не верится в это,
Но стоят на повестках печати,
А повестки небесного цвета...*

*И нельзя не открыть почтальонам,
Даже если оборвана строчка –
По неписанным небом законам
Не дается поэтам отсрочка.*

*Дай им, Господи, дай им
Всем, кого ты отличил,
Дай им, Господи, дай им
Белой бумаги, синих чернил!*

Игорь Царёв теперь там, где всем хватает «белой бумаги, синих чернил» – в Пантеоне друзей- поэтов, его строки о которых вошли в антологию мировой поэзии, а на земле высечены в камне: Бродский, Окуджава, Северянин, Цветаева, Рубцов, Ахматова, Гумилёв...

Время, которое отбивают поэтические склянки, всё расставляет по своим местам, а книги поэтов – по книжным полкам.

Поэты-дальневосточники на службе Слову

(Опыт неформального обзора дальневосточной поэзии)

*Край мой любимый – с туманными
далями,*

*С шумной тайгой, с болотными
рясками...*

Сколько бы разных земель не видали мы

*—
Нет тебя лучше, красивей и ласковей.*

Степан Смоляков

Освободи мне сердце от любви,

И я забуду первую обиду,

*Тебя простив, я в луг под солнцем
выйду,*

Освободи мне сердце от любви,

Степан Смоляков

Не претендую на полный литературоведческий анализ современной дальневосточной поэзии, только ищу свою тропу в этой сказочной чаще, где есть корабельный строевой лес и есть подлесок, без которого чащи не бывает. Рядом — светлая лирическая роща женской поэзии... Я — путник, который зовет с собой в дорогу друзей...

Моя родина — Земля Хабаровская. Куда бы ни забрасывала меня судьба, я помню свои корни.

Помню и то, как нам, дальневосточным детям, хабаровчанам, читали стихи **Петра Комарова**:

Пусть я удачу назову

Сегодня как-нибудь иначе,

Но сам я в городе удачи,

В родном Хабаровске живу.

Дошколят и школьников водили в Детский парк имени Аркадия Гайдара и показывали дом рядом с парком — это угол ул. К.Маркса и ул. Льва Толстого. На

табличке, как и сегодня, была надпись: «В этом доме жил Пётр Комаров». И мы понимали, что поэзия – реальность: вот он, дом поэта. Потом детей катали на карусели или крутили им мультики в салоне настоящего старого самолёта, который стоял в Детском парке...

Вот так каждый юный хабаровчанин знакомился с поэтом Петром Комаровым и узнавал, что в Хабаровске жил и работал Аркадий Гайдар...

...Дома у меня отличная библиотека. Собирали её папа и бабушка. Книг стихов было много. Был и опальный ещё С.Есенин, и А.Ахматова. А папа, замечая мою тягу к поэзии, говорил, что хорошо пишет стихи Стёпа Смоляков.

Степан Смоляков был родом из Георгиевки (район Лазо Хабаровского края), куда папа, родившийся в казачьей станице Яблоневке на границе Казахстана, прибыл с переселенческим обозом в 20-е годы. Бегали они со Степаном мальчишками по одним и тем же улицам, а когда началась война, оба ушли из Хабаровска на фронт и оба вернулись. Папе нравилась «Стёпина лирика». Он купил мне книгу «Душа полна тобой», и я прочитала, ещё не очень понимая, *«Освободи мне сердце от любви...»*

...В сентябре 2017 года **Павлу Халову**, известному дальневосточному поэту и прозаику, исполнилось бы 85 лет, если бы... Я знаю несколько версий биографии Павла Халова. Одну – «из официальных источников»: «Павел Халов родился в 1932 году в Ленинграде. Работа его отца, военного инженера, была связана с частыми переездами. В годы Великой Отечественной войны семья Халовых жила в Уссурийске, затем в Хабаровске. Рано началась самостоятельная жизнь будущего писателя. Было трудное военное детство с побегами из дома на фронт, с

беспризорщиной. А завершилось всё это детской трудовой воспитательной колонией в Амурской области. Там Павел окончил семилетку. Позже окончил среднюю школу, затем – военное училище. Несколько лет работал в уголовном розыске. Позже начал писать».

Другая история жизни Павла Халова развивалась на моей памяти: папа после войны продолжил служить, а когда органы внутренних дел стали «усиливать» офицерами-фронтовиками, его направили на оперативную работу в уголовный розыск. Сюда-то и пришёл на службу молодой Павел Халов. Недолгое время они работали вместе, потом Павел начал заниматься литературой. У нас хранится первая, маленькая книжка стихов Халова в твёрдом переплёте, которую он с автографом подарил папе. Потом они вместе строили какую-то лодку. Когда Халов уже писал «большую прозу», они с папой по вечерам чинили халовский «Москвич», на котором тот ездил с семьёй в Приморье – «за новыми сюжетами»...

Третья «история о жизни писателя и поэта Павла Халова» нашла меня на работе – я выросла, стала лингвистом, преподавала в разных вузах и в том числе в ДВАГСе (ныне Дальневосточном институте управления – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ). На кафедре русского и иностранных языков встретилась с замечательным человеком – Ниной Николаевной Халовой, женой Павла Халова. Она была прекрасной рассказчицей, смешно в лицах передавала, как хулиганистый Паша высмотрел свою «Нинушу» в вечерней школе, как начал писать стихи...

Наверное, Хабаровск на берегу Амура – это город, располагающий к творчеству, поэтому не скудеет наша земля талантами. Ушли из жизни **Виталий Захаров** и

Виктор Еращенко, но на их место в поэтическом строю встают новые поэты. Работают творческие мастерские литературной площадки «АМУРиЯ» при Краевой научной библиотеке, открываются ранее неизвестные имена.

Российский литературный журнал «Дальний Восток», знакомит нас с дальневосточной поэзией. Было бы неправильным считать, что поэты-дальневосточники – это строгое мужское братство.

Дальневосточные поэты – это союз творческих душ. Каждый хоть раз признался в любви к суровому таёжному краю и к городу на Амуре. **Людмила Миланич** – не исключение:

*И плеск амурских волн, и предков боль,
И земляки, открытые, как дети,
И это все, единственный на свете,
Хабаровск мой, я назову тобой.*

«Женское лицо» дальневосточной поэзии светло и привлекательно. **Ирина Оркина** украшает своими работами не только выставочные залы страны, но и поэтические вечера.

Чрезвычайно разнообразны жанры современной дальневосточной поэзии и мощно звучат в этом хоре женские голоса. Сольную партию Людмилы Миланич продолжает Елена Добровенская:

Положенная на музыку и прекрасно исполненная композиция «Сердце-колокол» **Елены Добровенской**, стоит того, чтобы её послушать [19]

*Будто к матушке, припаду к траве
И услышу я колокольный звон,
Колокольный дождь, что в твоей Москве,
Отзовется в сердце, как тихий стон.*

Композицию текста «сшивают» не только классические рифмы, но и микрообразы на рифменной вертикали – особое средство текстообразования. При обычной рифмовке строк образность «распределяется» линейно, выразительные средства – тропы (метафоры, олицетворения, сравнения и др.) возникают на горизонтали, например, олицетворение: «...*Как пойдет по небу гулять гроза...*». При возникновении же микрообраза на рифменной вертикали сравнение рождается в рифмующей паре: «...*колокольный звон, ...как тихий стон*». Прекрасный оксюморон (сопоставление взаимоисключающих действий: мольба – «пощади» и призыв «вовсе не щади») последним аккордом завершает текст, передаёт состояние лирического героя:

*Ты не подведи, пощади, звонарь...
Во всю мощь звони! Вовсе не щади!!!*

Подобный приём создаёт «трёхмерность» текста, свидетельствует о поэтическом мастерстве автора.

Неустанно удивляет новизной тем и образов **Ирина Батраченко** – музыкант, поэт с абсолютным музыкальным слухом и честным чувством слова.

В журнале «Дальний Восток» публиковалась и подборка стихов хабаровского журналиста **Марины Семченко** (Шафран).

Её стихи давно «бродят» на просторах интернета. Я познакомилась с Мариной во время передачи на радио «Восток России» о поэтах и поэзии. И сразу выбрала для себя её «диптих о доме»:

*В доме должен быть кот.
В доме должен быть плед.
Древний бабушкин кустик алоэ.*

*И за плинтусом – вот! –
старый детский секрет.
И журналов стопа – про былое...*

Согласитесь, в этих стихах ...уютно. Хочется в дом, где соседствуют «кот, плед, древний бабушкин кустик алоэ» и в старом шкафу – связки писем, с хрупкими листами, мелко-мелко исписанными мамой... В этих стихах – жизнь, а не глянцевые картинки модных журналов. Автор подбирает очень точные слова, поэтому веришь всему, что написано, и эти строки, которые позволяют заглянуть в прошлое, побывать в гостях и вдохнуть запах кофе и яблок с корицей, хочется перечитывать вновь и вновь.

Дальневосточная поэзия принимает в свои ряды не только юных. **Галина Пысина** пришла в поэзию со строгой службы Закону. Понимая, что юридического образования для литературного творчества недостаточно, она в сентябре 2014 году поступила в Литературный институт имени А.М. Горького в Москве и в июне 2016 защитила выпускную квалификационную работу на Высших литературных курсах и получила диплом по программе «Литературное творчество».

Фрагменты лирических текстов Галины Пысиной:

*Фонарь укрылся между лап
Сосны, взъерошенной снегами...*
«Фонарь»

*Покрова! На Россию сошли Покрова.
Вновь и вновь повторяю я эти слова.
Богородица нам подарила Покров
Из надежды и веры на дом наш и кров...*
«Покров»

Я не открою Америки, если ещё раз скажу: поэзия многомерна, её пространство – «четыре дэ». Дальневосточный авангард в новом и новейшем литературоведении и истории литературы активно отстаивали и отстаивают хабаровские поэты: **Галя Ключ, Арт. Иванов, Марина Савченко**. Они открыто стартовали в 1997. Тогда «хабаровская тройка» (Ключ, Арт. Иванов, Савченко) создали сборник верлибров «Человек вызывающий» в поддержку фестиваля свободного стиха, который проходил в Москве в музее художника-авангардиста Вадима Сидура. Авторы доказали, что тайну искусства слова нельзя втиснуть в прокрустово ложе стандартной рифмы. Вслушайтесь в строки Марины Савченко. В её тексте «*Со звёздного на русский...*» классическое чувство цвета, переливы смыслов, которые являют тайну слова:

*С некоторых пор
Я делаю переводы
Со звёздного на русский.
С серого – на голубой,
С синего – на бирюзовый,
Или цвета морской волны.*

Поэт **Андрей Земсков**, где бы ни жил, кровную связь с родным краем и городом не теряет. Он говорит читателю, что ему «выпала честь пожить» в Хабаровске. Вот его поэтическое признание «городу Ха», сделанное в сентябре 2013:

*Между городом Ха и городом Ха –
Вся страна изо льна и мха,
Из дощатых сараев и пьяных рож,
Из полей, где овёс да рожь.*

Стихотворение глубокое, «с горчинкой», с остротой небезразличных автору «не пейзажных» проблем Хабаровска. Здесь и попытка осмыслить, что происходит в стране:

*Я вчера был неправ, а сегодня прав,
Но едва ли я стал другим.
Сколько будут ещё нас хватать за рукав,
Сколько раз перепишут гимн?*

У текста интересное, неожиданное композиционное решение: имя собственное «Ха» (наименования городов «Хабаровск» и «Харьков») 8 раз использовано в тексте из 32 строк, а слово «Ха», написанное с заглавной буквы, встречается в тексте 9 раз. Это, бесспорно, композиционный стержень. Попробуем провести лингвистическое расследование истории этого «Ха».

Читатель, удивившись (если он не хабаровчанин) с первой строки такому названию города, постепенно вживается в текст, который проясняется топонимом «Уссурийский бульвар» (топонимы – названия улиц от др.-греч. ὁδός- путь, дорога, улица, русло). Соотнеся это название с гидронимом «Амур» (гидронимы – названия рек от др.-греч. ὕδωρ- вода) уж и самый недогадливый читатель, воскликнет про себя (а то и вслух!): «Так это же он о Хабаровске!». Однако кольцевую композицию текста замыкает совсем иное «Ха»:

*Остаётся в ответ на причуды судьбы
Усмехаться тихонько: «Ха!»*

Так вот в чём дело! Последним словом текста стало междометие «ха». Автор использовал омоформы –

слова разных частей речи, совпавшие в одной форме. Хорошие стихи – это те, которые читать не скучно и хочется перечитывать, всякий раз открывая в тексте что-то новое.

В кимберлитовой трубке дальневосточной поэзии много талантов – алмазная россыпь. Настоящий искатель, старатель, добытчик, а попросту – внимательный читатель обнаружит там и замечательный многокаратный алмаз, получивший имя собственное и после огранки ставший бриллиантом – **Игорь Царёв!**

В журнале «Дальний Восток» печатались и подборки, сделанные самим Игорем Царёвым (Могилой), и стихи, опубликованные уже после его смерти – в осеннем номере 2013 года, и присланные женой поэта Ириной Царёвой позже. И, конечно, нельзя не заметить стихотворение Игоря «Город Ха»:

*Гроза над Становым хребтом
В шаманские грохочет бубны,
И парходик однотрубный,
Взбивая сумерки винтом,
Бежит подальше от греха
К причалу, пахнущему тесом,
Туда, где дремлет над утесом
Благословенный город «Ха».*

В жизни Игоря Царёва были города-судьбы, один из них – Хабаровск. Здесь он начал писать стихи, которые и сегодня наизусть читают его одноклассники, здесь учился, писал сочинение о будущем Хабаровска. Здесь он рисовал Утёс, над которым «дремлет Благословенный город «Ха»...

Здесь, в городе «Ха», о котором писал их сын, и сегодня живут родители Игоря Царёва – настоящие русские интеллигенты – Екатерина Семеновна Кириллова и Вадим Петрович Могила. Здесь на стене школы, где учился поэт, в 2016 появилась в память о нём мемориальная доска.

Ключевая фраза текста – *«И до сих пор сквозь все пределы/ Я этим городом ведом...»* наверняка заслуживает того, чтобы стать эпиграфом тысяч школьных сочинений.

Помните? Это я к тем, кто 1 июня 19... «не важно, какого года» писал утром школьное сочинение... Мы все держали в памяти, а кто-то – на шпаргалке, эпиграфы. За хороший эпиграф, написанный без фактических и иных ошибок, с указанием имени автора, добавляли балл! Короче, обращаюсь к «доегэшним» читателям. У нас в головах был обязательный запас четверостиший на темы войны, труда, природы, морально-нравственных норм. Вот такой, например: «Медаль за бой, медаль за труд/Из одного металла льют», «Гвозди б делать из этих людей/ – Крепче б не было в мире гвоздей»... Сочинения возвращаются в школьную жизнь, главное, их «не загуглить», не занудить, не формализовать.

Думаю, пора посмотреть на современную дальневосточную поэзию как на источник вдохновения. Как пишут литературоведы, юного А.Пушкина воодушевляли не только строки Горация и Г.Державина, но и стихи, романсы прочно нами забытых и канувших в Лету поэтов XIX века.

Сегодня уже бесспорно, что удел части текстов дальневосточных поэтов – войти в фонд классической поэзии XXI века.

Владислав Юзефов (1931-2005) [20]

Несбывшаяся мечта Николая Задорнова

глава из книга автора

«Годы и друзья старого Николаевска»

Моё знакомство с классиком дальневосточной исторической литературы Николаем Павловичем Задорновым началось с переписки с ним во второй половине 1965 года, а впервые мы с ним встретились в августе 1966 года во время его приезда в составе делегации дальневосточных писателей, прибывших в наш город на встречу с николаевцами. Именно после этой встречи между нами завязалась дружеская переписка, длившаяся много лет. Да и встречаться с Николаем Павловичем мне посчастливилось не единожды не только в Риге, где он жил постоянно, но и у нас на Нижнем Амуре, куда в 60-е годы-начале 80-х годов он приезжал неоднократно или в составе писательских делегаций, или просто в творческую командировку. За эти годы писатель побывал во всех старых посёлках и деревнях, в местах, где некогда жили, боролись, страдали и действовали герои его книг. Николай Задорнов не упускал возможности посетить наш музей. Он с неподдельным любопытством интересовался, что поступило из экспонатов со времени его последнего пребывания в городе, знакомился с новыми экспозициями, да и для своих будущих книг всегда в наших фондах находил какие-то крупинки и даже отдельные документы. К тому же, надо сказать, и сам Задорнов помогал музею всем, чем мог: своими книгами с автографами, копиями фотографий и документов, советами и т.д., также как и мы, он радовался нашему переходу в новое здание. В письме от 26 декабря 1972 года он писал мне: «Ваше терпение

победило! Теперь музей будет у жителей Николаевска одним из самых любимых и посещаемых мест. Я знаю, это была ваша цель».

Только на Петровской косе Николай Павлович был не менее девяти раз. И когда там шумел богатый рыбозавод, и народу жило великое множество, и когда всё остановилось, и на всей Петровской косе осталась одна нивхская семья рыбака Владимира Чурика, которого Задорнов с шутливой серьёзностью называл «комендантом Петровской косы». К этому месту Задорнов испытывал благоговейное отношение. Он считал, что именно с петровского зимовья на косе началась история нашего Дальнего Востока. Неоднократно писатель на встречах с нижеамурцами и местными руководителями, в своих письмах, статьях, очерках 1967-1970 годы поднимал вопрос об установке памятника на Петровской косе и о включении её в перечень заповедных мест. В одной из своих последних книг, написанных в 1967г., «Голубой час» Задорнов пишет:

«...пора Петровскую косу, с рощами редкого по красоте стланика, с массой цветов, дичи, с нерпами, с остатками нивхских древностей, эту чистейшую отмель, омытую морем, эту полоску земли в океане объявить заповедником и украсить величавым памятником, который виден был бы всем проходящим флагам... Тут похоронена не только дочь Невельского, умершая от голода, когда голодали в экспедиции все, и у её матери не было молока. Здесь же и могилы матросов, умерших в экспедиции, и знаменитых проводников Бошняка, которые открыли с ним вместе теперешнюю Совгавань, – Парфентьева и Беломестного. Они утонули в прибой при выгрузке с корабля, когда возвращались на косу. Здесь, конечно, были высокие, видные кораблям строгие кресты, которые ставятся на могилах моряков в

пустынных гаванях и на островах... Двадцать пять лет тому назад (Ю.В. – т.е в 1942г) я был на Петровской косе и писал, что тут нужен памятник, который был бы виден с моря, как когда-то кресты на могилах наших первых героев и. по сути дела, мучеников ради будущего. Но Петровская коса пока ещё пустынна. Могут возразить: зачем же памятник в пустыне? И кому? Ребёнку? Памятник нужен тем, кто начал возвращать Дальний Восток нашей стране и доказал наше право на этот край... Памятник героизму людей, которые пожертвовали собой, чтобы утвердить в огромном крае новую жизнь. С Петровского зимовья на косе начинается история нашего Дальнего Востока, его преобразования, заселения, обороны, исследования».

Об этом же Задорнов писал в письмах 1967-1968 годов в наш горком партии и лично мне. К счастью, предложение писателя об установке памятника на косе осуществилось ещё при жизни Николая Павловича в сентябре 1971 года. На том месте, где стояло Петровское зимовье (Петровский пост) по инициативе тогдашнего директора Хабаровского краеведческого музея *В.П.Сысоева* и ответственного секретаря общества охраны памятников Б.Лызова 12 сентября 1971 года был открыт скромный памятник с барельефом Невельского и транспорта «Байкал». А уже после смерти Николая Павловича на Петровской косе в районе предполагаемого расположения кладбища поставлен пятиметровый православный крест на бетонном основании, в знак памяти всех, кто похоронен в этой земле.

Была у Николая Павловича «голубая мечта»: создать в Николаевске мемориальный музей Невельского, восстановив для этой цели дом, где он в 1855г. жил со своей семьёй. Ещё в 1914г городские власти пытались создать в нём такой музей, но начавшаяся мировая война

всё перечеркнула. А «дом Невельского» пережил революцию, гражданскую войну, уничтожение города. Долгие годы он использовал под жильё и дожил до второй половины 50-х годов прошлого века. В 1945 г. Задорнов по документам и воспоминаниям установил его точное местоположение и к своему удивлению увидел, что старый дом стоит на месте.

В своих очерках, опубликованных тогда же в «Тихоокеанской звезде» и «Красном Маяке», он поднял перед общественностью вопрос о сохранении этого здания и превращении его в мемориальный музей Невельского. Но, к сожалению, эта идея Николая Павловича не нашла отклика в официальных кругах и постепенно заглохла. В том же «Голубом часе» Задорнов так писал об этом:

«Был в Николаевске старинный дом, построенный из толстейших брёвен. Теперь поблизости и кедра такого нет, не осталось. В этом доме жил Невельской с семьёй, после того как началась Крымская война, и он уехал с Петровской косы. Об этом доме, его архитектуре и истории, право, стоило бы написать монографию. Не стыдно было бы выпустить открытки с его изображением. В доме были тройные итальянские окна, прорубленные в кедрах, очень милая планировка комнат, отдельный ход для кухни, печка, которая отапливала спальню. Здесь жила знаменитая женщина, юная красавица Екатерина Ивановна Невельская, урожденная Ельчанинова, спутница и жена героя, талантливая и умная. Дом этот пережил разрушения и запустение города в конце прошлого века (Ю.В. – т.е. 19 века), устоял он и в страшном пожаре во время гражданской войны. И на тебе, снесли теперь этот дом, чего-то построили на его месте. Не хватало свободной земли среди великих просторов! А дом был крепким.

Мог еще сотни лет простоять...» Слова эти были написаны в октябре 1967 года. И только в начале 70-х годов идея Задорнова о создании «Домика Невельского», которую он неоднократно поднимал при своём очередном посещении Николаевска, нашла, наконец, официальную поддержку. Было решено построить вновь «Домик Невельского» (или словами музейщиков сделать «новодел»).

Сначала задумали восстановить дом в прежнем виде, как снаружи, так и внутри, то есть таким, каким он изображён на старинной фотографии. Потом было предложено отойти от скромного внешнего вида, каким он был на самом деле, и внешне дополнить и украсить его деревянными декоративными украшениями, характерными для Сибири середины 50-х годов 19 века (деревянная резьба, узорчатые карнизы и полотенца, художественные наличники, живописные ставни). То есть снаружи домик являлся бы образцом деревянной архитектуры и декоративного искусства 19 века, а внутреннее убранство и планировку восстановить, какими они были при Невельском.

Николай Павлович принял активное участие в подготовке предварительно документации будущего мемориального музея, прислал нам необходимые чертежи, внутренне описание и пр. были выделены средства на создание проекта, подыскивались специалисты по деревянной и декоративной резьбе, были собраны подлинные вещи, документы, различные копии (оригинал книги Невельского «Подвиги русских морских офицеров...», подлинные письма Невельского и его сподвижников, фотокопии автографов-подписей всех участников Амурской экспедиции, подлинный журнал промеров транспорта «Байкал» за 1849 год,

подписанный Казакевичем, и множество других оригинальных материалов).

Будущий мемориальный музей должен был стоять в городском сквере, восточнее нынешнего памятного знака «50-летия Победы» (солдатский треугольник). Перед домиком намечалось установить бомбовую пушку, что сейчас стоит в Пионерском парке, Царь-якорь (сейчас установлен ниже памятника Невельскому), ядра и металлическую мачту с флюгером, стоящую сейчас у речки Куегды. Авторство над проектом «Домик Невельского» взял преподаватель кафедры архитектурного проектирования Хабаровского политехнического института Альберт Николаевич Наумов. А в далёкую Ригу из Николаевска шли письма с подробным описанием, что собрано для будущего музея, что намечается, как идёт работа над проектом.

Николай Павлович тоже не оставался в стороне – в своих письмах он давал необходимые советы, давал адреса, где имеются подлинники времён Невельского, прислал все выходящие свои книги с автографами.

Но, увы! Началась перестройка, перешедшая в 1991 году, когда культуре срезали все финансирование, и проект создания мемориального музея Невельского остался лишь на бумаге...

Так и не сбылась «голубая мечта» Николая Павловича Задорнова...

ПОЭЗИЯ

Сергей Курьян

Малиновый чай

Стихи в прозе

За окном свистит ветер. Ночь. И снова не очень хочется спать.

За окном, как видно, тоже не спят, скучают.

Завтра ранний подъём, завтра рано вставать. А хочется только чуть-чуть помечтать, да пить горячий малиновый чай.

В двух метрах сопит сосед. У него таких мыслей нет. Он спит. Он свой чай выпил за ужином.

У него завтра тоже ранний подъём – просыпаемся мы, обычно, вдвоём. Но ему всё равно, что свистит за окном, да и чай с малиной не нужен.

Да и мне бы поспать. Но не спится, грустится. Так обычно бывает по пятницам. На часах то ли полночь, то ли два нуля – тридцать... ну, а впрочем, какая разница?

Прикрою глаза, говорят, так быстрее уснешь. Вспомню что-нибудь теплое, доброе с прошлого. Может, даже из детства.

Может, стоило меньше сегодня сказать, да побольше представить хорошего? Так сказать, прорешать все вопросы по средствам.

Ночь. Время суток, когда раскрывается сердце, а разум хмурится.

Ночь. Я без чая с малиной, закрыв глаза, отпускаю мысли свистеть по улицам...

Елена Перевалова

Городу Комсомольску-на-Амуре

Счастья тебе, город Юности,
Где наступает весна!
Мы ж до двух ночи с нотбуками
Третью неделю без сна...

Льдом и снегом пути все закованы.
И по-зимнему холодно в нем.
Лишь красавцы – как смоль черны-вороны
Оказали радушный прием.

Бог с небес, к совершенству нас двигая,
Щедро каждому выдаст в удел
Свою цель, свой талант, свою миссию,
Дом, начальство, семью, финотдел...

С тем, что дадено, надо бы справиться, –
К испытаниям силы дает.
За окошком весна начинается...
В финотделе отчет не идет...

Как же справиться с этой коллизией,
Чтобы с пылом – и в праведный бой!
Только подвиги Павки Корчагина
Перестали манить за собой...

Солнышко светит весеннее,
Поезд уж тронулся в путь...
Счастья тебе, город Юности!
Дай нам чуть-чуть отдохнуть!

Я проведу ревизию мечтам

Я проведу ревизию мечтам,
За годы их так много накопилось.
Одни исполнились, другие позабылись,
А третьи манят к новым берегам.

Так много хлама мы с собой несем:
Обрывки мыслей, чувств, эмоций, строчек.
И кажется порой – дошел до точки,
Свет белый не увидишь даже днем.

А это давят старые мечты,
пустых надежд пустые ожидания.
И сетуем опять на мирозданье,
Не понимая мира простоты.

Ведь вряд ли я хочу так много лет,
Нос, как у Ани, куклу, как у Светы,
Чтоб можно было нам с сестрой конфеты
На завтрак есть, на ужин и в обед.

Хочу ли я, как в школьные года,
Колготки в сеточку и тексты новых песен?
И стал давно мне мало интересен
Тот мальчик, что так нравился тогда.

Уже случился первый поцелуй,
Уже так много первого случилось...
И пусть не как мечталось, что-то сбылось,
Оставим отголоски прошлых бурь.

Я разберу, как убирают дом:
С отбитым краем выброшу посуду,

Мечты полегче сдам в макулатуру,
Тяжелые снесу в металлолом.

Оставлю то, что нравится всегда:
Браслет из янтаря, цветы, конфеты,
Друзей далеких письма и приветы,
Поездки, встречи, страны, города.

И нежный поцелуй под шорох волн,
И искры страсти, в воздухе разлитой,
И берег, солнцем утренним омытый,
И в вазе белой розовый пион.

Хочу любить свободно, как дышать,
Чтоб на губах ответное дыханье
Опять писало тайну мирозданья
Узором звезд в небесную тетрадь.

Еще мечты я свято сохраняю,
Чтоб рос мой сын здоровым и счастливым,
Чтоб вдохновенье творческим порывом
Меня будило с ним встречать зарю.

Стихи. Чтоб были нужные слова,
И я писала их рукою смелой
На запотевшем зеркале Вселенной,
Его касаясь пальчиком едва.

А новые мечты, как жемчуга,
Я соберу на нитку вдохновенья,
Чтоб солнечная радость достиженья
Растаяла сомнения снега.

И к звездам новым, к новым берегам
Я устремлюсь по зову сердца снова.
А если вновь почувствую оковы,
То просто сброшу за борт старый хлам.

Я проведу ревизию мечтам.

У любви голубые глаза

У любви голубые глаза.
Кто сказал? Почему же такие?
Растворяюсь в божественной сини,
И вернуться оттуда нельзя...
У любви голубые глаза.

У любви голубые глаза.
Кто же спорить из нас с этим станет?
Если холод в душе вдруг настанет,
Мне припомнится их бирюза.
У любви голубые глаза.

У любви голубые глаза
Мне спасением в омуте ночи.
Это ж кто и когда напоролил,
Что и в них отразится гроза?
У любви голубые глаза.

У любви голубые глаза.
Мы всегда будем помнить об этом.
Пусть сияют восторженным светом,
Только счастья мелькнет вдруг слеза.
У любви голубые глаза

Надежда Суркова

Уже дыхание лета ощущаю

Уже дыхание лета ощущаю –
Оно идет на цыпочках за мной.
С любовью май кудрявый провожаю
И расстаюсь на целый год с весной.

А летом ночи быстро пробегают,
Как сахар, тают звезды в вышине,
Когда на зорьке дни еще гадают,
Какое платье выбрать в тишине.

Надеть в ромашках или алых розах,
А может, просто пестрый сарафан?
На фоне неба нежные березы
Стыдливо прячут свой чудесный стан.

Меняет платья лето ежедневно,
Оно нас этим любит удивлять.
На голове – веночек непременно,
Чтобы под ручку с солнышком гулять!

Уже дыхание лета ощущаю –
Оно идет на цыпочках за мной.
С любовью май кудрявый провожаю
И расстаюсь на целый год с весной.

Сегодня к нам вернулось лето

Сегодня к нам вернулось лето.
Какое счастье, за окном
Веселый хор уже с рассвета
Приносит радость в каждый дом!
Улыбки дарят все друг другу
И поздравляют с первым днем.

И лето в пляс пошло по кругу...
О, как мечтали мы о нем:
Увидеть ласточек, стрекозок,
Услышать пенье соловья,
Под шепот кленов и березок
Журчанье чистого ручья.
Когда гроза отгромыхает,
Увидеть радугу-дугу.
Душа от счастья запорхает
Среди ромашек на лугу!
Сегодня к нам вернулось лето.
Какое счастье, за окном
Веселый хор уже с рассвета
Приносит радость в каждый дом!

Начало лета

И вот июнь – начало лета,
Бушует в поле и в садах.
Звенит и тенькает с рассветом,
Роса и свежесть на лугах.

Чуть солнце голову поднимет,
Свои владенья обходя,
Ликует птица в небе синем –
Не будет, значит, днем дождя.

Порхают бабочки, а пчелы
Спешат, трудяги, все к цветам.
Чтоб угостить потом нас медом.
Мы видим их то тут, то там.

Июнь нас балует – он щедрый:
От ягод – кругом голова!

Мы наполняем ею ведра.
В знак благодарности – слова:

«Спасибо, месяц долгожданный,
Один из лучших ты в году!
На радость, счастье Богом данный:
Все зреет в поле и в саду!»

Ольга Сулова

Летний День

Не торопится, плавится день...
От бессилья звенит тишина,
Как томителен августа плен,
Как натянута лета струна!

Под берёзой уснул ветерок –
Одолела бродягу жара.
Он от пекла совсем занемог –
Показаться раскатам пора.

Но с какой стороны же, с какой?
Приплывут тёмных туч телеса.
Сговорились лазурь с духотой –
Не пускают гостей в небеса.

Летний дождь

Летний дождь, его мгновенье
Без волненья, суеты, –
Как природы откровенье,
Ни к чему ему зонты!

Оживление проснётся
И очистится душа,
Сердце радостно забьётся
И не надо куража!

Летний дождь – природы праздник!
Он промчится на коне,
Как дитя и как проказник –
Он приносит радость мне!
Голубым дождём разливалось лето

Голубым дождём разливалось лето,
Принимало душ возле сопок эхо.
Морось ворожила на любовь с утра –
Ей бы обогреться, мокрой, у костра!

Серебром дождейки обмывали травы,
Занимая воды в Божьей переправе,
Выдавали листья трепетную дрожь,
Летний быстрый дождик – как же ты хорош!

В томном поднебесье серая лепнина,
Кто-то греет душу, сидя у камина.
Дрёму навевает мороси секрет,
А меня спасает старый тёплый плед.

Антонина Кухтина

Наши дети

Наши дети – наши гости
Лет на двадцать – двадцать пять,
Даже меньше, ну, а после
Им своих гостей встречать.
И таким свой дом построить,

Чтобы в нём хотелось жить,
Чтоб с любовью и достойно
Внуков наших в нём растить.

Ну, а мы, детей отправив
Строить собственный очаг,
Их дождёмся лишь на праздник,
Но всего на день... на час...
Как бы ни было нам грустно,
Их придётся провожать,
Личный выбор их и чувства
Принимать и уважать.

Если ж детям станет плохо,
Будем в гости приглашать,
Не затем, чтоб ахать-охать,
А вниманием поддержать.
Чтоб душой понять их беды,
Просто рядом посидеть,
Просто маминым обедом
Накормить и обогреть.

В этой жизни, очень краткой,
Без расчётов и затей,
Навсегда и без оглядки
Мы должны любить детей.
Пусть они другие, пусть им
Счастье видится в другом,
Но всегда со светлой грустью
Пусть им помнится наш дом.
15.06.2000

Не бойся жить!

Девчонка стоит на перроне,
Билет пассажирский в руках.
Подружки давно в том вагоне,
Она ж не решится никак.
Стоит, рассуждая печально:
«Эх, как бы узнать наперёд,
А вдруг этот поезд случайно
В аварию где попадёт.

Пусть солнце в окошках лучится,
Но трудно меня провести,
Ведь всякое может случиться
На том, неизвестном, пути,
И вместо прекрасного бала
Меня ожидает кошмар...»
Стояла она, рассуждала,
А поезд уж выпустил пар.

Подружки в вагоне смеялись,
Кричали: «Входи же скорей!»
Но ужасы ей представлялись
За мутью вагонных дверей.
Ей было совсем не до смеха.
Стояла, уставясь в перрон...
И мимо тихонько проехал
Несбывшейся жизни вагон...

Ликуй, моя радость

Ликуй, моя радость!
Грусти, моя грусть!
Вы мне, как награда.
Потом я вернусь

Туда, где забвенье
И вечный покой,
Где царствует тленье,
Где стану землѣй.

Лишь дух бестелесный,
А, может, душа
Взовьётся над лесом,
Куда-то спеша. \
Но этому чуду
Не радуюсь я.
Не я это буду,
И жизнь – не моя.

Как мне, безъязыкой,
О чём-то сказать?
Без рук и без лика
Дитя не обнять.

И сердце без сердца
Не сможет болеть.
И песне не спеться,
Ведь нечем там петь.

Вздохнуть полной грудью,
Да ноги размять...
Беду вашу, ЛЮДИ,
Мне там не понять...

Как там оценить,
Что такое семья?
Душа будет жить,
Но при чём же здесь я?

Ускорят ли люди
Последний мой шаг,
Какою же будет
При этом душа?

Умру ли убогой,
Несчастной, больной,
Забывшей о многом,
Что было со мной.
А вдруг в одночасье
Счастливой, богатой
Мне с вами прощаться?
Что будет тогда-то?

Увы! Но я знаю,
Мне так не прожить.
Я слишком земная,
Чтоб тело забыть.

Пока человек ты,
Ликуй, коль смеётся,
Грусти, коль грустится,
А там как придётся...

Приму я смиренно
И радость, и грусть...
Что будет за тленом,
Сказать не берусь...

Татьяна Модестова

Июньский полдень

Июньский полдень, жаркий и ленивый,
Людей немного, спрятались в дома,

Край неба чистый, донельзя красивый,
От облаков белым-бело, зима?

Да нет же, лето, ведь цветы повсюду,
Как будто бисер, россыпью в лугах,
Спит озеро, похожее на блюдо,
Кувшинки скрылись снова в камышах.

Здравствуй август, здравствуй грусть

Здравствуй, август, здравствуй, грусть
И холодные дожди!
Лето кончится и пусть,
Осень будет впереди.

Листопадом упадет
И вселенскую тоской,
Нас у лета украдет,
Жизнь покатится рекой.

Лишь холодной зимой
Лето вспомнится не раз,
Август, грустный месяц мой,
Предосенний парафраз...

Дожливый день

Трюфель с кофе – вот спасенье
Мне в дождливый день,
Съем конфетку с настроеньем,
В дом впускаю я лень.

Будем с нею бить баклуши
И смотреть кино,
Тишину лишь дождь нарушит,
Что стучит в окно.

Дождь холодный и усталый,
Заходи ко мне!
Жаль, вина осталось мало,
Только чуть на дне...

Раиса Андреева

Июньский дождь

Небо хмурится с утра,
Испугались деревья,
Машут ветками-руками
И качают головами.

Звонко капли: тук- тук- тук.
Барабанный перестук?
Кто играет и балует?
Дождик весело танцует!

Застучали озорно
Капли мокрые в окно,
Дождь доволен – всем он нужен,
Бойко шлёпает по лужам.

Заплескались пузыри –
Нет погоды до зари.
Дождь идёт... стоит стеною...
Льёт завесой дождевою.

За ночь выросла трава,
Подтянулись деревья.

Наслаждаемся покоем,
Тишину с тобой откроем.

Утром солнечным поймёшь –
Благодатный лился дождь.

В старом парке

Лебедевой Кармии Александровне,
лучшему учителю русского языка.
*То, что дорого сердцу, не надо
ни крушить, ни ломать, а беречь.
Парк «Динамо» – отрада, услада
для прогулок, нечаянных встреч.*

В старом парке уют и прохлада,
Всех укроет от зноя листва.
И спешить никуда не надо –
Видишь, ветер плетёт кружева.

Кружева из тени и света
Закружили по парку меня,
Оркестровые звуки привета –
Украшение летнего дня.

Я к боярышнику присяду,
С ним боярыней посижу.
Белизной, берёза, порадуй,
Напиши на берёсте судьбу.

Платье лёгкое оригами
Красит тонкой рябины стан,
Девой робкой присядет с нами
И споёт про давний роман.

Как любил её дуб высокий,
Как стремилась к нему она,
Но по-прежнему одинока
Непривеченная душа.

В старом парке покой и прохлада,
Всех укроет от зноя листва,
И спешить никуда не надо...
Плечи мои обнимает облако-тишина.

Сонет №1

Сказал сегодня: «Ты меня не мучай,
Устал от водопада слов твоих».
И вмиг на небо набежали тучи,
И холодно от слов ... уже чужих.
Притихну сразу и закрою окна,
Сотру салфеткой радугу с небес –
Цветы поникнут. Птицы все замолкнут,
Как будто дома не было чудес.
Траве сказать, чтоб не была зелёной.
Кукушке приказать не куковать.
Мне, словом и тобою окрылённой,
Так тягостно молчать иль не писать.

Салфетка с радугою в небо взмлет –
Мы рассмеёмся. Снова в мире двое.

Алла Сенавина

Известно всё о близком человеке

Известно всё о близком человеке,
Как было б лучше, может быть, не знать.
Я так хочу забыть тебя навеки.
И больше никогда не вспоминать.

Зачем будить, зачем тревожить память
Давно забытых тех далёких дней.
Цветёт весна, но снеговая замать
И лютый холод на душе моей.

Кто виноват, что чувства охладели,
Что память сердца превратилась в ад,
Что бесконечно тянутся недели.
Не знаю кто, но ты не виноват.
Всё в этой жизни по своим законам.
И пред тобою лгать я не могу.
Но я тебя среди своих знакомых
Не отнесу ни к другу, ни к врагу.

Ты мне не друг, в друзьях ценю я точность,
А ты же ненадёжный человек.
Всё для тебя: достоинство ль, порочность,
Иль честь мужчины – всё минувший век.

Но и врагом моим ты быть не можешь.
Враг должен быть решителен и смел.
Но, если ты ни друг, ни враг, то кто же?
Ответ, навряд ли, слышать ты хотел.

Всё ж не желаю я тебе несчастья,
Ведь ты мне был когда-то дорог, мил.
Так пусть с тобой идёт по жизни счастье
Лишь то, какое сам ты заслужил.

В твоей я жизни ничего не значу

В твоей я жизни ничего не значу,
Ты в жизни той грустишь не обо мне.
Не знаешь ты, смеюсь я или плачу.
Ко мне приходишь только лишь во сне.

Шумит листвою куст сирени белой.
Ах, если б мог он что-нибудь сказать.
И, если б знать мне, что могу я сделать,
Что б больше о тебе не вспоминать.

Но как забыть, ведь каждое мгновенье
С тобой я помню. Век с тобой мне мал.
Пройдут года, быть может, ты оценишь,
Что ты имел, и что ты потерял.
Но пусть тебя раскаянье не мучит.
Ты прав во всём. Спокойно совесть спит.
Пусть жизнь меня чему-нибудь научит,
Боль отойдёт, и сердце замолчит.

Жизнь – океан, приливы и отливы.
Нельзя прожить на свете, не любя.
А ты живи, люби и будь счастливым.
Зачем мне мир, в котором нет тебя?

Тебя я не забыла

Тебя я не забыла, но свиданья
С тобой не жду. Ты не в моей судьбе.
Невелико меж нами расстояние,
Но знаю я, что нет пути к тебе.

О том, что было, вовсе не жалею,
Что не случилось, тоже мне не жаль.
И образ тот, что в сердце я лелею,
Мне не дарит ни радость, ни печаль.

Лишь иногда, страдая от разлуки,
Внезапно я на том себя ловлю,

Что мысленно твои целую руки,
И что тебя по-прежнему люблю.

Людмила Скрипченко

На краю Востока Дальнего

На краю Востока Дальнего –
Он когда-то диким слыл –
Звона нет давно кандального,
Что по синим сопкам плыл...
Заселяли земли новые
На просторах у реки
Много лет назад бедовые,
Удалые казаки!

Ото всей России-матушки
Шел отчаянный народ.
Вслед церквей светились маковки,
А тайга звала вперед!
И по всей тайге нехоженой
Застучали топоры...
Сколько здесь дорог проложено
С этой памятной поры!

Память прошлого печальная.
Здесь – поклонные кресты.
Но земля твоя опальная
Возродила все мечты!
Чтут потомки память вечную
И молитвой, и трудом,
И зовут тебя Отечеством,
Строят свой надежный дом!

Ты, земля моя любимая,
Мой Восточный милый край!

Сторона моя родимая,
Обновляйся, процветай!

Береза белая

Стоит береза белая
Невестою несмелою,
Колышутся сережки на ветру,
Полна весенней свежести,
В ней столько милой нежности,
Заря ее румянит поутру...
Играет солнце красками,
Подхватит ветер ласковый,
Листвы ее прозрачную фату,
И всякий раз волнуешься,
Глядишь, не налюбуйешься,
На тихую родную красоту...

Смотреть всю жизнь хотела б я
На это чудо белое,
Изгибы кружевных ее ветвей...
И сердце грустью полнится,
И песня вдруг припомнится,
Что пел для нас с тобою соловей...

К тебе, моя приветная,
Тропинку неприметную
Вечернею порою отыщу,
С тобой, моя желанная,
Делить секреты стану я,
Обняв тебя, тихонько погрешу...

Восход. Закат

Безмолвен лес.
Еще не все проснулось,
Размах небес
Еще не озарен,
Грустит луна...
И...солнце улыбнулось,
Тревожа мир,
Едва заря видна...
Померк закат,
Рождает небо звезды,
Издалека
Растет ночная тень...
Остыл туман,
Дымит прохладой воздух,
Уходит день, уходит день...

Галина Пысина

Приходит август

Приходит август незаметно,
Закатом розовым томит.
И над Амуrom неприметно
Уж осень нежная парит.

Она природу украшает:
И золотит, и серебрит,
И зорьки яркие встречает,
И к молодым благоволит.

Кончается лето

Кончается лето —
приходят дожди.
От них не уехать,

от них не уйти...
Они огорошили
буйство листвы,
Оставив горошины
желтой канвы.
Теперь-то уж точно:
листва пожелтеет
У зелени сочной,
и лес похудеет.
И всё-таки где-то
от бабьего лета
Дождемся кусочка
мы яркого света!
Небес синева нам
подскажет слова,
И спектрами станут
закат и листва.

А нынче —
промозгло и сыро.
Уныло.

Писателю Н.Наволочкину

Он рос в краях — совсем необычайных
Среди озер — разливов наших рек.
Изведаль он родной природы тайны
За свой великий, яркой жизни, век.

Здесь камнепад застыл великолепьем,
Тревожа пыл и молодость сердец.
Он вдохновлял заоблачным бессмертьем
Писателя на сказочный ларец.

Банк сказок рос. Сверкали в нем камни.
И образы входили в каждый дом,
Даруя деткам радость и веселье
И добрых дел примеры. И потом

Росли из них прекрасные ребята –
Любили родину и отчий дом.
Защитники, надежные солдаты
Всего, что завоевано трудом.

Трудом дедов, отцов и старших братьев.
Писал о том в своих романах он,
Чтоб помнили. А родины объятьев
Не предавал и был в нее влюблён!

Хабаровчанин! Помни это каждый,
Творил тебя своим большим трудом –
Писатель Наволочкин. Важно.
Вам помнить это. И хранить свой дом!

Ольга Бунина

Святому Луке Крымскому
Войно-Ясенецкому Валентину Феликсовичу

Попалась книга мне одна –
«Я полюбил страданье».
До слёз была потрясена
Таким вот испытаниям.
Войно-Ясенецкий
хирург от Бога был.
Писал статьи и книги –
большим учёным слыл.

Его советы, опыт
спасли в войну людей,
Учебник хирургии
дошёл до наших дней.
И доктор, и священник –
он чудеса творил.
За веру и служенье
народ его любил.

Донос соседский, злобный
жизнь не одну сломал –
И Войно-Ясенецкий
судьбы не избежал.
Я летом отдыхала в Крыму,
в Керчи была
И, просто так, случайно,
на церковь набрела.

Произошло знакомство
на уровне земном:
Скупые строчки, сжато,
написаны о нём.
Лука – служитель Бога,
здесь души врачевал,
Стоял за веру стойко,
её не предавал.

Лихие испытания
он перенёс в борьбе,
Но гордо нёс страдания,
наперекор судьбе.
Аресты, пытки, ссылки,
удары – всё под дых.
И был причислен церковью,
за муки, в лик Святых.

Подражание Шекспиру. Сонет

В своих стихах не вижу новизны:
Я повторяю то, что уже было.
Пусть все слова давно освещены,
Побалуюсь я рифмой – и забыла.

Пыталась англичанам подражать,
К французам, к итальянцам – за советом.
И как мне стих со словом повязать?
И как найти? Поеду к морю летом.

И там спрошу у моря напрямик:
«Что волны здесь поэтам нашептали,
И как они поймали славы миг,
И как к вершине имя поднимали?»

Слова любви я Музам посвящаю.
И в слове том весь мир приобретаю.

Ноктюрн

Увидел Розу Соловей в саду,
Она сразила красотой и цветом.
И сразу объяснился на ходу,
И был вознаграждён её ответом.

Ноктюрн он к встрече с милой разучил,
Старательно так повторял рулады.
Он приоделся, в сад к ней поспешил,
Предчувствуя любовные улады.

А в сад неслышно сумерки вошли,
Для Соловья ведь это не помеха,

Внимали все, поклонники пришли,
Спала лишь Роза – стало не до смеха.

Зарёкся петь ноктюрны Соловей
Для тех, кто глух к мелодике речей.

Изольда Казанова

Мотивы амурских народов в хокку

По речке плыву,
что вижу, о том пою!
Певец, однако.

Вот Мангбу-Амур!
Только на оморочке
Переплыть смогу.

Амур широкий.
Сеть длинная тяжела,
Рыбы в ней много!

И осень пришла,
И кухлянка новая:
Жениться пора

Рыбы наловил,
Дома жена, дети ждут,
Хорошо живут.

Собака воеет
Луна полная взошла
Вижу, однако.

По тайге хожу
Ступаю тихо, как рысь:
Ичиги ношу.

Зверя не спугну,
Хранит меня Дух леса:
Ягод наберу.

Знаю где искать,
Где лимонник собирать,
Где женьшень копать.

И сети чиню,
И оморочку чиню:
Путина скоро.

Добыл изюбра,
Сушу и вялю рыбу:
Зима долгая.

Не кричат чайки,
У фанзы спят собаки.
Зима, однако.

Ногам хорошо:
Торбаса жена сшила,
Узор вышила
Снег идёт давно.
Фанзу снегом замело,
Уже весну жду.

Нижние люди
Ждут и меня. Однако
К ним идти пора.

Юрий Евстифеев
Бульвары

Люблю гулять я по бульварам
Среди деревьев и цветов
Когда прохладой дышит – влагой
Амур, разящий в грудь стрелой.
На берег волнами накатит,
Взбурлятся воды пеленой,
И Афродита вдруг восстанет,
Украсив Град своей красотой.
Там Муравьев на пьедестале
С кургана взгляд кидает вдаль,
Задорнов с книгой восседает,
Рассказы пишет про Хабар.
Там на вершине, златоглавый,
Собор воздвигнут для Христа,
На площади Великой Славы...
Почёт...
Почёт всем павшим навека.
К прудам зайду на посиделки,
Любуясь праздником воды,
Роскошно там поют фонтаны,
Играя светом для луны.
Утёс Амурский навещаю,
Укутаюсь ветрами, уходя,
На пароходе в ритм с волнами
Поклон Хабаровску даря.
Люблю...

Люблю гулять я по бульварам
Среди аллей, тиши земной.
Там брат с сестрой живут в опале
Журча легендой золотой.
Люблю...
Люблю гулять я по бульвару.
Там возрождается душа,
От всех невзгод – улыбка края,
Храните наши чудеса.

Тень

С прохладой ветер – ночь июля,
Вьёт облегчение от зноя дня;
Луна усталостью зевнула,
Холодным светом озаря.

Тихой влажностью укутав,
Несёт нам ветер звёздную пыль:
Кому рождение – жизнь этюдов,
Кому забвенье – тишь да штиль.

Отрывает тень от тела,
Журавлиным клином ввысь;
Сердца стук – уходит в небо,
Оторвавшись с кроны лист.

Тень плывёт. Идя по миру
Тихой поступью летя,
Хочет путь закончить зримо,
Продолжая жизнь чела.

И блуждает тень без дела,
Продолжая путь земной;

Коль душа в ней не созрела
Для ухода в мир иной.

То прохожему на плечи
Превратившись в покрыва
Заберётся, дух трепеща,
Заморозив времена.

То в беспамятстве блуждает,
Разнося тревожный скрип,
Мысль живущих будоража
Разрывая себя в крик.

Мечтай

Мечтай о будущем – пускай летят
Свои мгновения не трать для пустоты,
Ты ими сотворишь дорогу вдаль,
Как властелин своей судьбы.

Не предавай свои мечты.
Полет без крыльев не возможен,
Реализуй мечтания в свои труды,
Соткав полотно – мир дорожек.

Свои мечты преображай в реальный путь.
Ты сотворишь осознано сознание,
Своим, а не чужим умом
Увидишь ясность мирозданья.

Игорь Оринов

Любовь – есть творчество души

Пока Живёт во мне Любовь –
Я Буду Жить со Смыслом!..
Бежать по Жилам будет Кровь –
Дым в Думах Коромыслом!..

Пока Надеждами Горит
Во Мне Огонь Желанья!..
Душа мне Будет Говорить –
«Мой Долгожданный!..»

И Дух – Отправленный в Полёт –
К Пределам Всех Мечтаний!..
Меня с Собой Позовёт
На Край Вселенной Дальний!..

Там – За Невидимой Чертой –
Живёт Моя Принцесса!..
Что Письма Прямо в Сердце Шлёт –
Она Ведь Поэтэсса!..

Почти такая же – как я...
Но только ДЕвица!..
«ВЛЮБЛЁННЫЙ В СОЛОВЬИХУ Я!..» –
Кричу!.. Аж, Самому не Верится!..

«Ну, как Такое может Быть?!..» –
Вы не Поверите!..
Но Чтобы Искренне Любить –
Надо Любви Довериться...

И Разожжёт Она Костром
В Душе Зарницы!..
И Счастье Впустит в Каждый Дом –
И Будут Сниться –

Зелёные Духмяные Луга, –
Где Зреют Травы!..
Озёра Голубые! Облака!..
Берёзовые Рощи и Дубравы!..
Всё то – что Называют Родиной!..
А Мужики Отечеством зовут!..
С Любимой мы Займемся Творчеством!.. –
Потомство Новое в России Ждут...

Любовь – Всё этим Сказано

«Бог есть Любовь!..» – коль Любят Люди,
Знать, в нас она Живёт и Каждый день
О Нас с Тобою и о Мире Судит...
Но Никого не Садит под Замок за Дверь...

Любовь – свобода Чувств и Отношений,
А не унылый и заштатный Быт!..
Любовь – когда есть Дни Рождения
У тех, кого Смогли в Любви Родить...

С Любовью пироги Печь с Маком!..
С Любовью Полки Прибивать,
И, Закусив Спечёнными со Смаком,
Друг Дружку Снова Вдохновлять!..

Не в этом ли Весь Смысл?.. Взаимность
В Поступках, Чувствах и Делах!..
Любовь – не Просто Говорильня

Она в Душе – не «На Словах!..»

Чем Больше Сами Отдаёте –
Тем Вам Вернётся во Сто Крат!..
Но не Ищите – не Найдёте
Любви в тех, кто Готов лишь Брать!..

Она – «Союз Меча с Оралом!..
И в Песне – «Рифм Союз и Лиры!..
Она в Постель под Одеяло
Заглянет Вечером, Шепнув – «Мой Милый!..»

Я эту Деву Нахожу Повсюду!..
Она Сама всё Делает и никого не Ждёт!..
Её Зовут «Любовью» – просто «Любой...»
Любой из Вас её – Коль постарается – Найдёт!

О детстве в Питере, Друзья, замолвлю Слово!

Эпиграф:

«Мне Детство постучало по Плечу,
Напомнив то, о чем Грущу...
И коль Судьба в ответ прошепчет: «Не Пущу!..
Об одолженьи Музу попрошу,
Чтобы Небесный пламенный Огонь
Отправил Сердце в Город мой Родной,
Чтобы Душа с ним повстречалась снова...
Уже название готово –
«О Детстве в Питере, Друзья, замолвлю Слово!..»

Привет, мой милый город Детства!
Хрущевок помню, новых, строй,
Где поселились по соседству
Мои друзья – и Мы «с Тобой!..»

Как прибежав домой со школы,
Все выполнив, и все прибрав,
Спешил на встречу вновь с Тобой,
В руке «Сокровищем» зажав

Горбушку круглого ржаного хлеба,
Намазанного маслом от души
И сахаром посыпаную белым –
«Желанную Награду» за труды!..

Как наигравшись и набегавшись с друзьями,
Взбегал вприпрыжку на родной этаж...
И из-под кухонного крана
Воды хлорированной вдоволь похлебав,

Ребячьими делами занимался –
За рыбками ухаживал и наблюдал...
«Ракеты» мастерить старался...
И детскую энциклопедию листал...

Не перечсть всего, что в Детстве было –
С ребятами облазили мы ВСЕ!..
Хватало же на это Силы!..
Я помню до сих пор еще

Питомник саженцев! Домов подвалы!
Окрестности далекие вокруг!..
Ну, и – само собой – все то, что Звало...
Что Ленинградом собственно Зовут!..

Музеи, Набережные, Дворцы, Соборы!..
Мосты и Скверы! Площадей
Простор и Дух Свободы!..
Курсантские лихие Годы...

Что может быть еще Светлей
Воспоминаний ранних Детства
И Славных Юношеских лет!..

Пока не знаешь «О Злодействах...»
Которым оправданья Нет!..

Георгий Разумов

От июля...

От июля остался обмылок.
День, другой — и его уже нету.
Август дышит июлю в затылок.
Ну, а августом кончится лето.
Оно кончится как-то внезапно.
В никуда растворится, умрёт.
И на смену ему аккуратно
Легкой поступью осень придёт.
Принесёт и дожди, и туманы,
И чарующий взгляд листопад,
И какой-то неведомо странный
Ностальгический аромат.
Он напомнит далёкое детство,
Деревенский нехитрый уют,
Все, что дорого старому сердцу,
Что судьбу составляет мою.

Как я лето люблю

Как я лето люблю, как чарует зима,
Как мне сердце приятно тревожит весна...
Но всего мне родней листопада пора,

Что волнующей тайны и неги полна!

Той волшебной порой замирает душа —
Заколдована грустью лесов и полей.
Что-то тянет её высоко в небеса
К стаям тихо плывущих на юг журавлей...

Исчезают они в голубой синеве,
Пропадает в дали их невидимый след.
И с собой забирают на легком крыле
Все душевные раны и груз прошлых лет.

Всего полчаса

В это раннее утро
Кругом все спало,
Только крик петухов
Будоражил село.
По реке расстилалась
Зеркальная гладь,
И в округе хозяйкой
Плыла благодать.
Бриллиантом в траве
Серебрилась роса.
До войны оставалось
Всего полчаса...

22.06

Борис Марков

Еврейский музыкант

Еврейский музыкант, будь осторожен,
Футляр потёртый тронуть не спеши...
Сей инструмент, не просто очень сложен,

У скрипки струны – ниточки души.

Был молод – голос скрипки раздавался
На тризне, свадьбах, праздниках... Шолом!
Смычок играл, что даже волос рвался...
Душа моя, ты помнишь о былом!

Мелькали вереницей год за годом,
Согнула спину тяжесть прошлых лет,
Коль ты еврей – под этим небосводом
Научат помнить праотцов завет.

Волшебной музыкой звучанья скрипки
Спасёшь едва... Как огоньком свечи....
Играй скрипач, но всё же помни – зыбкий
Фонарик твой для путника в ночи.

Ты можешь увести, где нет возврата,
И можешь, обманувшись, обмануть...
И как итог – или любви утрата
Или любовь, но так, что не вдохнуть...

Скрипач, раз взявший в руки скрипку –
Ведь для таких, как ты, и ад, и рай.
Скрипач, прошу – не соверши ошибку....
Но всё равно, скрипач, играй, играй, играй!

Нереиде

Я вспомнил море, берег, свечи на песке.
Их сердцем кто-то выложил умело.
Как мы с тобою шли рука к руке,
Мы шли и шли, а сердце все горело.

Радужную узбечку вспомнил я,
Что нас с тобою часто привечала.
И снова думал: жаль, что не сначала
Листаются страницы бытия.

Прибой шумел, был летний пляж пустынен,
И утра хлад, и чаек суета.
И ветер был, конечно, не повинен,
Что нереида плавала одна.

Рассветы, море, ночь, закаты,
Нам довелось в мозаику сложить.
Мне жребий выпал, мнится святым
Галеною* спокойной дорожить.

**Галена – одна из нереид, «Спокойствие»,
Божество спокойного моря. Согласно Мнасею,
рождена Рыбой и её братом Покоем, сестра
Мурены и рыб-Веретен.*

Длинная июньская ночь

Загадал. Да или нет. Может зря?
И не потому, что выпало нет,
а очень хотелось да.
И вовсе не ерунда
то, что сказано в самом конце
Декабря за пару часов до.
«Всё. Теперь всё.
Теперь точно всё».
И почто мне знать,
сколько ещё степеней превосходства
В этих словах может быть.
Многое слышу,
Но в тишине нахожусь.

А по течению плыть прочь
Разве легче?
И уж тем более жить
знанием, Не по ученью.
Как же длинна эта июньская ночь...
И совсем не так, как учили,
понимаешь теперь
Завет
пилота-романтика
про ответ за тех,
Кого приручили.
И не переспросишь у всех,
Далеко не все это получили.
А он?
Улетел и уже не помочь.
Не вернулся.
Боже,
как же длинна эта ночь в июне
Для тех, кто неба коснулся.
Несвоевременно да —
стократ хуже,
Чем своевременно нет.
Значит мне снова и снова
Держать ответ
за то, что весь в заплатках асфальт.
Если вернёшься собой,
с семихолмовых Мальт...

Игорь Мосин

Зеркала

Есть странная особенность зеркал,
Мы в каждом отражаемся иначе,
Я столько лет в них разницу искал,

Но так и не решил простой задачи.

И дело здесь не в том, что кривизна
Присуща всем, кто облик отражает:
Не сущность наша в зеркале видна,
А тот, кого наш мозг воображает.

За зеркалом идет другая жизнь,
В нее нам не подвластно погружение,
Не в состоянии мы сказать «вернись»
Тому, кто пропадет через мгновение.

О, сколько жизней льется в зеркалах,
Мою одну фальшиво повторяя,
Свою судьбу играют, как впотьмах,
А я об этом ничего не знаю!

Но, может, настоящие – они,
И там стучится кровь моя живая?
А я лишь зазеркальные огни,
Живу здесь, сам того не понимая.

Я ненавижу тусклый свет

Я не приемлю полумрак:
Обман легко в нём можно спрятать,
На честного – навет состряпать,
В нём умным кажется дурак.

Я не терплю прогорклый дым:
Бесшумно издали вползает,
Отравой воздух наполняет
И нет спасенья перед ним!

Я ненавижу тусклый свет!
В нём нищета и прозябанье,
И грустные воспоминанья
О том, чего давно уж нет.

Другое дело свет свечи!
Живое пламя очищает
И душу нам преображает
Огонь для «странника в ночи».

Надежда

Люди ждут «двадцать-двадцать», надеясь на чудо:

Вдруг счастливым окажется год для Земли,
Как язычники крутят гадания блюдо,
Веря в то, что удачу волхвы принесли.

Мол, до этого жизнь не сложилась случайно –
Сумма цифр не сходилась в минувших годах!
И все беды у нас приключались нечаянно,
Разбивая надежды и чаяния в прах.

Все живем в ожидании – прибудет Миссия:
Разберётся, накажет, к ответу призвав,
Сами мы изменить в этом мире бессильны
И порядок, и власть, и свой собственный нрав.

Но пройдет «двадцать-двадцать», и мир
оглянется:
Перемен никаких не предвидится вновь,
Грустно каждый в душе про себя улыбнётся,
И, возможно, тогда возродится любовь.

Апрель 2017г

Галина Усова

Как цветёт ошалело калина

Как цветёт ошалело калина...
В белым пламене зелени куст...
Очарованно, в кружеве дивном,
Как к невесте рукой прикоснись...

Ощущение влажного утра,
Между пальцами зонтик цветов
Проскользнул, словно шёлковый узел,
Развязал на невесте покров.

Распушились цветы, не стесняясь
Красоты своих нежных цветов...
Лепестков белоснежных касаясь,
Руки словно белы от снегов...

Полог платья, расшитого нежным,
Заиграл, как зелёный велюр.
Спрятан ствол под раскидистым пледом,
В белозвёздном, калина – раю...

Распахну-ка я окна

Я люблю на восходе стоять у окна,
Наблюдать за рассветом, когда тишина.
Розовеет полоска в дали голубой,
Отражается солнце над тихой рекой.

Распахну-ка я окна, там воздух хмельной,
Аромат от черёмух ворвался в окно,
Закружила узором калина в цвету,
Ветерок растрепал её цвет на лету...

Захмелел ветерок и притих, озорной,
Уступая пчелиным жужжаниям, игрой
В кружевах молодых лепестков, словно гул,
Шелестково-пчелиный разносится шум...

Я люблю на восходе стоять у окна...

Я очарована...

Романс

Я очарована твоим признанием тихим,
И только взглядом ты скользишь, как тень,
И обжигаешь, приближаясь шагом зыбким...
«Не оступиться б, словно в бездну дней!»

«Не оступиться б, словно в бездну дней!»
Наша любовь, как колдовство фантазий красок,
Как фейерверк восторженных речей,
И без сомнений – не оденем ложных масок,

Не отдадим разлучнице ключей.
Не отдадим разлучнице ключей.

Мы восхищаться будем вместе встречей утра,
И на ладони принимать зарю...
А наши чувства, как «восьмое чудо» – будто,
Как оберег, преподнесёт мечту.

Как оберег, преподнесёт мечту...
Я очарована твоим признанием страстным,
И доверяюсь нежности твоей.
Твои ладони обнимают мило, властно...
«Не оступиться б, словно в бездну дней!»
«Не оступиться б, словно в бездну дней!»

Нина Шаповалова

Тумнин

Знаю: здесь нравится всё:
Сопки, рассветы, туманы,
Травы с прохладной росой,
Берег и левый, и правый.

Что бездорожье? Ничуть
Не испугает всех зрячих.
Стоит чуть-чуть повернуть,
Вот уже ключ наш горячий.

Правда, тайга строга –
Любит, кто знает приметы,
Но никогда не могла
Быть тусклой и безответной.

Тридцать шестой. Залив.
Речка. Бурун на стремнине.
Севером дышит Тумнин.
Лето – на лодку – к путине.

Тигриный ус, тропа оленя,
Горячая вода – ключи,
Уха из свежего тайменя.
И звезды, как цветы, в ночи.

Ручная птица, словно цаца,
Уселась в ветках Сихотэ
И шепчет заклинанья вкратце,
Но эхо по долине все сильнее...

Изменщица луна ушла за сопку,
А местные зовут её Айчи.
И древности, и старости нет сроку...
Туман, стихи, горячие ключи...

Сизиман. Бухта

Как донеслось моей строчке и слуху,
Словно сказал океан,
Так совпадает со мною бухта,
Бухта твоя, Сизиман*.
Ты бережешь знаменитость секвойи –
Каменной рощи плоды –
И закрываешь туманом соленым
Местного Духа черты.
С мыса Натуси, как на ладони,
Видишь Татарский пролив.
На побережье с тобою – нас двое,
И только один любим*.
Сизиман – на карте России.*
Любим имеется в виду – Сизиман.*

Тишина

Пили росы, пели птицы,
И горели на рассвете
Блики солнца, блики лилий,
Всё усиленной по стилю,

Все усерднее по темпу,
Зверь еще не просыпался,
Шмель жужжать не торопился,
Не шатался ветер знойный

По распадкам сопок чутких,
Там, где дерево цветами
Удивляло рысь с рысенком,
Тишина одна стояла,

Прислонившись к Тумнину.
Тишина скромна и зряча,
Тишина сейчас богаче,
Чем болото с шарфом мха
И влюбленностью жука.

Это весенний Тумнин
Машет зеленым крылом,
Это река и залив
В сердце навеки моем.

Даль Сихотэ-Алинь,
Ключ горячей, чем кровь,
Это небесная синь,
Это и вправду – любовь.

Птиц голоса и шум
Детской родной беготни!
Сколько бесчисленных дум!
Это достойно звезды!

Рафик Исмагилов (1929 -2010) [22]

Река Урил

«Кто назвал тебя словом коротким – Урил,
Кто тропинку к тебе проложил, проторил,
Из каких родников, из какого ключа
Ты свой путь начинаешь, звеня и журча,

В своем вечном стремлении на юго-восток,
Ты откуда течешь, где начало, исток?»
«Я живу на Земле этой тысячу лет,
А начало мое – Буреинский хребет,
Там, в пещере глухой, той, что время хранит.
Тихо падают капли на стылый гранит,
Капля с каплей сольются – уже ручеек,
Эти капли в пещере и есть мой исток.
Там, где я выбегаю из сумрачных скал,
Мое лоно от солнца хранит краснотал.
А пониже – черемух живые шатры.
Охраняют меня от ветров и жары.
Где же близко к воде подступают пески,
Словно золота россыпь, мои сосняки.
Если б разом меня оглядел с высоты,
Ты б сказал, что не видел такой красоты!
Я стремлюсь на восток, хоть суров он и хмур,
Потому, что течет там великий Амур.
Он в объятья свои среди ночи иль дня
Тихим омутом счастья пленяет меня...
Дни бегут благодатные вместе с водой,
Лишь однажды нарушен был мирный покой:
У скалы, уходящей в небесную высь,
Человек и медведь не смогли разойтись...
Молод был человек и, как молния, быстр,
И светились глаза его золотом искр.
Смел, отчаян эвен – зверь же злобен и дик,
Рев медведя сменял человеческий крик...
Много в этом бою было отдано сил.
Человек устоял, и медведь отступил.
Только раны горячие тот и другой
Обмывали моей родниковой водой...
И тогда это слово промолвил эвен,
Над моею водой поднимаясь с колен.

Тот эвен не однажды ко мне приходил
И тропу через лес напрямик проложил,
И по этой тропе на меня посмотреть
По утрам приходил и могучий медведь...
Я живу для людей без каприз и измен,
Ничего для себя не желая взамен!
Будет пологом лес и нектаром вода,
Лишь бы люди со мною дружили всегда!»

Река Алаун

То болотная крепь, то порог, то кривун,
Накружив вдоль по руслу заливы и старицы,
Все преграды осилив, спешит Алеун
На слияние с Томью – таежной красавицей.
Погибал от засилья! Но все ж удалось
Оградить твои дебри от жадных и падких!
Возвратился медведь, вышел к берегу лось,
Кабаны и изюбры пасутся в распадах.

Стая уток промчалась и скрылась вдали, –
Видно все же сказалась людская забота:
Прилетел к гнездовьям своим журавли,
Белый аист с подругой стоят у болота.
Залечил ты нескоро тяжелые раны,
Возродив от пожарищ поляны и склоны,
А теперь на опушках весеннею ранью
Удивляют цветами твои анемоны.

Ты и сам, помятая чужую вину,
Защищаешь себя сосняками и ивой.
Вновь с рассветом уходит таймень в глубину,
И ленок лишь к утру затихает игривый.
Заповедная зона. Закон здесь – тайга!

Потому и бушует зеленое чудо.
Хорошо, коль сюда не приникнет нога
Браконьера, хапуги и прочего люда!

Река Альдикон

Что в тебе, Альдикон, –
Не сосны ли надломленный стон?
Здесь мороз в январе – не вдохнуть,
И близка к замерзанию ртуть!
Что в тебе, Альдикон, –
Перекаатов шальных перезвон?
Здесь в июле – дожди и жара,
В перелеках – грибная пора.
Что в тебе, Альдикон, –
Не болот ли томительный сон?
Здесь вдали от клыков и от пуль –
Рай для птиц и косуль.
А еще есть в тебе, Альдикон,
Комариный назойливый звон.
Здесь не студит осенний туман
Жар брусничных полян.
Чтоб ты был, чтоб ты жил, Альдикон,
Властью принят охранный закон.
Потрудился с друзьями недаром
Бескорыстный защитник твой Дарман. *

**Г.Ф. Дарман – ученый зоолог Владивостока.*

Эпилог

Члены Хабаровского регионального отделения Российского союза писателей осознают, что являются защитниками русского языка, русской литературы, русского мира на Дальнем Востоке.

В XVII впервые на Амур пришли В.Поярков и Е.Хабаров – они оставили отчеты об этих землях и направили свои отчеты в столицу России – Москву. Об этом есть архивные сведения и написаны книги, в том числе нашими современниками (Г.Красноштанов «На ленских пашнях»). Именно этими отчетами руководствовался, тщательно изучив архивы, Г.Невельской, последнее звание которого – адмирал. Память о нем увековечена во многих населенных пунктах Дальнего Востока. В Хабаровске набережная Амура и Хабаровский аэропорт носят имя Г.Невельского. В 1849 году адмирал Г.Невельской, самовольно направляясь на исследование Нижнего Амура, заявил: «если в этом году мы не будем здесь – то сюда придет Британия». Г.Невельского поддержал тогда Тульский губернатор Н.Муравьев, благодаря вмешательству которого состоялось поручение царя в том же 1849 году (на экспедицию в Нижний Амур) и в дальнейшем обеспечена государственная поддержка освоению Крайнего Востока страны (Нижний Амур, бассейн реки Амур, западное побережье острова Сахалин). К сожалению, часть Крайнего Востока при царском режиме превратили в каторгу, особенно, это касается о.Сахалин. Об этом ярко и аргументировано написал после своей поездки в 1891 году (за свой счет и войдя в долги) А.П.Чехов. Читайте его книги «Девять сибирских очерков», «Остров Сахалин».

Позднее после революции 1917 года (в 2020 году) образована ДВР – Дальневосточная республика (с центром в г.Верхнеудинск, Читинской области). В начале XX века на Дальнем Востоке (это территории нынешнего формата

Хабаровского края, Приморского края, ЕАО, Амурская область) шла освободительная борьба, в результате которой в 1922 году ДВР вошла в состав РСФСР, как неотъемлемая часть России: Дальневосточный край с центром в городе Хабаровске. Хабаровск был и остается культурным центром Дальнего Востока. За время с 1923 года и до 1991 года Дальний Восток развивался, возведены города, поселки городского типа, железнодорожные станции. И это не каторжный край – это земли, где выросло ни одно поколение достойный граждан России, в числе которых семьи рабочих и крестьян, врачей и педагогов, строителей и водителей, военных и государственных служащих, работников культуры..

Большая часть наших авторов либо уже рождены в Хабаровске и крае, либо прибыли сюда по распределению из вузов, обосновали свои семьи и взрастили детей. А не потому, что их осудили на каторгу.

Писательская деятельность направлена на сохранение позиций России на Дальнем Востоке. Наши родственники живут по всей стране, дальневосточники – представители всех регионов советской страны. Мы – русскоязычные, мы – Россия, мы – Хабаровский край, Российский Дальний Восток. Среди известных и талантливых людей (артистов, писателей, ученых, изобретателей, космонавтов и людей иных профессий) не только страны, но и всего мира есть дальневосточники – граждане своей страны, родившиеся и (или) воспитанные на Дальнем Востоке. Об этом в своих работах как раз постоянно мы и пишем, когда составляем авторские публикации о своих родителях и дедах.

Тема положительного героя – это основная тема наших литературных произведений.

Библиографическая справка

[1] Александр Александрович Фадеев (11(24).12.1901-13.05.1956), семья переехала на Дальний Восток в 1908 году, учился в школе г.Владивостока, участвовал в освободительной борьбе, с 1921 года в Москве, был в оргкомитете при создании РАПП (1932г).

Русский, советский писатель и общественный деятель, журналист, военный корреспондент. Лауреат Сталинской премии 1 степени (1946г) и премии Ленинского комсомола (1970г, посмертно), Кавалер двух орденов Ленина (1939, 1951), Генеральный секретарь и председатель Союза Писателей СССР (1939-1956), главный редактор Литературной газеты (1942-1944), организатор и член редакции журнала «Октябрь», Вице-президент Всемирного Совета Мира (с 1950г), депутат ВС РСФСР, военный корреспондент, автор книг:

«Разлив», «Рождение Амгуньского полка», «Один в чаще», «Землетрясение», «О бедности богатстве», «Разгром», «Юность наших отцов», «Столбовая дорога пролетарской литературы», «Последний из Удэге» (роман-эпопея), «Ленинград в дни блокады», «Молодая гвардия», «За тридцать лет» (статьи, публицистика), «Черная металлургия» (не окончен).

[2]

<http://news.mail.ru/inregions/fareast/27/society/11512451/>

[3] Дважды лауреатом премии им.П.Комарова была Елена Михайловна Крадожен-Мазурова, член Российского союза писателей.

[4] 8 октября 2017 года в библиотеке им. Машука состоялась организованная работниками библиотеки творческая встреча автора Галины Александровны Пысиной с читателя.

[5] Тайны муравьиного дома. – г. Хабаровск: Кн. изд., 1989. – 64 с., рис. А. Н. Антонова.

Белоплечик: необыкновенная история обыкновенного воробья. – г. Комсомольск-на-Амуре: КнААПО, 1997. – 55 с., рис. автора.

Уссурийский фазан: рассказы. – г. Комсомольск-на-Амуре: Красная власть, 1998. – 64 с., фото автора.

«Тайны муравьиного дома»

[6] Джанго. Роман. г. Комсомольск-на-Амуре: Красная власть, 1999. – 410 с.; Встречи с подвигом: документальный очерк / Масловский Ф. Х., Масловская Н. Е. – Комсомольск-на-Амуре: Красная власть, 2000. – 120 с., ил.

[7] *«Мир вокруг...»* Мир вокруг: / Масловский Ф. Х., Масловская Н. Е. – Комсомольск-на-Амуре: Агора, 2018. – 120 с., ил.

[8] Лидия Сергеевна Смирнова – лауреат Премии Международной национальной премии «Писатель года» (2019г), диплом 2 степени.

[9] Пересторонин Гранит Федорович, дальневосточный поэт.

Родился в поселке Усть-Кара Читинской области 11 января 1931 года. В трудное послевоенное время, чтобы помочь семье, он после шестого класса идет работать киномехаником. Тогда мальчик впервые потянулся к рифме, но, почувствовав недостаток знаний, возвращается в школу. Закончив семилетку, поступает на железную дорогу учиться на связиста. Вернувшись после армии в родные места, Г.Ф.Пересторонин работает токарем в МТС.

В 1958 году он приезжает в Комсомольск-на-Амуре, с которым связывает свою судьбу навсегда. В этом году он приходит в городское литобъединение.

Его стихи публикуются в краевых газетах «Молодой дальневосточник», «Тихоокеанская звезда», в журнале «Дальний Восток». В 1962 году в Хабаровском книжном издательстве вышел небольшой сборник молодых поэтов края «Разбег», в котором опубликованы лирическое стихотворение, пародия и басня поэта. В 1964 году стихи Г. Пересторонина напечатаны в коллективном сборнике «Весенних ручьев голоса».

Много лет Г.Пересторонин проработал на заводе им. Ленинского Комсомола сначала токарем, слесарем, затем, по окончанию техникума, мастером, начальником бюро. Люди,

с которыми связала его заводская судьба, герои многих его стихотворений. Он пишет о нашем городе, его первых строителях, создает циклы басен и пародий. Стихи Г.Пересторонина вошли в коллективный сборник «Амурские корабли», «Амурский характер», «Песня моя - Комсомольск». Комсомольчанам хорошо знакомы его стихи по публикациям в городской газете «Дальневосточный Комсомольск».

Многие годы Г.Пересторонин руководил городским литературным объединением, помогая становлению творчества многих начинающих поэтов. В 2000г. Г.Пересторонин вместе с изографом Е. Черданцевой создали для школьников города «Веселую азбуку», на каждую букву которой он написал потешный стих. В 2002 г. Г.Ф.Пересторонин подготовил к изданию еще одну детскую книгу для среднего возраста «Очарование лесное». Поэт много выступает в школах, техникумах, различных организациях с чтением своих стихов, в которых присутствует и поэтическая зрелость и пытливое удивленное восприятие мира. Умер 4 ноября 2018 г.

Автор книг:

Веселая азбука: Книжка. Раскраска. Прописи. / Худож. Е. Черданцева - Хабаровск: Б.И., 2001 - 32с.

Город мастеров: Поэма. Стихотворения. - Комсомольск-на-Амуре: Агора, 2003. - 82с.

Из публикаций в отдельных сборниках:

Начало лета. Еж в сторожах: Стихи // Разбег: Стихи молодых поэтов - Хабаровск, 1962 - с. 58-59.

Весеннее. Зимний вечер: Стихи // Весенних ручьев голоса... Стихи - Хабаровск, 1964-с. 32-33.

Матери солдата: Стихи // Амурские корабли. Документы, очерки. Статьи. Воспоминания ветеранов - Хабаровск, 1970 - с. 245.

Сказание о городе: Стихи // Песня моя Комсомольск. Воспоминания, стихи, очерки - Хабаровск, 1982 - с. 332-334.

Муха. Суд. Копейка и рубль. Еж в сторожах: Басни. Обычай. Лесные богатства. Дорога к солнцу. Словно создан

руками ты вечности... Эти маленькие ручки. Огурцы. Природа. Календула. Тропинка. И назван их именем проспект. В праздник: Стихи // Вишнякова С.И. Детские писатели г. Комсомольска. Сборник - Комсомольск-на-Амуре, 1999-с. 107-114, с. 138-140, с. 160-161.

Сказание о городе. Весна. Корабелы. Обычай: Стихи // Поэтический сборник. Комсомольску-на-Амуре 70 лет. Стихи, проза - Комсомольск-на-Амуре, 2002 - с. 174-178.

Обычай. Обращение к богу. Эти маленькие речки. Огурцы. Природа. Календула. Россия. Еретик. Серость. Муха (басня). Копейка и рубль (басня). Еж в сторожах (басня): стихи // Солнцестояние : лит. альманах. Вып. 1. - Комсомольск-на-Амуре, 2003. - С. 31-38

[10] ХабРО РСП является учредителем конкурса одного стихотворения «Гражданская лирика» памяти Евг.евтушенко.

[11] Аркадий Федотов (родился в 1930г. в Киеве, умер в 2018г. в Хабаровске). Автор текста «Прощание славянки» написал в 1965 г.

[12] Руководитель Лито «Муза при свечах» на современном этапе – Татьяна Гладышева. Материал подготовлен – и опубликован впервые в 2015 году. В настоящий момент данное Лито продолжает деятельность, объединяя своих авторов в Городском Центре по работе с населением (Хабаровск, ул.Пушкина, 60).

[13] Перечень книг Семена Михайловича Кагана (авторское имя Семен Бытовой):

Дружба (стихи). – ЛАПП-Прибой, 1930. – 68 с.

Улица стачек (стихи). – М.-Л.: ЛАПП, 1931. – 62 с.

Наряд на переселение: стихи. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. – 40 с.

Дороги: по еврейским колхозам Крыма. – Л., 1931.

К большой земле: в колхозах ОЗЕТ (очерки). ЛАПП ОГИЗ, 1931. – 85 с.

Мы (альманах). – Л.: Молодая гвардия, 1931. – 70 с.

Кавалерийская (нотное издание). Музыка Н.Гана. Л.: Музгиз, 1933.

День рождения (стихи). – Хабаровск, 1934.

Дальний Восток: стихи. – М.: Художественная литература, 1937. – 77 с.

Ветер с Хингана (стихи). – Хабаровск: Дальневосточное гос. издательство (Дальгиз), 1940. – 76 с.

Амур в бою: путевые записки. Хабаровск: Дальневосточное гос. издательство (Дальгиз), 1941.

На Тихом океане. Л.: Советский писатель, 1941. 78 с.

Земля отцов (стихи). – Л.: ОГИЗ, 1944. – 70 с.

Отомсти. Песни ленинградских композиторов. Л., 1944.

Форпост. – Л.: Лениздат, 1945. – 104 с.

Камчатские встречи: путевые очерки. – Л.: Советский писатель, 1948.

Тихоокеанская весна: путевые очерки. – Л.: Советский писатель, 1949. – 229 с.

Поезд пришёл на Тумнин: путевые очерки. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1951. 241 с.

Wiosna na Kamczatce (на польском языке). Варшава: Książka i Wiedza, 1951.

Десять тысяч лет. Л. Советский писатель, 1953-191с.

Быль о жень-шене. – М., 1954.

На счастливой реке. – Л.: Советский писатель, 1954.

На Дальнем Востоке. – Л.: Советский писатель, 1954. – 478 с.

Vlak přijel k Tumninu: Tichomořské jaro (на чешском языке). Прага: Svět sovětů, 1954.

Стихотворения. – Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1955. – 191 с.

Signály s Orlí skály (на чешском языке). Прага: Naše vojsko, 1955.

Быль о жень-шене. – М.: Госиздат, 1956. – 84 с.

Сады у океана. Л.: Советский писатель, 1957. – 161 с.

Там, где всегда ветер. М.: Молодая гвардия, 1957-36с.

Лесная школа. – Л.: Лениздат, 1957. – 246 с.

- Даурская жемчужница – М.: Детгиз, 1959. – 163 с.
- Февральское солнце. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1959. – 153 с.
- Когда сходятся берега. – М.: Детгиз, 1960. – 124 с.
- Корень жизни. Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1960. – 629 с.
- Лебеди летят над тайгой (повесть). – Л., 1964.
- Счастье на семь часов раньше: повесть. – Л., 1964.
- Река твоих отцов. Л.: Детская литература, 1965. 202с.
- Олени бегут к горизонту. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1969. – 344 с.
- Ночью скалы светятся. – Л.: Детская литература, 1972. – 240 с.
- От снега до снега: Повесть об одном путешествии. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1972. – 285 с.; там же – 1974. – 326 с.
- Лебеди летят над тайгой: Повести – 2-е изд., доп. – Л.: Детская литература, 1976. – 223 с.
- Обратные адреса: Повесть. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1976. – 304 с.
- Ветер с горных вершин: Дальневосточные повести. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1978. – 656 с.
- Светлые воды Тыми: Дальневосточные повести и рассказы. – Л.: Лениздат, 1980. – 472 с.
- Багульник: Повесть из путевого блокнота. – Л.: Советский писатель, 1981. – 335 с.
- Камчатские встречи: путевые очерки. – Л.: Советский писатель, 1981. – 239 с.
- Багульник. Обратные адреса. Дальневосточные повести. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1983. – 512 с.
- Долгие грозы: Повесть. – Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1986. – 303 с.
- Избранное. – М.: Советская Россия, 1990. – 222 с.
- Наградные листы писателя размещены на сайте «Подвиг народа»

[14] Вера Григорьевна Калашникова – руководитель литературно-музыкального салона «Северное сияние» при Доме ветеранов Краснофлотского района города Хабаровска прошлых лет.

[15] Алина Анатольевна Таенкова – директор краевого молодежного медико-социального центра «Контакт», кандидат медицинских наук. Имеет более 30 научных публикаций, соавтор трех монографий, 5 социально-образовательных программ, четырех методических пособий, автор более 50 видов буклетов о ЗОЖ и профилактике поведенческих болезней, 10 сценарием социальных видеороликов, направленных на профилактику наркокомании/ВИЧ/СПИДа. Она является разработчиком двух инновационных социальных технологий по формированию здорового жизненного стиля. По ее инициативе и научном обосновании создан алгоритм медико-социального сопровождения молодых и юных клиентов, использующих контрацепцию, работает молодежная телефонная контрацептивная линия «Измени своей жизни концепцию, узнай правду о контрацепции», внедрена технология зоотерапии и арт-боди.

[16] <https://zoosad27.com>

[17] *Всеволод Петрович Сысоев* родился 24 ноября 1911 года в Харькове. Детство прошло в Крыму. Юный Всеволод зачитывался книгами о знаменитых путешественниках и натуралистах, окончил школу в Ялте. В 1932 году по комсомольской путёвке приехал в Москву, поступил в институт имени Баумана. Но «мрачные, лишённые свежего воздуха аудитории» пришлось ему не по душе, и вскоре он перевёлся во Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства, где в 1937 году получил диплом охотоведа-биолога. Охотовед по профессии, натуралист с широким кругозором по призванию, Сысоев стал инициатором работ по акклиматизации и расселению промысловых животных. Благодаря ему, на огромных пространствах Дальнего Востока, от Анюя до Колымы появились соболь, бобр, норка. Ондатра. В 1955 году

Всеволод Петрович вынужден был оставить управление охотничьим хозяйством. Он стал преподавателем, а затем деканом географического факультета Хабаровского пединститута., занялся более глубоким изучением природы и проблем, связанных с обитанием зверя в дальневосточной тайге. Написал и опубликовал ряд научных трудов, популярных очерков, статей. Вместе со студентами им были обследованы бассейны рек Амур, Мокрохон, Улья, Олчон. Он прошёл по нехоженным тропам северных районов края. В результате этих экспедиций появилась книга «Природа и хозяйство Кур-Урмийского района». Особая страница в жизни – Хабаровский краеведческий музей. директором которого Сысоев был с 1960 по 1972 год. Его музейная деятельность началась в 1960 году за рабочим столом Арсеньева – кумира детских лет. Много сделал Всеволод Петрович для того, чтобы в музее появился уголок, посвящённый этому знаменитому путешественнику и исследователю; были сохранены личные вещи, принадлежавшие Арсеньеву и подлинный отчёт об экспедиции 1927 года в Советскую Гавань. В музее хранится и демонстрируется множество экспонатов, доставленных сюда Сысоевым, в том числе редчайшая птица чешуйчатый крохаль, добытая им лично, и речная раковина с крупной жемчужиной. При Сысоеве музей обрёл вторую жизнь, в 1967 году он был удостоен звания «Лучший музей СССР».

Был знаком с такими известными династиями амурских тигролов как Черепановы и Богачёвы. Он лично принимал участие в поимке свыше 70 тигров. Все отловы производились строго по госзаказу и осуществлялись при помощи рогатин и верёвок. Данную технологию он многократно описывал в своих книгах Будучи активным и жизнедеятельным человеком, Всеволод Петрович до последних дней вёл активную общественную работу. Он был частым гостем среди школьников и студентов

Заслуженный работник культуры России
Почетный гражданин города Хабаровска
Почетный профессор

Писатель-краевед
Член Союза писателей СССР с 1967г
Лауреат почётного знака Правительства
Хабаровского края «За заслуги» к 150-летию со дня
подписания Айгунского договора.

Грамоты:

Президиума Верховного Совета РСФСР
Правления Союза писателей СССР «За литературную
работу»
Хабаровской краевой Думы «За сохранение природы».
Пожизненная стипендия Губернатора Хабаровского
края «За вклад в развитие культуры края».

Награды:

Орден Отечественной войны 2 степени
Медали «За победу над Японией»
Орден Почета

Увековечен:

1997г – Международный географический центр в
Кембридже занес биографию В.П. Сысоева во Всемирную
Британскую энциклопедию «Выдающиеся люди планеты»

«500 золотых страниц о животных» – внесена
фамилия В.П. Сысоева наряду с другими писателями, такими
как Бианки и Пришвин

Зоосад «Приамурский» носит имя В.П. Сысоева

Один из горных хребтов Сихотэ-Алиня носит имя
В.П. Сысоева

Памятная доска, посвящённая Всеволоду Сысоеву –
на здании Хабаровского краеведческого музея имени Н.И.
Гродекова.

В краевом архиве создан личный фонд В.П. Сысоева.

Литературные труды:

«Охота в Хабаровском крае»;
«Охота в дальневосточной тайге»;
«Тайга»;
«Тигроловы»;

«Записки дальневосточного натуралиста
(следопыта)»;
«Амба»;
«В северных джунглях»;
«В дальневосточной тайге»;
«Амурские звероловы»;
«Удивительные звери»;
«Золотая Ригма» т.1, «Последний барс» т.2
«Хозяин Малого Хингана»;
«Путешествие по музею»,
«Избранное» в 3-х т.т.
В соавторстве с В.Клипелем:
«В горах Баджала»;
«За чёрным соболем»;
«Светлые струи Амгуни».

[18] **Георгий Георгиевич Пермяков** (авторское имя **Г.Ланин**) (24 ноября (7 декабря) 1917 — 9 декабря 2005) — русский советский прозаик, краевед, востоковед (синолог), переводчик с китайского и японского языков, переводчик последнего китайского императора Пу И (находившегося в советском плену с 1945 по 1950 годы)

Автор книг:

Г.Ланин Синий тарантул: Приключ. Повесть. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1957. 152с. 90 000 экз.

Г. Ланин Красная маска: приключенческая повесть // В газетах «Молодой дальневосточник» (Хабаровск) — «Амурский комсомолец» (Благовещенск). 1957-1958.

Г.Пермяков Голубые звезды: (Занимательное краеведение). Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1959. 88с.

Г.Ланин Остров алмазов. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1963. 176с. 30 000 экз.

Г.Пермяков Тропой женьшеня. Рассказы и очерки о В.К.Арсеньеве. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1965.160с.

Г.Пермяков Тигровый камень. Рассказы. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1974. 208с.

Г.Пермяков Император Пуи. Пять лет вместе: Мемуары // Тихоокеанский альманах «Рубеж». 2003. № 4. С. 279-308. ISSN 0869-1533.

Г.Пермяков Отряд 731: Документальная повесть // Тихоокеанский альманах «Рубеж». 2004. №5. ISSN 0869-1533.

Г.Ланин Синий тарантул. Красная маска. Кн. 1-я. М.: Престиж бук, 2013. (Ретро библиотека приключений и научной фантастики). 3000экз. ISBN 978-5-371-00356-0.

Г.Ланин Остров алмазов. Маска. Рассказы о Китае. Кн. 2-я. М.: Престиж бук, 2013. Ретро библиотека приключений и научной фантастики). 4000 экз. ISBN 978-5-371-00363-8.

Г.Г.Ланин Медуза: Повесть; Багровая кукла: Роман; Нонна: Повесть. Кн. 3-я. М.: Престиж Бук, 2015. 384 с., ил. (Ретро библиотека приключений и научной фантастики).

[19] <http://www.stihi.ru/2011/06/07/3911> (муз. и исп. Евгения Никитина):

[20] Юзефов Владислав (11.08.1931-2005), по образованию – педагог, директор Николаевского краеведческого музея (1965-1987), Заслуженный работник культуры РСФСР. Действительный член Русского географического общества, Почетный гражданин города Н-н-А, авто более 100 публицистических работ, автор книги «Годы и друзья старого Николаевска» Мемориальная доска открыта 11 августа 2006 года на здании краеведческого музея Н-н-А.

[21] **Виталий Захаров** (27.06.1939-11.07.2013), автор стихов и прозы, в том числе стихов для детей, автор нескольких книг, член СРП, возглавлял Дальневосточную межрегиональную писательскую организацию Союза российских писателей, начальник отдела пропаганды, агитации, культуры и быта газеты «Дальневосточный пограничник» 1976-1993гг, подполковник в отставке, Хабаровск.

[22] **Рафик Исмагилов** (18.08.1929-29.06.2010) юрист по образованию, дальневосточный поэт, автор сборника стихов, лауреат поэтических конкурсов, г.Благовещенск.

Елена Крадожен-Мазурова Легче писать о мёртвом поэте?!

Рефрен- эпифора «... ещё живой» в стихотворении и творчестве Сергея Сутулова- Катеринича Данная работа опубликована в журнале «Дальний восток», в альманахе «Притяжение-ДВ» №1(4)-2018, с. 211-224.

Крадожён-Мазурова Е.М. К 78 Избранные статьи. – 2-е изд., испр. и доп. –М.: Издательство «Спутник +», 2019. – 100 с.ISBN 978-5-9973-5338-4

<https://www.labirint.ru/books/755863/>

[1] Деньги.

[2] Амбивалентный, прил., краткая форма амбивалентен. 1. Неоднозначный, двойственный, двузначный. 2. Содержащий противоположные или противоречивые элементы, компоненты. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково- словообразовательный. – 2-е изд., стереотип. – М.:

Рус. яз., 2001. – Т.1: А-О.

[3] И.В. Гете. Страдания юного Вертера, 1774.

[4] Александр Николаевич Башлычёв – русский поэт, автор и исполнитель песен. Один из представителей советского андеграунда. Александр Башлычёв родился 27 мая 1960 года в Череповце, умер в 1988 году. Похоронен в Санкт-Петербурге.

[5] Михаил Анищенко, поэт. Подробнее: <http://www.uznayvse.ru/zname nitosti/biografi ya- aleksey-anichenko.html>

[6] Нил Амстронг (1930) – астронавт, 20 июля 1969 года стал первым астронавтом, ступившим на поверхность Луны. Родился 5 августа 1930 года в Уапаконетта, штата Огайо. Биография наиболее известна, как история первого человека, ступившего на Луну. 25 августа 2012 года из-за возникших осложнений после операции на сердце скончался.

[7] Петел означает – петух. Пример использования слова «петел» – Евгений Баратынский: «Очнулся я, румян и светел

/ Уж новый день сиял, /И громкой песнью ранний петел / мне утро возвещал» (Бдение). 99

[8] «Высоцкий. Спасибо, что живой». Год выхода 2011. Жанр кино: драма, биография. Режиссёр: Петр Буслов. Автор сценария: Никита Высоцкий.

Роли сыграли: Сергей Безруков, Оксана Акиньшина, Андрей Смоляков, Максим Леонидов, Андрей Панин, Владимир Ильин и др.

Елена Крадожен-Мазурова Река Поэзии Капитана Игоря Царёва

Крадожён-Мазурова Е.М. К 78 Избранные статьи. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Спутник +», 2019.100с. ISBN978-5-9973-5338-4 <https://www.labirint.ru/books/755863/>

[1] Гидроним – собственное имя водоёма (реки, озера, моря и т.п.) как объект.

[2] Игорь Вадимович Могила (Игорь Царёв) появился на свет в Приморском посёлке Гродеково 11 ноября 1955 года в семье инженера Вадима Петровича Могила, будущего профессора Дальневосточного государственного университета путей сообщения, и Екатерины Семёновны Кирилловой – учителя русского языка и литературы.

[3] «Тихоокеанская звезда» (ТОЗ) – еженедельная общественно-политическая газета, издающаяся в Хабаровском крае, одна из старейших непрерывно издающихся газет Дальнего Востока.

[4] Приморский край – редко где в России растёт дикий розовый лотос и водятся тигры.

[5] «Дети Империи» / Игорь Царёв. – М.: Издательство «Буки Веди», 2018. – С. 7.

Уважаемые читатели!

**Издательство «Спутник+»
предлагает:**

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
- 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
- + **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

ПРИТЯЖЕНИЕ-ДВ

Литературно-исторический альманах

Выпуск 3(14)

Лето-2020

Макет книги составлен Г. Пысиной

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)
Подписано в печать 03.12.2020. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,13. Тираж 60 экз. Заказ 428.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»